А. Вольскій

Умственный рабочій

Часть III.

ЖЕНЕВА
1904.

Настоящая брошюра составлена, (со значительными дополненіями,) изъ двухъ рефератовъ, прочитанныхъ недавно въ Женевѣ подъ общимъ заглавіемъ: «Рабочая революція и соціалистическая интеллигенція». Вмѣстѣ съ тѣмъ она представляетъ прямое продолженіе и развитіе положеній, установленныхъ въ книжкѣ: «Умственный рабочій» (2 части: I. Эволюція соціалдемократіи, II. Научный соціализмъ), изданной въ 1901 году въ Россіи, въ очень ограниченномъ, впрочемъ, количествѣ экземпляровъ. Поэтому брошюра выпускается изъ печати, какъ

Умственный рабочій

Часть III

Брошюра будетъ издана въ видѣ двухъ выпусковъ. Предлагаемый читателю

Выпускъ I

представляетъ собою первый изъ двухъ упомянутыхъ рефератовъ, а именно

Соціализмъ и рабочее движеніе въ Россіи.

III часть «Умственнаго рабочаго» составляетъ тѣмъ не менѣе отдѣльное цѣлое, понятное для всякаго, даже совершенно незнакомаго съ первыми двумя частями сочиненія.

Обѣщанная въ предисловіи къ первымъ двумъ частямъ критика основныхъ историко-философскихъ взглядовъ марксизма будетъ помѣщена въ нѣсколькихъ главахъ II выпуска.

Женева, августъ 1904 г.

Продолжительная агонія самодержавія.

Болѣе полувѣка русскій радикалъ съ тоскою и нетерпѣніемъ ждетъ крушенія деспотическаго правительства, которое своимъ существованіемъ „позоритъ", по его патріотическому выраженію, его „родину". Все это время онъ тщательно слѣдитъ за всѣми затрудненіями, на которыя наталкивается царское правительство въ управленіи развивающимся обширнѣйшимъ государствомъ. При каждомъ изъ такихъ конфликтовъ радикалъ громко заявляетъ о безпомощности азіятскаго правительства, о невозможности для полицейскаго режима справиться съ растущими потребностями европеизующейся страны; всякій разъ онъ предвѣщаетъ самодержавію немедленную гибель, пророчитъ полное государственное банкротство. Но, увы!.. въ силу какого-то страннаго и, для бѣднаго русскаго радикала, фатальнаго рока самодержавіе живетъ понынѣ съ этими безчисленными зародышами разложенія и гибели; каждый разъ оно грубо, по азіятски рѣшаетъ встрѣчаемый на пути конфликтъ и изъ какихъ-то непонятныхъ для радикала источниковъ черпаетъ силу для дальнѣйшаго своего существованія и тѣмъ самымъ, къ ужасу и горю своего противника, становится все крѣпче.

Съ момента объявленія происходящей нынѣ войны предвѣщанія самодержавію немедленной гибели въ особенности усилились и стали высказываться русскимъ радикаломъ несравненно настойчивѣе, нежели когда-либо. Всѣ нелегальныя русскія газеты переполнились статьями, заключающими подробнѣйшія вычисленія и всестороннія доказательства того, что царское правительство само почувствовало себя на краю гибели, Только безвыходнымъ, прямо отчаяннымъ положеніемъ можно объяснить, что оно затѣяло этотъ безумно рискованный и авантюристскій шагъ, столь недѣпо азартную игру. Народныя массы взбудоражены и заражены крамолой до глубины; общество даже въ самыхъ легальныхъ слояхъ озлоблено противъ правительства: при такихъ условіяхъ царь не найдетъ нигдѣ поддержки, не найдетъ кредита ни на одной изъ европейскихъ биржъ и онъ идетъ прямо на встрѣчу своему Седану, по крайней мѣрѣ второму Севастополю.

Однако русское правительство очень скоро принудило революціонера понизить тонъ. Не болѣе, какъ черезъ мѣсяцъ послѣ объявленія войны оно успѣло показать революціонеру, что на своей сторонѣ оно имѣетъ, — вопреки всему, что пишется въ революціонныхъ газетахъ, — не только полицію, жандармовъ и поповъ, не только тѣ консервативные слои общества, которые всегда служили опорой престола и отечества. На его сторонѣ элементы совсѣмъ свѣжіе, прогрессивные ли-

бералы, т. е. значительная часть того самаго передового общества, которое революціонеръ считалъ своимъ и которое онъ издавна пытается натравить на царя. „На самомъ краю гибели и банкротства", „въ самомъ безвыходномъ положеніи" силы самодержавія не только освѣжаются, вдохновляются, но и прямо множатся. Царизмъ укрѣпляется, поднимаетъ, не смотря на всю ничтожность и смѣхотворность своихъ народныхъ демонстрацій, столь сильную волну всероссійскаго патріотизма, что послѣдняя заставила даже русскаго революціонера серьезно считаться съ нею. Въ № 61 „Искры" онъ считаетъ необходимымъ объясниться передъ царскими писаками въ томъ, что онъ не измѣнникъ, способный войти въ союзъ съ японскимъ правительствомъ, а въ слѣдующемъ, 62-омъ № того же изданія онъ прямо говоритъ, что онъ патріотъ, получше всѣхъ бывшихъ русскихъ патріотовъ, способный не менѣе другихъ, а напротивъ больше ихъ и разумнѣе заботиться и любить „цѣлое".

Неужели злосчастный рокъ все еще попрежнему готовится преслѣдовать русскаго радикала-революціонера? Неужели его разочарованіямъ не суждено окончиться?

Вѣдь современный русскій революціонеръ, какъ социалдемократъ, въ послѣднія десять лѣтъ готовилъ нужную ему революцію такъ усиленно и по самымъ послѣднимъ, новѣйшимъ европейскимъ методамъ, отбросивъ старыя доморощенныя средства самобытнаго соціализма. Онъ изучилъ, повидимому, въ совершенствѣ и примѣнилъ въ полномъ видѣ все искусство привлеченія рабочихъ для излеченія общества отъ всякихъ его недостатковъ и противорѣчій, искусство, испытанное, какъ говорятъ, повсюду въ Западной Европѣ и оказавшееся безошибочнымъ. Ему удалось составить и кое-какіе рабочіе баталліоны, и онъ уже не разъ, указывая съ гордостью на эти плоды своей дѣятельности, съ твердою увѣренностью объяснялъ либеральному обществу, что оно въ лицѣ этихъ баталліоновъ пріобрѣло, наконецъ, дѣйствительную реальную силу для борьбы съ царемъ — народныя массы, впервые въ исторіи Россіи выступающія на борьбу за прогрессъ. Неужели вся эта работа, исполнявшаяся съ такою увѣренностью, по столь испытаннымъ методамъ, не должна достигнуть своей цѣли?

Русское рабочее движеніе, руководителемъ, даже чуть ли не творцомъ котораго считаетъ себя соціалдемократія, приняло уже обширные размѣры и имѣетъ за собою очень интересную исторію. Но достаточно вспомнить послѣдній его эпизодъ, чтобы убѣдиться, на сколько это движеніе не желаетъ считаться съ соціалдемократическими формулами и законами, на сколько испытанный методъ многаго не предвидѣлъ; а если указанное событіе разсмотрѣть поближе, то мало-по-малу станетъ обнаруживаться и причина злоключеній русскаго радикала.

Прошлогодняя всеобщая стачка на югѣ Россіи не только не подготовлялась; она даже никѣмъ не предполагалась и не ожидалась. Революціонеръ предвидѣлъ ее столь же мало, какъ и общество и правительство. Соціалдемократы, а вмѣстѣ съ ними и всѣ русскіе революціонеры пытаются изобразить это движеніе, какъ не вполнѣ сознанный массами протестъ противъ самодержавнаго строя. Но для всякаго очевидно, что русскій революціонеръ собственныя пожеланія выставляетъ за совершившіеся факты. Не будемъ ужъ говорить о томъ, что былъ

моментъ въ этомъ движеніи, именно въ Одессѣ, когда массы совершенно недвусмысленно выступали прямо противъ стремленій русскаго революціонера- это былъ очень непродолжительный моментъ, когда стремленія массъ ярко еще не выразились. Точно также достаточно лишь упомянуть, какъ объ общеизвѣстномъ фактѣ, о томъ, что начало прошлогодняго движенія, движеніе бакинскихъ рабочихъ представляло собою экономическую стачку, въ полномъ смыслѣ этого слова. Но мы утверждаемъ, что и при разсмотрѣніи всего движенія, въ его цѣломъ, вполнѣ развившемся видѣ, не трудно замѣтить, что основное стремленіе массъ направляется совсѣмъ не въ ту сторону, куда пытаются отклонить эти массы усилія революціонеровъ.

Пока, въ подтвержденіе только-что сказаннаго, мы отмѣтимъ здѣсь слѣдующія особенности прошлогодняго движенія.

Во первыхъ. Несомнѣннымъ стремленіемъ рабочихъ массъ было распространить движеніе *повсюду*. Въ Кіевѣ, Екатеринославѣ и др. достаточно было перваго слуха о всеобщей стачкѣ, происходящей на Кавказѣ и въ Одессѣ, для того чтобы вызвать въ массахъ неудержимое стремленіе устроить всеобщую пріостановку производства и всякаго движенія и въ своемъ городѣ. Напротивъ, революціонерамъ въ это время понадобилось всесторонне обсуждать дѣло, стоитъ ли вообще присоединяться къ движенію.

Вотъ въ какое настроеніе привело кіевскій соціалдемократическій комитетъ извѣстіе о рабочемъ возстаніи:

«Вѣсти съ юга были *не особенно утѣшительны* для партіи: стачечное движеніе, охватившее Кавказъ и перебросившееся въ Одессу не имѣло вполнѣ организованнаго характера, началось, повидимому, *стихійно* и не пріобрѣло въ достаточной степени сознательно - *политической* окраски.»

Рабочее возстаніе, какъ бы оно широко ни разлилось, для русскаго революціонера «не утѣшительно» и нежелательно, разъ оно «стихійно» и безъ «политической окраски»!

«Почва для устройства стачки въ Кіевѣ имѣется, но важно обсудить принципіальный вопросъ, *слѣдуетъ ли ее организовать*, если Комитетъ не сможетъ придать ей ярко-политической окраски и все время руководить ею, сохраняя свою *власть надъ стачечниками*» (!). (Правдинъ. »Революціонные дни въ Кіевѣ», стр. 4. Курсивъ здѣсь и ниже нашъ.)

И только тогда, и только тамъ, гдѣ становилось вѣроятнымъ, что массы поднимутся и безъ призыва революціонныхъ организацій, послѣднимъ не оставалось ничего другого, какъ издать прокламаціи, призывающія къ забастовкѣ. Иначе онѣ рисковали, что движеніе пойдетъ совершенно помимо нихъ. Въ отчетѣ Екатеринославскаго комитета Р. С. Д. Р. П., помѣщенномъ въ № 42 «Искры» говорится:

«Въ концѣ іюля Комитетомъ для выясненія положенія было устроено нѣсколько спеціальныхъ собраній... Указывалось, что моментъ для стачки неблагопріятенъ...(Но) впослѣдствіи,..по собраннымъ свѣдѣніямъ было видно..,что настроеніе у всѣхъ очень напряженное: *всѣ ждутъ не дождутся стачки;* что *будемъ ли мы призывать или нѣтъ, она начнется*; что войска не помѣшаютъ ей начаться, такъ какъ къ плохому экономическому положенію прибавилось чувство солидарности, очень быстро растущее подъ вліяніемъ

извѣстій о стачкахъ въ другихъ городахъ.» Потомъ, когда по разнымъ поводамъ социалдемократическая стачечная коммиссія отложила стачку на два дня, «привести это рѣшеніе въ исполненіе было трудно: послѣдняя недѣля передъ стачкой проходила для всѣхъ очень томительно; всѣ ждали ея и всѣ спрашивали, когда же начнется стачка? Когда болѣе близкимъ рабочимъ говорили, что она отложена на четвергъ, седьмого, то они были очень недовольны этимъ, такъ какъ *боялись, что масса не станетъ дожидаться призыва организаціи и начнетъ стачку сама.*»

Итакъ, въ то время, когда рабочія массы стремятся вполнѣ недвусмысленнымъ образомъ распространить забастовку повсюду, революціонеръ не считаетъ нужнымъ даже подражать имъ, и тамъ, гдѣ массы сами не производятъ достаточнаго на него давленія, онъ молчитъ, хоть и имѣетъ организаціи по всей Россіи.

Во вторыхъ. Представляя себѣ свое движеніе всеобщимъ, массы сообразно съ этимъ и стремились придать движенію повсюду соотвѣтственный характеръ, характеръ повсемѣстнаго рабочаго *возстанія.* Съ этою цѣлью путемъ забастовки, а гдѣ она не удавалась, путемъ прямого насилія массы стремились лишить города не только всѣхъ средствъ передвиженія, но даже освѣщенія, пищи и воды. Революціонеры эти шаги массъ считали недопустимыми, и противъ этихъ «незаконныхъ» пріемовъ выступали, какъ соц.-дем.-іе комитеты, такъ и отдѣльные спропагандированные ими «сознательные» рабочіе.

«Въ первый день стачки, говорится въ цитированномъ выше описаніи Правдина, были попытки со стороны нѣкоторыхъ экспансивныхъ рабочихъ удержать поѣздъ, идущій на Курскъ, но организованные рабочіе убѣдили ихъ оставить свое намѣреніе.» (стр. 38)

Въ особенности Бакинскій комитетъ отличался, прямо противодѣйствуя возстанію и подавляя всякое стремленіе массъ къ болѣе энергичному давленію на буржуазное общество. «Даже останавливая работы, говоритъ одна изъ его прокламацій, мы должны избѣгать насилія и не заставлять присоединяться къ стачкѣ рабочихъ, которые этого не желаютъ: пусть ихъ..» («Револ. Рос.» № 32.) Бакинскій комитетъ, напуганный поджогами, къ которымъ прибѣгли рабочіе, возмущенные отказомъ капиталистовъ, не постыдился даже провозгласить въ такихъ словахъ окончаніе стачки: Пора «поскорѣе окончить эту затянувшуюся *для обѣихъ сторонъ тяжелую* борьбу». (тамъ же) Не постыдился апеллировать прямо къ малодушію: Казаки, полиція, солдаты «станутъ прибѣгать къ особымъ мѣрамъ, начнутъ бить, стрѣлять, арестовывать всѣхъ и каждаго, чтобы запугать васъ». (тамъ же) Здѣсь, какъ говорятъ, была образована даже изъ соц.-дем.-ихъ рабочихъ стража для охраны имущества буржуазіи.

Такое поведеніе отдѣльныхъ комитетовъ вся соц.-дем.-ая партія признаетъ вполнѣ раціональнымъ, а центральный партійный органъ въ статьѣ Засуличъ (Прилож. къ брош. Правдина) объяснилъ, что для русской соц.-дем.-іи невозможна другая тактика до тѣхъ поръ, пока возстающія массы не потребуютъ единодушно и ясно конституціи; тогда лишь допустимо возстаніе, не отступающее ни передъ какими крайностями.

Что касается соц. рев.-овъ, то послѣдніе, хотя и декламируютъ

о вооруженныхъ демонстраціяхъ, но лишь только массы пытаются проявить насиліе по отношенію къ *обществу*,-они, конечно, еще тверже, нежели соц.-дем.-ы, стоятъ за мирный, благородный способъ дѣйствій. Цитируемый нами выше рецензентъ «Рев. Рос.», осуждающій Бакинскій соц.-д.-ій комитетъ за его миролюбіе и антиреволюціонность, все же любуется вдоволь мирнымъ характеромъ Бакинской стачки:

«..Точно также не бастовали или почти не бастовали пекаря, булочники, мясники, извощики: торговля также не прекращалась. Такимъ образомъ буржуазная публика не чувствовала особенныхъ неудобствъ отъ стачки. *Народъ, этотъ новый самодержецъ, спокойно, милостиво и умѣренно пользовался своей неограниченной властью*, радуясь, какъ ребенокъ своему неожиданному могуществу.»

Въ концѣ концовъ оказывается, что въ обуздывающихъ насилія дѣйствіяхъ соц.-дем.-аго комитета было не мало величественной красоты.

Сдѣлаемъ выводъ. За полгода до возникновенія японской войны на югѣ Россіи поднялись на борьбу сотни тысячъ рабочихъ, стремясь вызвать въ Россіи всеобщее рабочее возстаніе. Радикальное общество, ожидающее конституціи и его представитель русскій революціонеръ заявили: пока не надо, . рисковано, . опасно. Событія, требуя немедленнаго отвѣта, поставили рѣзко вопросъ: какъ относится революціонеръ къ рабочему возстанію въ современной Россіи? Они отняли возможность у революціонера расплатиться съ рабочими и на этотъ разъ лишь векселемъ на будущее; они произвели учетъ его высокимъ, «соціалистическимъ», «социалдемократическимъ», «чистопролетарскимъ» идеаламъ, и результатъ получился въ высшей степени интересный. Революціонеръ передъ лицомъ правительства, которому онъ полвѣка грозитъ революціей, долженъ былъ раскрыть свою душу и признаться, что въ составъ его «революціонныхъ» плановъ входитъ твердое противодѣйствіе рабочему возстанію, рабочей революціи.

Нельзя сказать, чтобы это для правительства было совершенно неожиданной новостью. Крайностямъ и насиліямъ, къ которымъ нерѣдко прибѣгали русскіе рабочіе въ своихъ бурныхъ стачкахъ, революціонеръ имѣлъ случай не разъ высказать свое неодобреніе, а по отношенію къ западноевропейскому «правовому» государству онъ часто считалъ своимъ долгомъ заявлять свою лойяльность и не забывалъ высказывать безусловное порицаніе рабочимъ бунтамъ въ такихъ «свободныхъ» государствахъ.

Но все таки для правительства оставалось еще не вполнѣ выясненнымъ: не хочетъ русскій революціонеръ рабочей революціи, или же онъ въ самомъ дѣлѣ не можетъ, какъ онъ самъ объясняетъ, стремиться къ ней: по трудности и невыполнимости дѣла? Прошлогоднія іюльскія событія дали прямой отвѣтъ: русскому революціонеру не нужно поднятаго рабочими массами, происходящаго на его глазахъ, рабочаго возстанія — онъ его не желаетъ.

Итакъ, между стремленіями русскаго революціонера и стремленіями рабочихъ массъ существуетъ глубокій антагонизмъ. Этотъ соціальный антагонизмъ революціонеръ всѣми силами старается скрыть. Но, не смотря на всѣ его усилія, антагонизмъ этотъ давно обнаруживается, а въ прошлогоднихъ лѣтнихъ событіяхъ обнаружился чрезвычайно

ярко. Вотъ этотъ-то соціальный антагонизмъ и вытекающее изъ него противодѣйствіе революціонера рабочему возстанію даетъ самодержавію жизнь на глазахъ русскаго революціоннаго движенія послѣдняго полувѣка точно также, какъ іюньское избіеніе парижскихъ рабочихъ французскими демократами въ 48 г. дало жизнь третьей имперіи.

Вотъ гдѣ злой рокъ русскаго революціонера, столь неумолимо преслѣдующій его. Онъ заключается въ немъ самомъ, въ природѣ его стремленій, желаній, плановъ.

Если пролетарской революціи, рабочаго возстанія боится даже самъ революціонеръ, то какъ же не трепетать передъ нимъ русскому либеральному обществу, какъ ему не удерживать при жизни твердой самодержавной власти, не смотря на всѣ ея бѣснованія?

Но мало того. Этотъ антагонизмъ между русскимъ революціонеромъ и рабочимъ движеніемъ даетъ самодержавію не только жизнь; онъ даетъ ему возможность расти и крѣпнуть, ибо радикальные элементы каждаго поколѣнія, напуганные краснымъ призракомъ, оно на слѣдующій день привлекаетъ къ себѣ на службу.

Этотъ антагонизмъ даетъ возможность самодержавію въ борьбѣ съ противникомъ удерживать свои старыя, азіятскія средства гнета и истребленія крамолы: по отношенію къ революціонному движенію, которое само боится бунта рабовъ всего міра, можно безопасно примѣнять самые звѣрскіе пріемы, разъ это движеніе, по мнѣнію правительства, не въ мѣру разошлось.

Этотъ соціальный антагонизмъ позволяетъ русскому правительству затѣвать самые наглые планы, самыя авантюристскія предпріятія, вызывать къ жизни и организовать самые звѣрскіе инстинкты своихъ вѣрноподданныхъ. Оно могло бы затѣвать въ десять разъ болѣе широкіе еврейскіе погромы, не боясь собственноручно нарушать общественный «порядокъ и спокойствіе»: какъ бы ни былъ расшатанъ этотъ порядокъ, народныхъ массъ некому повести къ ихъ собственному возстанію, къ рабочему возстанію.*)

*) Замѣтимъ мимоходомъ, что при еврейскихъ погромахъ событія будто нарочно складывались такъ, чтобы дать очень внушительный урокъ русскому революціонеру. Онъ этого урока даже не замѣтилъ. Нигдѣ въ районѣ іюльскаго возстанія полиціи не удалось устроить еврейскихъ погромовъ. И это вполнѣ естественно: во всеобщей стачкѣ, въ рабочемъ возстаніи происходитъ столь глубокій актъ солидарности людей всѣхъ рассъ, что онъ заставляетъ надолго молчать всякіе національные предразсудки; и стачечники, какъ это и случалось въ прошломъ году, бьютъ царскихъ провокаторовъ при первой ихъ попыткѣ заикнуться о «жидахъ» Вслѣдствіе этого еврейскіе погромы возникали лишь тамъ, гдѣ всеобщей стачки не было.

Но еще ярче выводъ нашъ иллюстрируется слѣдующимъ сопоставленіемъ. Гомельскія желѣзнодорожныя мастерскія, которыхъ революціонеръ ни за что не хотѣлъ присоединить къ всеобщему возстанію и которыя, приставъ къ нему, столь же смѣло, какъ въ Одессѣ и Кіевѣ, задерживали бы поѣзда желѣзной дороги, спустя мѣсяцъ пошли за царскими агитаторами громить евреевъ.

Прибавимъ еще одно замѣчаніе: Бундъ воображаетъ, что онъ своей національной политикой наиболѣе успѣшнымъ образомъ защищаетъ евреевъ. Казалось бы, въ самомъ дѣлѣ, что хоть эту-то свою задачу Бундъ исполняетъ. Между тѣмъ, какъ Бундъ, такъ и польскіе соціалисты-патріоты всевозможныхъ оттѣнковъ своею обособленностью достигаютъ лишь того, что оба эти «авангарда революціонной арміи въ Россіи» упорно молчатъ во время южнорусскаго возстанія, создавая этимъ первое условіе для всякаго рода маккіавелліевской политики правительства.

Наконецъ, соціальный антагонизмъ между революціонеромъ и рабочими далъ возможность правительству предпринять грандіознѣйшій проэктъ укрѣпленія «престола и отечества» и, затѣвая войну на крайнемъ Востокѣ, создать для всѣхъ мракобѣсовъ ихъ великую эпоху, ихъ красные дни, по поводу которыхъ они и ликуютъ такъ побѣдоносно въ настоящее время.

Послѣ іюльскихъ событій правительство могло бы безбоязненно предпринять еще болѣе рискованную войну, чѣмъ японская: въ самыхъ неблагополучныхъ и трудныхъ обстоятельствахъ обнаружившееся противодѣйствіе русскаго революціонера рабочей революціи предохраняетъ государство отъ революціи вообще.

Правительство можетъ устраивать самыя безпощадныя бойни, можетъ губить въ своихъ военныхъ авантюрахъ несмѣтное число человѣческихъ существъ: русскій революціонеръ, — все равно ученикъ ли онъ Лаврова, Маркса или Кропоткина, — не въ состояніи поднять къ возстанію противъ государства народныя массы въ Россіи. Вѣдь онъ противникъ тѣхъ исключительно рабочихъ стремленій, которыя однѣ могутъ увлечь массы, которыя въ прошломъ году, не смотря на парализирующее дѣйствіе революціонера, подняли весь югъ Россіи. Вѣдь онъ, въ лучшемъ случаѣ, защищаетъ противъ капиталистовъ и государства лишь такія минимальныя претензіи рабочихъ и такіе безопасные, трэдъ-юніонистскіе способы рабочихъ завоеваній, съ которыми давно освоились государственные мужи и которые умиротворять и удовлетворять грошами они давно научились безъ малѣйшаго потрясенія буржуазныхъ законовъ.

Противъ наглости самодержавія русскій революціонеръ, конечно, будетъ протестовать, угрожать революціей. Но, вслѣдствіе его антагонизма съ рабочими массами, его соціалистическая дѣятельность, оторванная отъ реальной борьбы рабочихъ, противостоящая ей и превращающаяся такимъ образомъ въ религіозную проповѣдь, вызываетъ лишь такія «демонстраціи», для подавленія которыхъ достаточно силы одного полицейскаго участка; вызываетъ лишь протесты отдѣльныхъ личностей, которые, какъ бы они ни были геройски, не находятъ отклика въ массахъ, ибо гордо отъ нихъ обособляются.

Однимъ словомъ, современный русскій революціонеръ, какъ его ни раздражай, какъ надъ нимъ ни издѣвайся, не рѣшится ни за что на шагъ, противорѣчащій его природѣ, на рабочее возстаніе, на тотъ пожаръ, который лѣтомъ прошлаго года, какъ неудержимая стихія пронесся по странѣ, который, какъ зараза, захватилъ самыя забитыя, казалось, массы, противъ котораго не изобрѣтены рецепты ни въ какихъ арсеналахъ европейской государственной мудрости. Правительство убѣдилось окончательно, что для такого пожара современный русскій революціонеръ искры не броситъ, какъ бы онъ ни былъ воз-

мущенъ его наглостью и въ какомъ бы затруднительномъ положенiи оно не очутилось при своей рискованной политикѣ.

А еслибы даже, во время предпринятой на крайнемъ Востокѣ азартной игры, случайно и независимо отъ революцiонера, опять вспыхнуло всеобщее стачечное возстанiе, царское правительство увѣрено, что революцiонеръ не менѣе прошлогодняго проявлялъ бы благоразумiе и тактъ, не распространялъ бы пожара на всю Россiю, а напротивъ такъ же, какъ въ прошломъ году, призывалъ бы къ мирному, благородному способу дѣйствiй, удерживалъ бы рабочаго отъ насильственныхъ шаговъ, защищалъ бы отъ поджигателей фабрики и прочее имущество буржуазiи.

Первая забота современнаго революцiонера.

Боязнь рабочей революцiи, возстанiя рабовъ современнаго общества, — это первородный грѣхъ русскаго революцiонера, сдѣлавшiй тщетными его полувѣковыя усилия разрушить всероссiйскую тюрьму.

Конечно не такъ ужъ просто разглядѣть опасенiе какихъ бы то ни было возстанiй въ революцiонномъ движенiи, которое ознаменовалось столькими геройскими подвигами самоотверженiя, которое провозглашало борьбу со всей современной эксплуатацiей. Съ перваго взгляда покажется прямо невѣроятнымъ открывать малодушiе въ движенiи Желябовыхъ, въ движенiи, проявившемъ столько мужества.

А все таки передъ нами неоспоримый, требующiй объясненiя фактъ: тотъ же самый революцiонеръ, который на зарѣ своей юности предпринималъ грандiозный замыселъ пробудить Россiю отъ ея глубокаго, вѣкового, повсемѣстнаго сна, который для этого пробужденiя совершалъ столь геройскiе подвиги..., нынѣ, когда, говоря его словами, Россiя давно проснулась, когда сотни тысячъ рабочаго народа поднимаются смѣло на борьбу, когда ежеминутно готово вспыхнуть всероссiйское рабочее возстанiе, — тотъ же революцiонеръ, «соцiалистъ» по-просту пятится передъ пожаромъ назадъ.

Соцiалистическая кличка, которую присвоило себѣ русское революцiонное движенiе, приводитъ наблюдателя a priori въ нѣкотораго рода религiозное по отношенiю къ нему настроенiе, заставляетъ смотрѣть на него особыми глазами, какъ на небывалое до сихъ поръ историческое теченiе. Но, повторяю, неумолимо всплывающiй фактъ принуждаетъ насъ приподнять закрывающiй сущность движенiя соцiалистическiй щитъ и посмотрѣть на него реальными глазами, какъ на обыкновенные историческiе будни.

Вульгарная исторiя говоритъ намъ, что подвиги самоотверженiя и мужества совершали люди съ первыхъ же дней ихъ общественной жизни. И съ того же отдаленнаго момента эта самоотверженность, пока она не достигла побѣды, всегда рекомендуетъ себя и свои дѣла, какъ жертву въ пользу всѣхъ ближнихъ, въ пользу всѣхъ человѣческихъ существъ. Но, достаточно ей одержать побѣду, низвергнуть гнетъ,

который несла она сама, и оказывается, что жертвы приносились исключительно въ пользу очень незначительной среды, группы, класса; въ пользу среды строго ограниченной. Оставшiеся порабощенными испытываютъ отъ недавнихъ «самоотверженныхъ» борцовъ тотъ же самый звѣрскiй гнетъ, что и отъ предыдущихъ властителей.

Безчисленные примѣры мужественнѣйшаго самоотверженiя представляетъ намъ исторiя патрiотической борьбы за нацiональную независимость въ Италiи, Польшѣ, у славянскихъ народовъ Балканскаго полуострова и др. Общеизвѣстно, что самоотверженные патрiоты, какъ личности, такъ и цѣлые слои общества, немедленно вслѣдъ за полученiемъ независимости, устраиваютъ настоящiя оргiи грабежа и эксплоатацiи, какъ будто издѣваясь надъ наивностью народныхъ массъ, повѣрившихъ, что борьба велась за свободу всѣхъ.

Вотъ эту-то мѣрку, обычную для историческихъ будней, факты заставляютъ примѣнить и къ анализу души русскаго революцiонера. Тогда соцiалистическiя, пролетарскiя и т. п. фразы перестанутъ насъ обманывать и затушевывать прямой смыслъ этого «соцiалистическаго» движенiя.

То народное возстанiе, о которомъ на протяженiи полувѣка мечтаетъ русскiй революцiонеръ, которое онъ пытается вызвать путемъ своихъ величайшихъ усилiй, совершенно не похоже на то возстанiе, которое рабочiя массы прошлымъ лѣтомъ пытались распространить повсюду. Его возстанiе есть нѣчто отличное отъ рабочей революцiи, отъ революцiи **рабовъ** современнаго общества.

Возстанiе, которое пытался вызвать въ годы своей юности русскiй соцiалистъ, должно было быть обязательно **крестьянское** возстанiе. Оно должно было отнятую у помѣщиковъ землю передать крестьянамъ. Это возстанiе и въ отношенiи элементовъ, приводимыхъ въ движенiе, и въ отношенiи цѣлей, поставленныхъ движенiемь вышло бы по необходимости вполнѣ тождественнымъ съ тѣмъ возстанiемъ французскихъ крестьянъ, которое во время великой революцiи сумѣло лишь упразднить средневѣковое господство феодаловъ, не ставя никакой помѣхи новому господству буржуазiи.

Западно-европейское соцiалистическое ученiе, признавъ русскiй народническiй соцiализмъ своимъ развѣтвленiемъ, способствовало полному затемнѣнiю этой перспективы русскаго крестьянскаго возстанiя и закрѣпленiю за нимъ представленiя, какъ о движенiи соцiалистическомъ, направленномъ къ полному уничтоженiю эксплуатацiи.

Русскiй революцiонеръ изъ этого обстоятельства хочетъ прiобрѣсти большой плюсъ въ свою пользу: онъ де тотъ же самый соцiалистъ, который на Западѣ стремится упразднить классовое господство. Но съ нашей точки зрѣнiя это обстоятельство, т. е. такъ называемая соцiалистичность русскаго движенiя ставитъ лишь большой минусъ всему соцiалистическому ученiю истекшаго столѣтiя. Послѣднее, даже въ лицѣ своего наиболѣе критическаго теченiя — научнаго соцiализма, признало утопическое предпрiятiе русскаго революцiонера вполнѣ реальной и умѣстной соцiалистической попыткой.

Интеллигенцiя Францiи, Германiи, Австрiи первой половины XIX столѣтiя проявила въ борьбѣ съ феодалами и плутократами не мало самоотверженiя и мужества и такъ же, какъ русскiй революцiонеръ

70-хъ годовъ, клялась въ томъ, что съ помощью своихъ социалистическихъ плановъ немедленно прекратитъ капиталистическую тиранію. Но, увы! — неожиданно, поистинѣ какъ громъ съ яснаго неба, среди радужныхъ мечтаній, окрылявшихъ революціонныя движенія 48-го года случился фактъ, передъ которымъ вся эта революціонная интеллигенція, даже въ своихъ наиболѣе крайнихъ соціалистическихъ теченіяхъ поблѣднѣла и опустила руки.

На священную «соціальную республику», священную даже въ глазахъ тогдашнихъ революціонеровъ и соціалистовъ, дѣлаютъ нападеніе рабочіе Парижа и показываютъ, что въ этой священной демократіи, въ которой, по увѣреніямъ соціалистическихъ учителей, должны найтись раньше или позже средства прекращенія всякихъ общественныхъ бѣдствій, что въ этой священной демократіи власть, вытекшая по всѣмъ видимостямъ изъ воли всѣхъ, изъ воли свободнаго народа, есть та же старая власть звѣрскихъ эксплуататоровъ и грабителей.

Рабочіе «національныхъ мастерскихъ» — іюньское возстаніе есть ихъ именно дѣло — не были знакомы, какъ извѣстно, ни съ одной изъ многочисленныхъ тогдашнихъ соціалистическихъ системъ; въ ихъ средѣ не было ни одного представителя тогдашнихъ радикальныхъ и революціонныхъ теченій французскаго общества. Ихъ чуждались всѣ радикалы, какъ своего рода зубатовцевъ, которыхъ хотѣли купить консерваторы учрежденіемъ общественныхъ работъ. Тѣмъ не менѣе за свои требованія они, какъ львы, дрались противъ безчисленной арміи, противъ національной гвардіи, противъ всего общества. Требовательность инсургентовъ какъ будто превосходила даже ожиданія соціалистическихъ системъ, хоть и требовали они очень простой вещи - дальнѣйшаго обезпеченія отъ голода, отъ безработицы.

Соціалисты съ началомъ революціи провозгласили было «право на трудъ». Но требованіе іюньскихъ инсургентовъ — обезпеченіе отъ голода, отъ безработицы, могло быть по соціалистическимъ планамъ достигнуто только послѣ длиннаго ряда соціалистическихъ реформъ, послѣ многихъ лѣтъ «соціалистическаго строительства», самое скорое, въ первый день будущаго соціалистическаго рая. Такой же неуклонной претензіи массъ — немедленнаго обезпеченія отъ голода, не ожидала ни одна соціалистическая партія. Для удовлетворенія іюньскихъ инсургентовъ не нашлось, такимъ образомъ, никакого рецепта, никакого средства даже въ соціалистическихъ арсеналахъ. А, между тѣмъ, требованіе это было такъ просто — обезпеченіе отъ безработицы, отъ голодной смерти! Инсургенты отказъ въ этомъ требованіи сочли столь возмутительнымъ, что въ борьбѣ своей проявили неслыханное, не обнаружившееся ни въ одномъ изъ другихъ возстаній упорство, ожесточеніе, рѣшимость драться буквально до послѣдняго издыханія.

Непреклонная требовательность іюньскихъ инсургентовъ, не считающаяся даже съ соціалистическими путями, разсчетами и планами, ихъ полная оторванность отъ какихъ-либо опредѣленныхъ общественныхъ теченій и системъ, поражающая всѣ эти системы простой формулировкой самыхъ элементарныхъ потребностей и обнаруживающая безпомощность и утопичность самыхъ смѣлыхъ, казалось, соціалистическихъ плановъ, наконецъ удивительное, непонятное, ге-

ройское упорство въ защитѣ своихъ претензій, — всѣ эти черты возстанія, не только чуждыя, но прямо таинственныя для радикальнаго общества и его реформаторовъ, — весь этотъ четырехдневный отчаянный мятежъ рабовъ общества навелъ ужасъ не только на правительства, не только на прогрессивныя либеральныя партіи, но даже на революціонные до того времени слои общества, на соціалистическія теченія.

Съ той поры перестали рождаться въ средѣ образованныхъ обществъ цивилизованнаго міра Мараты, нападавшіе и направлявшіе на власть все отчаяніе голодныхъ массъ. Съ этого момента революціонеръ занятъ уже не столько агитаціей возмущенія массъ, сколько выработкой надежныхъ предохранительныхъ клапановъ, оберегающихъ цивилизованный міръ отъ повторенія грознаго возстанія рабовъ. Это и дѣлаютъ на протяженіи всей дальнѣйшей исторіи агитаторы - соціалдемократы, научные соціалисты, первая забота которыхъ убѣдить массы въ «неподготовленности», внушить имъ необходимость «терпѣливаго ожиданія».

Іюньское возстаніе — это знаменательнѣйшее событіе цѣлаго вѣка; всякій политикъ, всякій «мыслитель-революціонеръ» пытаеття замолчать его, но оно неумолимо всплываетъ въ ихъ памяти при каждомъ т. н. стихійномъ взрывѣ рабочихъ массъ, при каждомъ массовомъ возмущеніи пролетаріата.

Извѣстно, какъ глубоко были поражены іюньскимъ возстаніемъ оба родоначальника русскаго народническаго соціализма, Герценъ и Чернышевскій, какъ пристально всматривались они въ это событіе, желая разгадать полный его смыслъ. И на ряду съ глубокой потребностью всего передового общества въ обузданіи всероссійской азіятской власти и коренномъ преобразованіи всего государственнаго строя, на ряду съ этой потребностью, которую они такъ сильно отражали своею дѣятельностью, у нихъ возникла столь же сильная потребность предохранить свою родину отъ «язвы пролетаріатства», какъ выражался еще Чернышевскій. И чѣмъ глубже, грандіознѣе представлялся имъ предстоящій Россіи общественный переворотъ, тѣмъ прочнѣе, надежнѣе долженъ быть и тотъ предохранительный клапанъ безопасности, куда можно было бы удалять всѣ разгорѣвшіяся во время соціальной революціи страсти милліоновъ русскихъ рабовъ.

Вдохновленные теоріями западно-европейскаго соціализма, — это обстоятельство мнѣ въ особенности хотѣлось бы здѣсь подчеркнуть — родоначальники русскаго соціализма, какъ извѣстно, нашли этотъ клапанъ въ видѣ сельской общины. Первобытный русскій коммунизмъ былъ сдѣланъ основою, его развитіе—цѣлью революціоннаго движенія въ Россіи. Благодаря этому, развитіе соціальной революціи въ Россіи становится уже не прямымъ движеніемъ впередъ, въ невѣдомыя, опасныя глубины соціальнаго переворота, революціи рабовъ современнаго общества. Это несомнѣнно и движеніе назадъ къ тихой пристани роднаго коммунизма, къ безопаснымъ, вѣковымъ отечественнымъ устоямъ. Соціальный вопросъ, говоритъ одинъ изъ представителей русскаго соціализма — Михайловскій, есть вопросъ революціонный на Западѣ; у насъ, гдѣ производитель еще не отдѣленъ отъ своихъ средствъ производства, — земли, это вопросъ консервативный.

Съ безопаснымъ клапаномъ въ рукахъ русскій революціонеръ могъ распинаться, какъ самый красный въ Европѣ соціалистъ, могъ провозглашать «полное уничтоженіе частной собственности», «полное уничтоженіе государства», могъ объявлять себя крайнимъ анархистомъ, который (по Бакунину) разрушаетъ все буржуазное отъ министерскихъ канцелярій до университетовъ. Онъ дѣлалъ все это безбоязненно, ибо первое слово его программы было для него превосходнымъ щитомъ. Говоря: въ Россіи нѣтъ, не будетъ и не надо пролетарія,— первый пунктъ программы тѣмъ самымъ говорилъ:—въ Россіи нѣтъ, не будетъ и не надо пролетарскихъ бунтовъ, пролетарской революціи.

Такой выводъ не только дозволительно сдѣлать; такой выводъ дѣйствительно сдѣлали въ послѣдующую эпоху тѣ изъ русскихъ соціалистовъ, которые старались остаться вѣрными старымъ традиціямъ. Когда рабочіе бунты, волненія, совершенно пренебрегая народническими формулами, стали учащаться и разростаться, когда болѣе умные революціонеры призадумывались надъ тѣмъ, какъ приспособить эти волненія къ «революціоннымъ потребностямъ родины», старый русскій соціализмъ прежде всего глубоко обезпокоился, что слишкомъ много удѣляется вниманія пролетарію, причемъ,пожалуй, не останется совсѣмъ мѣста ни для какой революціи, кромѣ пролетарской. Первой заботой его было тогда (да еще и теперь она не исчезла) убѣдить всѣхъ и каждаго въ маловажности рабочихъ волненій, въ ихъ ничтожномъ значеніи для такой малопромышленной страны, какъ Россія.

Въ настоящее время старый русскій соціализмъ со всѣми своими заботами предохраненія отечества отъ пролетарскихъ опасностей, въ значительной мѣрѣ успокоенъ и удовлетворенъ своимъ наслѣдникомъ, соц.-д.-іей. Эта послѣдняя, какъ выяснилось и установилось окончательно, никогда не думала готовить своимъ соотечественникамъ такой непріятной для нихъ неожиданности, какъ пролетарская революція въ современной Россіи. Она не измѣнникъ общенаціональнымъ интересамъ отечества и идеаламъ стараго соціализма. Напротивъ, со своими рабочими баталліонами, она, по ея собственному признанію,— лучшій реализаторъ завѣтовъ славнаго наслѣдства. Важнѣйшій пунктъ этого завѣщанія, какъ мы видѣли, есть предохраненіе отечества отъ возстанія современныхъ рабовъ. И этотъ пунктъ соц.-д.-ія выполняетъ безупречно.

Всѣ доводы народниковъ въ пользу *невозможности* въ Россіи капитализма и пролетарскаго движенія русская соц.-д.-ія примѣнила къ доказазательству *недоразвитія* капитализма, невозможности пролетарскаго возстанія безъ предварительнаго осуществленія рабочими «общенаціональныхъ задачъ и идеаловъ». Невозможность пролетарской революціи въ современной Россіи доказывается соц.-д.-іей вовсе не хуже, чѣмъ старымъ русскимъ соціализмомъ. Клапанъ безопасности, предохраняющій современную Россію отъ такой бѣды, лишь европеизированъ соц.-д.-ами, но онъ не менѣе надеженъ, и даже, какъ стараются разъяснить сами его строители, далеко лучше стараго.

Первое слово стараго русскаго соціализма гласило: Возставшій русскій народъ найдетъ свое спасеніе въ развитіи вѣковыхъ коммунистическихъ устоевъ своей жизни.

Первое слово европеизованнаго русскаго соціализма говоритъ:

Возставшій пролетаріатъ найдетъ путь къ своему спасенію въ конституціонномъ государствѣ. Раньше, чѣмъ приступить къ собственной революціи, пролетаріатъ долженъ совершить революцію буржуазную; раньше, чѣмъ освободить себя, онъ долженъ освободить другіе непролетарскіе классы, вмѣстѣ съ нимъ страдающіе отъ гнета самодержавной власти. Это первый пунктъ того «чисто-пролетарскаго» «классоваго сознанія», привить которое некультурнымъ русскимъ рабочимъ берется русскій соціалистъ нашего времени. Въ видѣ рабочихъ батальоновъ, глубоко и непоколебимо проникнутыхъ такого рода сознаніемъ, соц-дем-тія даетъ передовому обществу надежную гарантію того, что предстоящій государственный переворотъ и обновленіе русскаго государства благодаря конституціоннымъ благамъ произойдетъ безъ тѣхъ непріятныхъ конфликтовъ, которые сопровождали освобожденіе западно-европейской буржуазіи.

Удивительный плодъ соціализма.

Цѣль русскаго революціоннаго движенія, не смотря на всевозможныя фазы въ его развитіи, не смотря на различныя фракціи, обособившіяся въ немъ, участникамъ этого движенія казалась всегда ясной, общепонятной. Споры между революціонными фракціями почти не касались этой общепонятной цѣли движенія, существа дѣла, очевиднаго, какъ подразумѣвалось, для всякаго. Споры происходили скорѣе относительно путей и средствъ къ достиженію одной, общей всѣмъ русскимъ революціонерамъ, цѣли.

Какая же это цѣль? Какое же это дѣло; — Конечно с о ц і а л и с т и ч е с к о е дѣло! Въ Россіи слово «революціонеръ»—почти синонимъ слова «соціалистъ». Русскій революціонеръ, такимъ образомъ какъ бы рожденъ соціалистомъ.

Русская соціалдемократія, не смотря на свою «критическую» точку зрѣнія въ отношеніи къ различнымъ фазамъ «первоначальнаго соціализма», не смотря на провозглашенную ею классовую борьбу въ Россіи, нисколько въ данномъ отношеніи дѣла не перемѣнила.

Въ противоположность всѣмъ предшествовавшимъ революціоннымъ теченіямъ, соц.-д.-ія выставила свое основное положеніе о томъ, что русская буржуазія стремится стать господствующимъ классомъ и полнымъ хозяиномъ въ своей странѣ точно такъ же, какъ во всѣхъ прочихъ государствахъ, что она будетъ стараться, раньше или позже, въ большей или меньшей мѣрѣ, выполнить эту свою историческую роль —уничтоженія или ограниченія абсолютизма.

Однако все это и вытекающее отсюда заключеніе, что въ Россіи, если еще не появились, то появятся неизбѣжно революціонеры-буржуа, что послѣднимъ придется вести свою подпольную работу бокъ-о-бокъ съ «пролетарскими» идеологами—соц-д-ами... все это, повторяю, ни въ малѣйшей степени не должно было по мнѣнію русской соц.-д.-іи вызвать какое либо болѣе значительное, нежели до тѣхъ поръ, раз-

единеніе среди русскихъ революціонеровъ. Въ ожиданіи классовой борьбы между русской революціонной буржуазіей и пролетаріатомъ, лагерь русскихъ революціонеровъ долженъ былъ тѣмъ не менѣе стремиться къ объединенію въ одно цѣлое, съ одною цѣлью движенія. Въ этой цѣли появившаяся новая «антибуржуазная», «пролетарская» партія соц.-д.-іи не бралась ничего видоизмѣнять: со всѣмъ своимъ научнымъ сознаніемъ «пролетарія» она ставила себѣ лишь задачу найти наилучшій путь осуществленія идеаловъ русскаго революціонера.

Въ самомъ дѣлѣ, русская соц.-д.-ія съ самаго начала предложила свое новое міровоззрѣніе, какъ новый путь борьбы для всѣхъ русскихъ революціонеровъ. Въ 93 г. Плехановъ объявляетъ, что русскій революціонеръ уже на три четверти стоитъ на сторонѣ новой «пролетарской» программы, которой суждено, повидимому, объединить всѣхъ русскихъ революціонеровъ, на что и надѣется основатель соц.-д.-ой партіи въ Россіи.*)

Обособить, въ виду революціоннаго движенія русской буржуазіи революціонныя силы рабочаго класса, обособить ихъ такъ, чтобы онѣ направлялись исключительно къ освобожденію рабочихъ, чтобы этимъ движеніемъ онѣ лишали ореола и величія самые прогрессивные и революціонные планы буржуазіи, открывая въ нихъ грабительскіе разсчеты, создать такую рабочую партію,-это предпріятіе было бы прямо противоположнымъ политикѣ міровой соц.-д.-тіи, ученію научнаго соціализма.

Но столь же мало могла родиться подобная мысль и въ головѣ русскаго анархиста, хоть его будто бы не удовлетворяетъ марксистскій соціализмъ и хоть онъ стремится къ самому идеальному изъ всѣхъ идеальныхъ соціалистическихъ строевъ. Стремленіе пролетарія къ безусловной революціонной самостоятельности и отбрасыванію общенаціональныхъ обязанностей, признаваемыхъ до сихъ поръ всякимъ революціонеромъ, это стремленіе еще болѣе чуждо анархистамъ, чѣмъ соц-д-амъ. Поэтому русскіе анархисты возмущаются такъ же, какъ и соц.-рев.-ры, когда эти общенаціональныя обязанности называются кѣмъ либо буржуазными; поэтому всякій разборъ вопроса о томъ, какіе изъ плановъ современнаго русскаго революціонера дадутъ буржуазные плоды, они, какъ и соц.-рев.-ры, съ досадой называютъ пустыми гаданіями и доктринерскими затѣями метафизической діалектики. («Хлѣбъ и Воля», N 3, стр. 2)

Общенаціональныя задачи русскій анархистъ берется выполнить не менѣе успѣшно, чѣмъ соц.-дем.-атъ или соц.-рев.-еръ. Объявляя въ 93 г. объ изданіи «Анархической Библіотеки», Кропоткинъ говоритъ: „Мы убѣждены, что образованіе въ Россіи анархической партіи не только не повредитъ общему революціонному дѣлу, но въ высшей степени желательно и полезно.“ (Предисловіе къ «Парижской Коммунѣ» Бакунина).

Это «общереволюціонное дѣло», которому Кропоткинъ берется помогать всѣми своими силами, есть -какъ извѣстно- между прочимъ

*) «..Каждая. даже самая враждебная намъ группа русскихъ революціонеровъ, на три четверти усвоила себѣ наши идеи..» (Тунъ, Исторія рев.., соц.-д.-ое изд., стр. 276)

и дѣло Струве, Дебагоріевъ-Мокріевичей, князей Волконскихъ и т. п. «революціонныхъ либераловъ».

Первая обязанность русскаго революціонера — собирать народныя силы и рабочіе баталліоны для великихъ либеральныхъ плановъ. Этой обязанностью, этой ролью анархистъ гордится такъ же, какъ и «Искра» и «Рабочее Дѣло», съ одной стороны, и «Революціонная Россія» и «Наканунѣ», съ другой. И совершенно такъ же, какъ и тѣ, первымъ плодомъ собственной революціонной дѣятельности, мѣриломъ своихъ революціонныхъ успѣховъ анархистъ считаетъ возбужденіе въ лагерѣ либераловъ, подъемъ ихъ духа, оживленіе ихъ политическихъ аппетитовъ... «Русское правительство, говоритъ Кропоткинъ, начнетъ дрожать за свою судьбу и либеральные господа наберутся смѣлости заговорить человѣческимъ языкомъ вмѣсто теперешняго холопскаго.» («Распаденіе современнаго строя», стр. 30.)

Итакъ фракціонная рознь между русскими революціонными партіями считается, несомнѣнно, ненормальнымъ, преходящимъ состояніемъ, и всякій революціонеръ, къ какой бы партіи онъ ни принадлежалъ, ожидаетъ примиренія и объединенія всѣхъ революціонеровъ, какъ чего то нормальнаго, желательнаго, обязательнаго.

Какое же это такое общепонятное, всѣми одинаково ощущаемое дѣло единой русской революціи?

Проявляющееся на протяженіи всего русскаго движенія стремленіе къ обезпеченію «родины» отъ пролетарской революціи является свидѣтельствомъ, что это движеніе есть не освободительная борьба рабовъ современнаго общества, какъ говоритъ ея заголовокъ, а борьба какого то имущаго, привиллегированнаго класса. И если милліоны рабовъ Россіи не откликнулись на геройскіе призывы народниковъ-соціалистовъ, то не потому, что они -по своей забитости- не могли понять своего собственнаго дѣла, а просто потому, что это не было ихъ дѣло.

Но русскій революціонеръ, вмѣсто того, чтобъ анализировать безпрестанно свою собственную душу и душу близкихъ своихъ, почувствовалъ претензію къ русскому рабочему люду за его мнимую черную неблагодарность, невѣжество и черствость и, возгордившись непомѣрно своимъ собственнымъ величіемъ и великодушіемъ, воспитавшись въ такого рода чувствахъ, скоро привыкъ совершенно безцеремонно обращаться съ рабочими массами, какъ съ простымъ орудіемъ для своихъ цѣлей. Этимъ, конечно, онъ съ каждымъ днемъ лишь яснѣе свидѣтельствовалъ, что онъ не выразитель чувствъ возмущенія русскихъ рабовъ, а представитель противоположной этимъ рабамъ общественной силы, какого то класса, стоящаго надъ ними и стремящагося вызвать народное движеніе лишь для достиженія полнаго развитія собственной привиллегіи.

Революціонеръ семидесятникъ, какъ извѣстно, очень скоро, (уже въ половинѣ 70-хъ гг.) самъ сталъ смотрѣть на свои первоначальныя попытки полнаго отщепенства отъ общества, какъ на сантиментальную лишь затѣю, какъ на предразсудокъ, какъ на гипертрофію собственной «совѣсти» (какъ находитъ, полный негодованія за это, либе-

беральный мессія †), какъ на гипертрофію собственнаго великодушія, великодушія «розовой мечтательной юности» (Желябовъ). Между тѣмъ еще нѣкоторая доля того стремленія къ отщепенству отъ общества, которая была у первоначальнаго народника-соціалиста, еще немного больше смѣлости его революціонной мысли, и онъ сейчасъ же послѣ своего перваго разочарованія, т. е. въ половинѣ 70-хъ годовъ предпринялъ бы ту критику народническаго соціализма, которую произвела «Группа Освоб. Труда» только спустя десять лѣтъ и по спеціальнымъ уже мотивамъ. Критика, произведенная въ указанный моментъ и при указанномъ условіи не ставила бы себѣ еще той узкой цѣли, къ которой стремится Плехановъ-соціалдемократъ въ своихъ первыхъ критическихъ брошюрахъ, преслѣдующій главнымъ образомъ задачу найти вмѣсто прежней утопической реальную народную силу для общества въ его враждѣ съ абсолютизмомъ. Это была бы болѣе смѣлая и послѣдовательная революціонная критика самого соціализма, не только русскаго народническаго, но и западноевропейскаго, «научнаго» соціализма, какъ его источника. Эта самокритика, которая оказалась не по силамъ семидесятнику, не смотря на его революціонаризмъ, не смотря на его анархическое отщепентво, не смотря на его геройство, самокритика, тѣмъ менѣе доступная его потомкамъ, всѣмъ хранителямъ «революціоннаго наслѣдства», хранителямъ всевозможныхъ оттѣнковъ, включая сюда и соц.-д.-ію, эта самокритика принуждена бы была сдѣлать слѣдующія откровенныя признанія, прямопротивоположныя тѣмъ выводамъ, которые революціонеръ дѣйствительно сдѣлалъ изъ оцѣнки 70-хъ годовъ.

«Прекрасная соціалистическая проповѣдь» народника, сопоставленная съ дѣйствительнымъ положеніемъ русскаго рабочаго народа, оказывается *басней*. «Чистая юная мечтательность» «отщепенца» заключаетъ все еще громадную долю *фальши*, продиктованной непосредственно *собственными заботами этого привиллегированнаго общества*. «Великодушіе» соціалиста-народника съ его «развитой до гипертрофіи совѣстью» готовится, - лишь только ему удастся увлечь за собою русскій рабочій народъ,- *ввести его въ заблужденіе*.

Въ самомъ дѣлѣ, сколько фальши заключалось въ словахъ: у насъ нѣтъ пролетарія! Революціонеръ-народникъ упорно повторялъ это свое основное положеніе въ то время, когда вокругъ него, кромѣ занятыхъ рабочихъ, бродили толпы босяковъ, ищущихъ работы по всей Россіи, когда русская деревня рождала и выбрасывала вонъ все новые милліоны ихъ. Эти босяки-пролетаріи могли, конечно, лишь горько смѣяться надъ программой, основанной на «трудѣ, неотдѣлившемся еще на нашей святой Руси отъ орудій труда». Но русскій революціонеръ даже тогда, въ свой наиболѣе революціонный періодъ, думалъ и разсчитывалъ, какъ соціалдемократъ-оппортунистъ. Уже тогда онъ былъ бунтаремъ *только въ «крестьянствѣ»*; по отношенію *къ пролетарію* уже тогда онъ настоящій соціалдемократъ, который учитъ, что для соціализма имѣютъ значеніе лишь рабочіе предваритель-

†) Струве въ Предисловіи къ книгѣ Бердяева: «Субъективизмъ и индивидуализмъ» стр. LXXXIV

но организованные въ регулярныя арміи, «обобществленные» самими капиталистами, а масса босяковъ-пролетаріевъ, безработныхъ голодающихъ не достойна и не доросла до соціалистической категоріи «пролетаріата». Уже тогда русскій революціонеръ чувствовалъ, что, ставъ когда-нибудь по необходимости «на точку зрѣнія пролетарія», онъ признаетъ таковыми лишь порядочныхъ, уважающихъ культуру рабочихъ, лишь тѣ рабочія массы, передъ которыми раскрывается богатая и продолжительная перспектива трэдъюніонистскихъ организацій и легальныхъ завоеваній, а не тѣ, которыя склонны къ бунтамъ и возстаніямъ. Для босяка революціонеръ уже тогда, въ періодъ своего анархизма, готовилъ кличку: люмпенъ, паразитъ. *)

*) Всплываетъ, такимъ образомъ, какъ видитъ читатель, глубоко заложенная общность между прямопротивоположными съ виду стремленіями:- народническимъ *исцѣленіемъ родины отъ капитализма* и соц-д-скимъ *примѣненіемъ къ каждой изъ его стадій*. Въ видѣ Марксова письма въ «Отеч. Зап.», которое обѣ перспективы считаетъ совершенно равноправными выводами изъ научнаго соціализма, это единство иллюстрируется лучше всего. Общность, единство обоихъ теченій — это *объективизмъ*, одинаково признаваемый ими, это доктринерское и суевѣрное преклоненіе передъ *объективными условіями*, передъ *общественными, экономическими условіями*, преклоненіе, не догадавшееся или уже забывшее, что цивилизованное общество есть классовое господство, что «объективныя» условія продиктованы этимъ господствомъ и, что преклоненіе передъ ними революціонера не особенно его рекомендуетъ и не многаго позволяетъ ожидать отъ него тѣмъ, кому вѣковыя «объективныя условія» несутъ *одно* подавленіе человѣческихъ потребностей, т. е. всѣмъ порабощеннымъ массамъ.

Аграрный соціализмъ семидесятниковъ есть съ перваго своего слова такое суевѣрное и лживое преклоненіе, какъ передъ верховной инстанціей, передъ условіями «земледѣльческой родины». Напрасно Плехановъ, желающій столь непомѣрно преувеличить глубину собственнаго поворота, поворота отъ народничества къ соціалдемократизму, затемняетъ въ данномъ случаѣ дѣло. Довольно взглянуть на его статьи въ «Землѣ и Волѣ», чтобы убѣдиться, что анархистъ-народникъ такъ же беззавѣтно старается подчиниться объективнымъ условіямъ, какъ и соц-д-тъ поссибилистъ, и въ обоихъ случаяхъ отъ этого якобы безошибочнаго примѣненія къ безапелляціонной якобы инстанціи получается лишь введеніе въ заблужденіе рабочихъ массъ и обязательная отсрочка *ихъ* революціи.

Подробнѣе этотъ вопросъ будетъ разсмотрѣнъ въ упомянутыхъ въ предисловіи главахъ 2-го выпуска; однако здѣсь необходимо еще коснуться и другихъ сторонъ дѣла.

Марксистскій объективизмъ представляетъ собою одинъ изъ видовъ того соціалистическаго утопизма, который дѣло освобожденія рабочаго класса т. е. *захватъ имъ имущества* господствующихъ классовъ подмѣняетъ голой перспективой *ассоціаціоннаго способа производства* и заставляетъ рабочихъ ожидать спасенія отъ присутствія и развитія въ «общественной жизни» явленій ассоціаціи, «элементовъ общественности», отъ развитія «коллективнаго принципа, на мѣсто индивидуалистическаго.»

Марксъ учитъ рабочихъ ожидать спасенія отъ развитія крупнаго капиталистическаго производства, какъ объективнаго «обобществле-

Къ своимъ разочарованіямъ семидесятникъ отнесся уже, какъ истинное чадо общества, не забывающее своего родства съ нимъ и умѣющее изъ привиллегіи своей среды извлекать для нея всю возможную пользу. Поэтому то такъ скоро, уже въ слѣдующей своей формаціи, какъ народоволецъ, онъ—открытый союзникъ и орудіе русскаго либерализма.

нія» и необходимой «предпосылки» освобожденія рабочихъ на томъ же самомъ основаніи, по которому Кропоткинъ видитъ несомнѣнное приближеніе анархическаго коммунизма въ развитіи всякихъ «вольныхъ», «негосударственныхъ» союзовъ взаимопомощи, даже тѣхъ, которые ограничиваются исключительно средой буржуазіи.

На томъ же самомъ основаніи русское народничество изъ того факта, что рабовладѣльцу удобно было въ Россіи въ теченіи вѣковъ предоставлять своимъ крѣпостнымъ ихъ рабскій паекъ на общинныхъ началахъ и удерживать такимъ образомъ «первобытные коммунистическіе устои», создаетъ свою вѣчную сказку о русскомъ «соціалистическомъ крестьянствѣ». За время своего существованія утопія эта пытается, какъ мы видѣли, вначалѣ совершенно не допустить, впослѣдствіи безпрестанно парализовать и обуздывать планы рабочаго движенія въ Россіи, доказывая ихъ ничтожность въ сравненіи съ величіемъ и несказанною цѣнностью самобытнаго сокровища, коммунистическаго принципа народнаго хозяйства, счастливо уцѣлѣвшаго съ давнихъ временъ первобытной райской жизни. Народническая утопія готовится оказать родинѣ въ трудную минуту еще одну услугу. Она мечтаетъ (см. Рев. Россія № 42.) о томъ, какъ сдѣлать безопаснымъ для буржуазнаго отечества взрывъ голодающихъ въ Россіи милліоновъ. Она не только деревенскихъ босяковъ не позволитъ оторвать отъ соціалистическаго сокровища—общины; она пошлетъ еще въ деревню и го одскихъ безработныхъ, для того чтобы буржуазная собственность въ городахъ не подверглась нападенію со стороны наиболѣе опаснаго для современнаго строя пролетарскаго элемента. Въ то время, когда голодающіе должны въ святой деревнѣ кормиться сказками «Аграрной Лиги» о чудномъ мужицкомъ царствѣ, въ которомъ соціалистическое крестьянство прекратитъ всякую нужду и всякому безпріютному предоставитъ пользоваться землею и ея плодами, Рев. Россія для гражданъ, заинтересованныхъ въ прямопротивоположномъ, разъясняетъ, что полная «соціализація земли» «можетъ» быть проведена безъ малѣйшаго потрясенія буржуазнаго строя. Объ этомъ объявлено въ № 42 Рев. Рос. (стр. 4) но революціонеры-народники знаютъ и убѣждены въ этомъ столь же давно и не менѣе глубоко, какъ Толстой, Генри Джоржъ и пр., чѣмъ и объясняется ихъ столь упорная «вѣра» въ общину. Въ своемъ неусыпномъ стремленіи принизить съ помощью коммунистическаго крестьянства размѣры и планы рабочихъ возстаній и выразить возможное всенародное возстаніе, какъ возстаніе крестьянское,—современные революціонеры-народники вообще, с.-р.-ы въ частности, хотятъ, лишь въ замаскированномъ видѣ, того же, что и «Искра» — буржуазной революціи. Лозунгъ «соціалистическаго захвата земли» въ душѣ «крестьянина-коммуниста» звучитъ очень просто — «побольше бы намъ землицы!». Этотъ соціалистическій лозунгъ организуетъ буржуазное стремленіе добиться, индивидуально или общинами, большей доли, кому и на сколько посчастливится, во владѣніи стоимостью земли, стало быть въ буржуазномъ владѣніи даровымъ доходомъ.

Съ народнической утопіей марксистъ не можетъ и не хочетъ по-

Раньше чѣмъ, вслѣдствіе его неудачъ, хотя бы самымъ отдаленнымъ образомъ заподозрить самобытный соціализмъ, раньше чѣмъ усомниться, не говорю уже въ его правдивости, — такимъ святотатствомъ русскій революціонеръ никогда не опозорилъ себя, — но хоть бы въ его вѣрности и цѣлесообразности съ собственной точки зрѣнія, съ точки зрѣнія революціонера, раньше чѣмъ приступить хоть бы къ самой почтительной критикѣ народничества, — русскій революціонеръ сталъ, по поводу красоты твореній народническаго соціализма, пѣть диѳирамбы безграничности собственнаго прекраснодушія. Прежде чѣмъ первые соціалдемократы осмѣлились указать на утопичность и нелѣпости народничества, — въ сочиненіяхъ Лаврова на основаніи возвышенности соціалистическихъ плановъ того же народничества, созданъ настоящій апоѳеозъ ихъ творца, революціонной интеллигенціи, какъ прирожденнаго, великодушнаго соціалистическаго проповѣдника и строителя. Дѣло какъ будто само сложилось такъ, что въ неудачахъ своихъ семидесятникъ ни въ малѣйшей мѣрѣ не оказался виноватымъ, хоть затѣмъ соціалдемократами была указана и скоро признана почти всѣми порядочная нелѣпость его затѣй. Виноватыми должны были оказаться... народныя массы. Виноваты въ своемъ непониманіи великодушнаго проповѣдника, въ невѣжествѣ и неразвитости, какъ умственной, такъ и нравственной. И чѣмъ выше

кончить не только по вышеприведенной, но еще и по слѣдующей причинѣ: Соціализацію земли онъ не можетъ лишить характера пролетарскаго мѣропріятія. Какъ и всякую другую соціализацію, онъ можетъ ее лишь отсрачивать. Всякая соціализація можетъ быть, по его ученію, какъ извѣстно, даже реакціоннымъ шагомъ, но лишь тамъ, гдѣ соц.-д.-ія враждуетъ съ властью. Въ «настоящей же демократіи» всякая соціализація, между прочимъ, и соціализація земли есть ступень къ осуществленію соціализма, а когда соц.-д.-ія достигнетъ власти,-она будетъ несомнѣнно мѣрой пролетарскаго освобожденія. Другими словами: если соц.-д.-ія возстаетъ противъ сказокъ народничества, то тѣмъ не менѣе она сама, въ свое время, къ нимъ прибѣгнетъ, чтобы кормить ими нападающихъ на буржуазный строй рабочихъ... Вотъ почему народничество никогда не можетъ быть побѣждено марксизмомъ. Вотъ почему въ послѣдніе годы соц.-р.-ры, а въ самое послѣднее время анархисты въ своемъ органѣ «Хлѣбъ и Воля» съ такимъ успѣхомъ воскрешаютъ среди «революціонной» интеллигенціи всѣ сказки о «соціалистическомъ» крестьянствѣ. Притомъ пропаганда ведется уже не на основаніи какого либо «фактическаго матерьяла», какъ у легальныхъ народниковъ, а на основаніи одного очень простого, но очень убѣдительнаго соображенія: русскому интеллигенту рабочую революцію надо замѣнить крестьянской, почему необходимо воскресить вѣру въ общину, хоть бы при отсутствіи всякихъ данныхъ.

Безпомощность ортодоксальной соц.-д.-іи въ данной области выражается лучше всего въ томъ безпрерывномъ ростѣ, какой получаетъ во всѣхъ соц.-д.-ихъ партіяхъ организація по принципамъ Фольмара и Давида «кооперативныхъ чувствъ» европейскаго крестьянства. Развитіе современнаго соціализма, не смотря на всю «бдительность» ортодоксіи, идетъ въ этомъ направленіи такимъ быстрымъ темпомъ, что есть основаніе ожидать и слѣдующихъ шаговъ:—распространенія соціалистической проповѣди и на городскую мелкую буржуазію, чтобы и ее съ ея лавочками присоединить къ пролетарскому движенію.

росъ герой-революціонеръ, тѣмъ глубже выходило непониманіе толпы, тѣмъ больше росли права интеллигенціи на соціалистическое воспитаніе народа, тѣмъ необходимѣе казался предварительный до достиженія соціализма періодъ обученія рабочихъ массъ, тѣмъ необходимѣе требованіе политической свободы, какъ свободы этого обученія какъ неизбѣжнаго пути къ соціализму.

Только послѣ непоколебимаго и безповоротнаго установленія этихъ трехъ «данныхъ опыта»—непониманія рабочими массами дѣла ихъ собственнаго освобожденія, прирожденной соціалистичности русскаго революціонера и невозможности освобожденія массъ безъ предварительнаго обученія ихъ въ школѣ соціалистической интеллигенціи, — только послѣ этого появляется русскій соціалдемократъ со своей критикой народничества. Эта критика, какъ сказано выше, была произведена уже не первоначальнымъ отщепенцемъ общества; напротивъ, предпринятая лишь съ цѣлью европеизаціи «здравой политики» народовольчества, она была критикой представителя русскаго общества, выразителя его нуждъ и потребностей. Поэтому, не смотря на то что русскій соціалдемократъ въ самобытномъ соціализмѣ и раскрываетъ систему утопій и нелѣпостей, тѣмъ не менѣе три вышеуказанные пункта его критикой не только не колеблются, а напротивъ утверждаются и обновляются.

Соціалистическая интеллигенція остается прирожденнымъ, неоспоримымъ учителемъ рабочихъ массъ, хотя первые шаги такой ея педагогической дѣятельности уже оказались нелѣпостью. Народныя массы остаются виновными въ неудачахъ революціонера, хотя вина ихъ теперь очень своеобразна, ибо заключается въ томъ, что онѣ въ народническихъ нелѣпостяхъ не признали реальнаго дѣла своего освобожденія. Права свободнаго, открытаго обученія у соціалистической интеллигенціи рабочія массы должны по прежнему требовать въ борьбѣ на жизнь и смерть съ русскимъ самодержавіемъ, хотя онѣ ничѣмъ не обезпечены, что все это обученіе, какъ и преподанный имъ уже первый урокъ, не будетъ лишь рядомъ «утопій и нелѣпостей». Великодушный соціалистическій проповѣдникъ подъ именемъ правды разсказывалъ, оказывается, басни. Но это ничуть не должно измѣнить отношенія къ нему рабочихъ массъ: онѣ не должны его ни въ чемъ заподазривать, затѣвать противъ него какой либо контроль или стремиться къ освобожденію отъ его опеки. Творецъ басенъ можетъ преспокойно продолжать свое дѣло и вводить эти массы въ заблужденіе: рабочій классъ обязанъ считать его все тѣмъ же великодушнымъ своимъ учителемъ. Итакъ, соц.-д.-ое ученіе, раскрывающее иллюзіи и утопіи предшествовавшаго ему движенія, явилось вовсе не для того, чтобы предохранить рабочій классъ отъ заблужденій въ его революціонной борьбѣ съ классовымъ строемъ. Задачей его критической работы было лишь заботиться о томъ, чтобы не ошибался, не заблуждался самъ революціонеръ въ преслѣдованіи собственныхъ цѣлей, какъ представитель и защитникъ русскаго общества.

Услужливость и заботливость соц.-д.-іи о русскомъ обществѣ не сразу однако была понята и по достоинству оцѣнена радикальной интеллигенціей. Потребовались цѣлые долгіе годы все усиливающагося правительственнаго гнета и всеобщей реакціи для того, чтобы заставить наконецъ хоть часть русскихъ революціонеровъ стать на точку зрѣнія пролетаріяи». Какъ старательно при этомъ была предварительно изслѣдована безопасность новаго шага! На помощь была призвана вся буржуазная зоркость и стойкость либераловъ Струве, Туг. Барановскихъ, Булгаковыхъ и пр. Все общество было приглашено къ установленію нужной ему «пролетарской точки зрѣнія».

Основнымъ моментомъ, вызвавшимъ поворотъ въ направленіи русскаго радикализма 90-хъ гг., была эволюція европейской соц.-д.-іи. «Передовые мыслители», какъ Струве, съ помощью настоящихъ представителей пролетарскаго ученія»—Бельтовыхъ, разъяснили русскому обществу, что не существуетъ больше ни малѣйшаго основанія для того, чтобы «пролетарій» все еще по прежнему оставался для него лишь пугаломъ. Напротивъ, развитіе соц.-д.-іи, признанной со стороны милліоновъ наиболѣе развитыхъ европейскихъ рабочихъ пролетарской представительницей, должно внушить русскому обществу самыя радужныя надежды. Эта многомилліонная рабочая партія, способная своимъ авторитетомъ предотвратить всякіе взрывы несознательныхъ массъ или авантюристскія анархистскія затѣи, во всѣхъ странахъ учитъ пролетаріатъ тому, что стремленіе къ немедленному насильственному перевороту безразсудно, что «пролетаріатъ долженъ по возможности отклонять окончательное столкновеніе» (Каутскій въ 93 г.), что соц.-д.-ія должна быть «единственной партіей порядка» (Либкнехтъ въ 95 г.), что рабочія массы прежде всего должны стремиться завоевать и развить демократическія учрежденія своего отечества.

При такомъ положеніи пролетаріатъ въ Россіи окажется лучшимъ рычагомъ прогресса, надежнѣйшимъ реализаторомъ всѣхъ мечтаній радикальнаго общества.

> «Съ его (пролетаріата) появленіемъ, говоритъ Плехановъ въ своей брошюрѣ противъ Тихомирова, измѣняется самый характеръ русской культуры, исчезаетъ нашъ старый, азіатскій экономическій бытъ, уступая мѣсто новому, европейскому. *Рабочему классу суждено завершить у насъ великое дѣло Петра: довести до конца процессъ европеизаціи Россіи.* (стр. 43., курсивъ нашъ.)

Подъ давленіемъ столь убѣдительныхъ для общества доводовъ, ряды радикаловъ-марксистовъ около половины 90-хъ гг. стали быстро расти. Наступилъ періодъ старательной разработки марксистскаго ученія и примѣненія его къ русской «дѣйствительности». Разработка эта производилась такъ популярно и общедоступно, даже для самыхъ мирныхъ обывателей, что ею съ успѣхомъ могъ воспользоваться для увлеченія рабочихъ своей политикой даже и Зубатовъ.

Только при свѣтѣ такихъ всестороннихъ тщательныхъ изслѣдованій революціонеръ сталъ дѣлать первые шаги въ опасной области пролетарскихъ волненій. Практикъ поступалъ не менѣе осторожно, чѣмъ теоретикъ, либералъ-марксистъ. Русскій революціонеръ, умѣющій въ другомъ мѣстѣ, при другомъ дѣлѣ примѣнять терроръ и всякое насиліе, здѣсь, на почвѣ дѣла, за которое онъ лишь по необходимости берется, сталъ проявлять самую крайнюю осторожность и постепеновщину. Онъ сталъ выставлять и защищать по возможности

мелкія претензіи рабочихъ, которыя признаетъ, какъ говорилось повсюду, всякій честный обыватель.

Петербургская стачка 96 г., во время которой рабочіе въ своихъ собственныхъ требованіяхъ оказались такъ скромны и съ такимъ сочувствіемъ приняли соц.-д.-скія прокламаціи, заключавшія требованія политическихъ реформъ, обезпечила окончательно за марксистами побѣду въ средѣ русскаго радикализма. Общество получило самый наглядный, уже не теоретическій, а фактическій доводъ, что пролетаріатъ наилучшій борецъ за прогрессъ, за освобожденіе передового общества отъ полицейскаго гнета. Послѣ этого факта наступилъ уже прямо повальный переходъ русскихъ радикаловъ въ ряды марксистовъ.

Но заслуги, теперь уже всѣми прославляемаго, пролетарія передъ отечествомъ не могли, конечно, ограничиться только этимъ. Гораздо большую радость долженъ былъ доставить обществу «сознательный» пролетарій въ 1901 г. Хотя въ концѣ 90-хъ гг. и манифестъ соц-д-іи, и каждая ея газета, каждая прокламація и были проникнуты политикой, однако столь частыя въ то время рабочія волненія велись главнымъ образомъ изъ за чисто рабочихъ требованій. Непосредственно наблюдающіе за этими волненіями тогдашніе «практики»-соц-дем-аты, «экономисты» не считали возможнымъ усиливать политическихъ требованій и отказывались отъ агитаціи немедленнаго низверженія самодержавія. Вѣдь на революціонной аренѣ, кромѣ пролетаріата не было никакого другого слоя общества. Развѣ не опасно низвергать существующую государственную власть при томъ положеніи, когда вмѣстѣ съ пролетаріатомъ не выступаетъ болѣе никто, способный замѣнить падающую власть? Развѣ намъ въ такомъ случаѣ не грозитъ «цѣлое море крови»? (См. Vademecum стр. XII).

Но вотъ усиливается студенческое движеніе, увлекающее за собой крайніе слои буржуазнаго общества и выражается въ 1901 г. по всей Россіи въ рядѣ крупныхъ манифестацій. И когда на помощь этому самостоятельно выступающему студенчеству и обществу являются въ въ нѣкоторыхъ пунктахъ вышколенные соц-д.-ами рабочіе, то этотъ фактъ приводитъ въ невѣроятную, просто опьяняющую радость все общество и всѣхъ русскихъ революціонеровъ. И не даромъ: подавая помощь тѣмъ, кто спокойно смотрѣлъ и слушалъ, какъ двумя годами раньше разстрѣливали десятки стачечниковъ на улицахъ Риги, рабочіе своимъ выступленіемъ говорили:—не смѣй бить студентовъ, будущихъ дѣятелей, не смѣй обращаться съ бѣлоручками, какъ съ простыми чернорабочими!..

Всѣ русскіе революціонеры стали смѣло съ этихъ поръ думать о революціи въ Россіи. И опасавшіеся только что кроваваго моря были первыми изъ тѣхъ, кто закричалъ: долой самодержавіе, да здравствуетъ и терроръ и возстаніе!..(Рабочее Дѣло) Исчезаютъ моментально всякіе постепеновцы, оппортунисты, экономисты. Совмѣстная борьба общества и идущихъ за нимъ рабочихъ вызвала къ жизни даже анархическія группы (прокламація парижскихъ студентовъ-анархистовъ по поводу февральскихъ событій 1901 г.), въ то время какъ самыя бурныя стачки, въ родѣ маріупольской, и цѣлыя возстанія, какъ Рижское, откликомъ своимъ въ душѣ революціонера имѣли только оппортунизмъ.

Ученики Михайловскаго *до* 1901 г. еще больше, чѣмъ соц-д-ты, говорятъ объ отдаленности соціалистической революціи, о сидѣніи по домамъ во время стачекъ (Программа Соц-р-овъ 1900 г., Наши Задачи 98 г.). *Послѣ* же 1901 г. они уже охотно, въ случаѣ нужды, говорятъ о немедленной соціалистической революціи, а многіе изъ нихъ, не переставая быть учениками своего учителя, объявляютъ себя анархистами, стремящимися къ «полному уничтоженію частной собственности», къ «полному уничтоженію государства».

Но въ первое время весь «революціонный подъемъ» обращается почти исключительно на пользу «Искры», столь краснорѣчиво доказывавшей, что классовое сознаніе пролетаріата властно приказываетъ ему защищать студентовъ (своихъ будущихъ управляющихъ, директоровъ, инженеровъ, судей, прокуроровъ). На эту «пролетарскую», «ортодоксальную» точку зрѣнія становились тогда чуть ли не цѣлые университеты en masse.

Когда такимъ образомъ всѣ рабочемыслители и рабочедѣльцы вымерли, а съ ними и всѣ оппортунисты, когда соц-д-ія сплошь состоитъ изъ ортодоксовъ, затѣвается объединеніе и строгая организація всѣхъ рабочихъ баталліоновъ. Ощущается потребность приготовиться къ «рѣшительной схваткѣ», къ «генеральному сраженію» пожать плоды всего революціоннаго движенія. Какова же должна быть цѣль этого генеральнаго сраженія? Каковъ плодъ всего русскаго революціоннаго движенія?

—Буржуазная революція!

И въ этой буржуазной революціи, въ этомъ генеральномъ сраженіи, впереди всѣхъ, въ первыхъ рядахъ, въ «авангардѣ» выступаетъ ... русскій соціалистъ, русскій соціалистическій пролетаріатъ, достигшій своего надлежащаго классоваго сознанія...

Итакъ: Буржуазная революція—непосредственный плодъ полувѣкового соціалистическаго движенія!

Счастливая гармонія признанныхъ противоположностей.

Русское соц-д-ское движеніе, не смотря на различныя фазы своего равитія, поддавалось, въ концѣ концевъ, лишь слабымъ отклоненіямъ въ стороны отъ первоначальнаго плана. Не смотря на встрѣчавшееся по пути жизненное треніе, первоначальные взгляды основателей русскаго соц.-д.-изма, взгляды «Группы Освобожденія Труда» признаны въ послѣднее время взглядами русской соц.-д.-ской партіи. Такимъ образомъ главная задача русской соц.-д.-іи формулирована съ самаго начала ясно и опредѣленно.

Въ 1892 г., когда движеніе проявлялось лишь въ Западномъ краѣ, Плехановъ, въ брошюрѣ о борьбѣ съ голодомъ обращаясь ко всѣмъ русскимъ соціалистамъ, писалъ:

«Намъ, русскимъ соціалистамъ надо найти такой способъ дѣйствія, держась котораго мы, вопервыхъ, ни на минуту не пере-

реставали бы способствовать росту классового сознанія пролетаріата, т. е. быть соціалистами, а во вторыхъ, скорѣе побѣдили бы царизмъ.» (†), (Борьба съ голод., стр. 62.)

«Въ области политической борьбы, какъ и въ области экономическаго развитія, передовыя страны указываютъ путь отсталымъ. Что же мы видимъ въ политической исторіи болѣе развитыхъ, чѣмъ Россія, западно-европейскихъ странъ? Можно ли найти въ ней хоть одинъ примѣръ завоеванія политической свободы силами одной буржуазіи, безъ участія въ этомъ завоеваніи силъ рабочаго класса? Въ ней нѣтъ ни тѣни подобнаго примѣра. Всегда и вездѣ... только благодаря поддержкѣ народа буржуазія успѣвала въ борьбѣ и разрушила невыгодный для нея «старый порядокъ». При этомъ дѣло происходило обыкновенно такъ, что въ то время, какъ народъ боролся съ оружьемъ въ рукахъ и кровью своею платилъ *за торжество свободы*, (†) буржуазія боролась посредствомъ всякаго рода «ходатайствъ» и «представленій». Ея роль была чисто пассивной»... (тамъ же, стр. 64-65.)

Въ «Нашихъ Разногласіяхъ» о буржуазныхъ революціонныхъ движеніяхъ находимъ то же самое въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«*Что значитъ.., буржуазія или., общество боролось въ такой то странѣ противъ абсолютизма? Ни болѣе ни менѣе, какъ то, что буржуазія толкала и вела рабочій классъ на борьбу*,(†) или, по крайней мѣрѣ, разсчитывала на его поддержку...» (стр. 307.)

«..Въ Іюлѣ 1830 и въ Февралѣ 1848 г., читаемъ дальше въ брошюрѣ о борьбѣ съ голодомъ, во всѣхъ этихъ случаяхъ *буржуазія* (†) представлена была на бранномъ полѣ лишь тѣми своими слоями, которые или занимаютъ самое жалкое мѣсто въ ея средѣ,- напр. мелкіе торговцы и небогатые ремесленники, — или вообще очень мало вліяютъ на общественную жизнь своего класса, — *учащаяся молодежь и мелко-буржуазная революціонная «богема», тогдашняя революціонная «интеллигенція»*. (†)

«Еслибы французской или нѣмецкой «интеллигенціи» сороковыхъ годовъ кто-нибудь посовѣтовалъ оставить всякую мысль о *вовлеченіи народа въ борьбу съ правительствомъ* (†) и ограничить свою революціонную роль воздѣйствіемъ на различные слои буржуазнаго «общества», интеллигенція встрѣтила бы подобный совѣтъ по меньшей мѣрѣ съ негодующимъ удивленіемъ. Она знала, что на «общество» плоха надежда. *Вѣдь потому то революціонная интеллигенція и стремилась къ сближенію съ народомъ, что не встрѣтила въ «обществѣ» достаточной поддержки своимъ революціоннымъ стремленіямъ.»* (†), (стр. 65-96)

Такъ какъ «передовыя страны указываютъ путь отсталымъ», то надо всѣ усилія приложить къ тому, чтобы такая же борьба за торжество свободы», такая же буржуазная революція поскорѣе наступила и въ Россіи.

..«Наше общество не можетъ еще разсчитывать на такую поддержку рабочихъ: оно не знаетъ даже — на кого направитъ свое ружье рабочій инсургентъ: на защитниковъ абсолютной монархіи, или на сторонниковъ политической свободы. Отсюда — его робость, нерѣшительность.. Но измѣните положеніе дѣла *обезпечьте нашему „обществу“ поддержку однихъ только городскихъ предмѣ-*

(†) Курсивъ нашъ.

стій (†) — и вы увидите, что оно знаетъ, чего хочетъ и умѣетъ говорить съ властью языкомъ достойнымъ гражданина...» (Наши Разногл., стр. 307.)

Задачей революціонной, соціалистической интеллигенціи западно-европейскихъ странъ было «обезпечить буржуазіи поддержку» народныхъ массъ. Эту же задачу должна поставить себѣ и русская соціалистическая интеллигенція. Плехановъ старается показать въ «Наш. Разногл.», что русскіе соціалисты отчасти исполняютъ уже эту задачу, хотя не отдаютъ себѣ яснаго въ этомъ отчета и хотя ихъ народническія утопіи мѣшаютъ успѣшному развитію этого дѣла. Онъ цитируетъ 6-ой № «Нар. Воли» и въ особенности напираетъ на собственное признаніе народовольцевъ въ томъ, что они дѣйствуютъ въ интересахъ общества.

«Мы, *дѣйствующіе въ интересахъ общества* (††), убѣждаемъ это общество выйти, наконецъ, изъ малодушной апатіи; мы заклинаемъ его возвысить голосъ за свои интересы, за интересы народа, за жизнь своихъ дѣтей и братьевъ, систематически преслѣдуемыхъ и убиваемыхъ». (Н. В. № 6.)

«Въ календарѣ „Народной Воли“ я прочелъ, говоритъ тамъ же Плехановъ, что „въ отношеніи къ либераламъ слѣдуетъ, не скрывая своего радикализма, указывать на то, что при современной постановкѣ партіонныхъ задачъ, интересы наши (††) и ихъ заставляютъ совмѣстно дѣйствовать противъ правительства“.» (Наши Разногл., стр. 80,)

Наконецъ, о партіи Народной Воли авторъ «Нашихъ Разногласій» прямо заявляетъ:

«..Партія Народной Воли есть партія конституціонная прежде всего и главнымъ, если не исключительнымъ образомъ, такъ какъ въ сторону разрушенія абсолютизма она „направляетъ теперь, (по выраженію Лаврова) всѣ свои силы“.» (тамъ же, стр. 217.)

По мнѣнію Плеханова, совмѣстная борьба «общества» и соціалистовъ противъ ихъ общаго врага пойдетъ тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ больше русскіе соціалисты станутъ сознавать утопичность народническаго соціализма и слѣдующую отсюда полную невозможность соціалистическаго переустройства современной Россіи. Тогда они перестанутъ пугать болѣе робкіе и недальнозоркіе элементы общества своими пустыми фразами о немедленномъ соціалистическомъ переворотѣ. Болѣе образованная часть буржуазіи, конечно, уже въ настоящее время понимаетъ, что тайныя организаціи русскихъ революціонеровъ не въ состояніи вызвать того соціальнаго переворота, который могъ бы низвергнуть господство буржуазіи. Напротивъ, отъ подпольной работы революціонеровъ она съ увѣренностью ждетъ пользы для себя.

«Что же касается тайной политической пропаганды, то какая же она была бы буржуазія, если бы она не понимала значенія раздѣленія труда? *Она предоставляетъ вести дѣло такъ называемой интеллигенціи* (†), не отвлекаясь сама отъ задачъ своего матеріальнаго обогащенія. *Она знаетъ, что ея дѣло «вѣрное» и что начатая нашей интеллигенціей политическая борьба рано или поздно очи-*

(†) Курсивъ нашъ.
(††) Подчеркнуто у Плеханова.

ститъ поле для ея господства. (†) Развѣ итальянская буржуазія не *предоставляла революціонерамъ таскать изъ печи каштаны политическаго освобожденія* (†) и объединенія и развѣ не она теперь питается этими каштанами?»

«А если революціонеры „захватятъ власть" и сдѣлаютъ соціальную революцію? Въ это она не вѣритъ, да скоро перестанутъ вѣрить и сами революціонеры. Скоро они всѣ поймутъ, что если люди развертываютъ зонтики, когда идетъ дождь, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что дождь можетъ быть вызванъ развернутыми зонтиками.» (Наши Разногл., стр. 128.)

Приведенная цитата указываетъ вскользь на антагонизмъ между принужденной спускаться въ подполье интеллигенціей и свободно и легально обогащающейся буржуазіей. Но этотъ антагонизмъ въ данномъ случаѣ, на общій выводъ о первой потребности русскаго человѣка, о скорѣйшемъ низверженіи царизма, повліять конечно не можетъ, и тѣ примѣры, что въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ въ Италіи, вытащенными интеллигенціей каштанами политическаго освобожденія питается одна будто бы буржуазія, одни капиталисты, дѣла ничуть не мѣняютъ. «Каштаны» столь цѣнны и вкусны для самой интеллигенціи даже въ Италіи, что эти примѣры, — въ этомъ Плехановъ не сомнѣвается, — не разубѣдятъ русской интеллигенціи въ ея уже прочно и безповоротно сложившемся сознаніи своей «первой потребности».

Но русскій революціонеръ рожденъ соціалистомъ. Всякая программа должна удовлетворять не только «политическія», но и «соціалистическія потребности» его души. Поэтому Плехановъ поставилъ себѣ задачу «найти такой способъ дѣйствія, держась котораго, мы».... не только «скорѣе побѣдили бы царизмъ», но и «ни на минуту не переставали бы быть соціалистами».

Со своими разсужденіями и выводами Плехановъ обращался ко всѣмъ русскимъ соціалистамъ и всѣхъ ихъ, даже тѣхъ, что около того времени издавали «Свободную Россію», старался убѣдить въ томъ, что они должны «оставаться соціалистами», «быть ими на дѣлѣ, а не только на словахъ», брался доказать — и вполнѣ резонно —, что всѣ они съ собственной точки зрѣнія должны стать соц.-д.-ами.

Въ чемъ же заключается это соціалистическое дѣло по соц.-д.-скому ученію?

«..Соціалистами *на дѣлѣ, а не на словахъ* (††) насъ можно признать только въ томъ случаѣ, если мы дѣлаемъ соціалистическое дѣло, т. е. способствуемъ росту классоваго сознанія пролетаріата.» (Бор. съ гол., стр. 68.)

Черезъ чуръ наивные люди, съ одной стороны, черезъ чуръ пугливые, съ другой, готовы были иногда утверждать, что это «способствованіе росту классоваго сознанія пролетаріата» значитъ содѣйствіе классовой борьбѣ послѣдняго со всѣмъ буржуазнымъ строемъ. Они забывали, что имъ только что говорилось о....«поддержкѣ буржуазіи со стороны рабочихъ предмѣстій».

«Способствованіе росту классоваго сознанія пролетаріата» значитъ

(†) Курсивъ нашъ.
(††) Подчеркнуто у Плеханова.

не больше, какъ сближеніе русскаго соціалиста съ рабочими, простое его «хожденіе къ рабочимъ»—эта новая «работа въ народѣ», слѣдовательно одно присутствіе въ рабочей средѣ драгоцѣнной особы русскаго соціалиста, каковъ онъ есть, съ тѣми убѣжденіями и стремленіями, какія ему заблагоразсудится имѣть. Вполнѣ естественно послѣ этого, что Плехановъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что указываемое имъ дѣло должны дѣлать всѣ русскіе соціалисты,..вполнѣ естественно, что онъ не теряетъ надежды сдѣлать настоящими соц.-д.-ами даже и сторонниковъ «Свободной Россіи».

Прошлое революціонное движеніе закончило циклъ своего развитія, выработавъ непоколебимо слѣдующее основное положеніе, соблюденія котораго требовали «хранители традиціи», современные автору «Нашихъ разногласій» и «Борьбы съ голодомъ»: —при русскомъ самодержавномъ режимѣ невозможно никакое общественное развитіе, невозможна даже постановка какихъ-либо общественныхъ вопросовъ. Обязанность революціонера всякое возникающее возмущеніе направлять на борьбу съ царскимъ правительствомъ, какъ первопричиною всѣхъ бѣдствій. Это и есть, говоритъ Плехановъ въ «Борьбѣ съ голодомъ», соціалистическое сознаніе. Будьте соціалистами на дѣлѣ, т. е. несите это сознаніе въ среду русскихъ рабочихъ. Это и будетъ «классовое сознаніе пролетаріата».

Если бы мы, разсуждаетъ онъ, перестали быть соціалистами «на дѣлѣ», если бы мы оставили «работу въ народѣ»,

«если бы мы удовольствовались сближеніемъ съ однимъ „обществомъ",..то тѣмъ самымъ *отсрочили бы торжество политической свободы.*» (†) (Борьба съ голодомъ, стр. 66)

Ибо соціалисты затерялись бы среди общества и руководителемъ народныхъ массъ была бы сама буржуазія. Но въ такомъ случаѣ,

«Если въ періодъ борьбы съ самодержавіемъ буржуазія будетъ единственной политической воспитательницей пролетаріата, то *онъ не достигнетъ той степени сознательности и того революціоннаго настроенія,* (†) какія свойственны были бы ему въ томъ случаѣ, если бы за его политическое воспитаніе взялись соціалисты.» (Бор. съ Гол. стр, 67.)

Наивные люди, воображавшіе, что соц.-дем.-измъ есть классовая борьба рабочихъ съ буржуазнымъ строемъ, теперь имѣютъ полную возможность убѣдиться, что надо «ни на минуту не переставать быть соціалистами», надо «способствовать росту классоваго сознанія пролетаріата» для того, чтобы «поскорѣе былъ побѣжденъ царизмъ».

Соціализмъ, въ самомъ совершенномъ своемъ видѣ, въ видѣ соц.-д-зма, есть лишь лучшее средство, скорѣйшій путь для достиженія общенаціональныхъ интересовъ всѣхъ честныхъ людей.

Всѣ русскіе либералы, искренно желающіе низверженія самодержавія, должны позаботиться о воздвиженіи въ Россіи соц.-дем.-ской партіи. Призывъ этотъ скоро былъ услышанъ. Наиболѣе умные русскіе либералы, при столь искреннемъ и столь усердномъ соучастіи самихъ Плехановыхъ, разработали, примѣнительно къ русской жизни,

(†) Курсивъ нашъ.

теоретическія основы будущей соц.-дем.-ской программы въ видѣ легальнаго марксизма.

Послѣдняя изъ вышеприведенныхъ фразъ показываетъ еще, что для сверженія самодержавія нужна не только соц.-дем.-ія, но и «ортодоксальная» соц.-д.-ія, «самостоятельная рабочая партія», самостоятельно воспитывающая пролетарскія массы. Только въ этомъ случаѣ можно надѣяться на болѣе глубокій политическій переворотъ, при которомъ значительное количество каштановъ попадетъ въ ротъ самой соціалистической интеллигенціи. Въ противномъ случаѣ, при ничтожной уступкѣ самодержавія, каштаны остаются, почти какъ и теперь, исключительно въ рукахъ плутократовъ.

Окончательный выводъ, составляющій сущность русскаго соц.-д.-изма, можно формулировать въ словахъ самого Плеханова слѣдующимъ образомъ: Такъ какъ, во первыхъ

«*рабочій классъ важенъ для революціи*» (†) (Наши Разногласія, стр. 310.),

и такъ какъ, во вторыхъ,

«кто же, если не революціонная интеллигенція могъ бы способствовать политическому развитію рабочаго класса?» (тамъ же, стр. 307.),

то —

«любишь кататься, люби и саночки возить,.. т. е.,.. всякій, желающій поскорѣй добиться свободы, долженъ стараться *заинтересовать рабочій классъ въ борьбѣ съ абсолютизмомъ*». (††) (тамъ же)

Или, тотъ же самый выводъ Плехановъ формулируетъ самъ въ брошюрѣ о борьбѣ съ голодомъ:

«Другими словами: содѣйствовать росту классового сознанія пролетаріата значитъ ковать оружіе, наиболѣе опасное для существующаго строя. (††) Очень плохой совѣтъ даютъ намъ люди, убѣждающіе насъ „на время оставить соціализмъ". Не доктринерство, а *самый зрѣлый разсчетъ*(†) и самый вѣрный революціонный инстинктъ *заставляютъ насъ твердо и неизмѣнно держаться соціализма.*» (†) (стр.,67).

Да, несомнѣнно! «Самый зрѣлый разсчетъ» заставляетъ русскихъ либераловъ «твердо и неизмѣнно поддерживать» современный русскій соціализмъ, какъ вѣрнѣйшаго слугу при осуществленіи его стремленія сдѣлаться самоличнымъ, безъ царской опеки, правителемъ русскаго государства, полновластнымъ хозяиномъ національной прибыли, расхищаемой нынѣ деспотическимъ правительствомъ.

*

* *

Въ каждой марксистской книжкѣ и чуть ли не на каждой страницѣ можно встрѣтить, какъ всякому извѣстно, хвастливыя заявленія, что марксизмъ впервые понялъ классовое строеніе цивилизованнаго

(†) Курсивъ нашъ.
(††) Подчеркнуто у Плеханова.

общества, что онъ одинъ, въ противоположность всѣмъ утопистамъ, умѣетъ смотрѣть на современное общество, какъ на противорѣчивое, обреченное на скорую гибель, соединеніе двухъ непримиримыхъ антиподовъ—буржуазіи и пролетаріата, между которыми, до окончательнаго момента ихъ полнаго исчезновенія, можетъ существовать лишь борьба на жизнь и смерть. Какъ же, въ виду этихъ горделивыхъ заявленій, объяснить то обстоятельство, что основатель русскаго соц-д-зма, провозгласившаго борьбу между русской буржуазіей и пролетаріатомъ, что піонеръ теоріи классовой борьбы въ Россіи, во всѣхъ вышеприведенныхъ его выводахъ, столь благополучно, ничуть не хуже любого общепризнаннаго утописта, объединяетъ всѣ классы общества для одного общенаціональнаго акта?

Въ самомъ дѣлѣ, изъ всѣхъ приведенныхъ разсужденій Плеханова нѣтъ никакой возможности извлечь хоть бы малѣйшее представленіе о существованіи какихъ-либо общественныхъ антиподовъ. Мы слышимъ лишь простыя слова: буржуазія—пролетаріатъ. Оба антипода вполнѣ единодушно и солидарно участвуютъ въ одномъ общемъ дѣлѣ, а дѣло это ни больше, ни меньше, какъ... борьба «за торжество свободы». «Буржуазія... толкаетъ и ведетъ рабочій классъ на борьбу». Рабочій народъ «кровью своею платитъ за торжество свободы». Господствующій классъ, эксплоататоръ, грабитель, является настоящимъ апостоломъ настоящей свободы... Какой утопистъ когда либо либо пытался доказывать большее?

Марксизмъ такъ часто заявляетъ себя проповѣдникомъ классовой борьбы въ современномъ обществѣ лишь для того, чтобъ скрыть отъ глазъ всѣхъ ту свою работу, посредствомъ которой онъ классовую борьбу рабочихъ обуздываетъ, стремясь не выпустить ее изъ напередъ намѣченныхъ, строго опредѣленныхъ узкихъ рамокъ. Не менѣе часто онъ повторяетъ, что онъ творецъ теоріи классовой борьбы для того, чтобы этими увѣреніями усыпить своихъ слушателей и за ихъ спиною все болѣе укрѣплять прямопротивоположное этой теоріи ученіе объ объективныхъ условіяхъ историческаго развитія, предназначенное сдерживать мысль о классовой борьбѣ, не позволять доводить ее до ея логическаго конца. Такимъ образомъ марксизмъ своею классовой борьбой лишь щеголяетъ, она служитъ ему лишь агитаціонной фразой, посредствомъ которой онъ ловко кокетничаетъ съ рабочимъ движеніемъ.

Попробуйте довести «теорію классовой борьбы» хоть бы на шагъ дальше того, что разрѣшается научнымъ соціализмомъ, настаивайте хоть бы на послѣдовательномъ удержаніи положенія о томъ, что цивилизованное общество есть организація господства, и марксистъ немедленно отопрется отъ своей теоріи и станетъ напѣвать мотивы совсѣмъ другой пѣсни, увѣряя васъ, однако, что онъ преподноситъ вамъ развитіе той же теоріи классовой борьбы. Расчлененное на классы, цивилизованное общество объединяется обратно въ марксистскомъ ученіи при помощи столь прочнаго фундамента, какъ «экономическія потребности страны», единаго хозяйственнаго цѣлаго. (Развѣ это не все одна и та же ультрапролетарская, ультраматеріалистическая экономика, спрашиваетъ васъ при этомъ марксистъ?)

Такимъ образомъ чисто идеалистическая концепція объ обществѣ,

какъ о единомъ цѣломъ, съ самаго начала ограничиваетъ, а съ теченіемъ времени все больше и больше затушевываетъ ученіе объ обществѣ, какъ классовомъ господствѣ.

Идеализмъ не рождается въ марксизмѣ лишь съ появленіемъ ревизіонизма. Онъ заложенъ въ немъ, какъ кардинальная основа Марксова ученія. Въ Бернштейнахъ и Жоресахъ онъ доходитъ лишь до своего «самосознанія». *)

Экономическія потребности общества укрѣпляются еще больше въ видѣ столь безпрекословной инстанціи, какъ «экономическая», «историческая необходимость», какъ законы историческаго развитія, «законы соціальнаго прогресса», передъ которыми должны преклоняться даже интересы пролетаріата. Въ результатѣ такого развитія «классовой точки зрѣнія» мы благополучно доходимъ до слѣдующаго открытія:—«Пролетарскіе интересы совпадаютъ въ настоящее время съ интересами націи», (Каутскій, «Классовые интересы» Изд. Кук. стр. 11) или:—Пролетаріатъ является носителемъ общенаціональныхъ интересовъ... Польскіе марксисты этотъ выводъ «классовой точки зрѣнія» переводятъ такъ: Одинъ пролетаріатъ, при свѣтѣ научнаго соціализма, въ состояніи осуществить ту задачу, которая не удалась ни шляхтѣ, ни буржуазіи—возстановить польское государство... Въ русскомъ же переводѣ это звучитъ, какъ мы только что слышали отъ Плеханова, слѣдующимъ образомъ: Самостоятельная соц.-д.-ская рабочая партія есть лучшее средство для достиженія солидной конституціи.

Еще чаще марксисты увѣряютъ всѣхъ въ своемъ абсолютномъ реализмѣ. Утописты де исходятъ и аппеллируютъ къ отвлеченнымъ идеямъ и принципамъ, научные же соціалисты разсматриваютъ всегда фактическія отношенія, ни на минуту не покидая реальной экономической почвы.

Но, если у нихъ это и бываетъ, то ужъ никакъ не въ томъ случаѣ, когда они (какъ Плехановъ въ приведенныхъ выше разсужденіяхъ) касаются вопроса о необходимости низверженія абсолютизма. При одномъ воспоминаніи объ этомъ его кровномъ дѣлѣ, у русскаго марксиста, какъ у всякаго русскаго революціонера, наступаетъ моментально такой могучій «подъемъ духа», что ему уже, послѣ этого, не подобаетъ оставаться на грѣшной землѣ, и мы видимъ его уже лишь на приличной высотѣ самой чистой и возвышенной идеи. Съ этой высоты ограниченіе абсолютизма, какъ было на Западѣ, такъ будетъ и въ Россіи настоящимъ «торжествомъ свободы».

Если на этой высотѣ пролетарскій идеологъ вспомнитъ еще случайно, что судьба іюньскихъ инсургентовъ не только не похожа на торжество ихъ свободы, такъ же, какъ и положеніе стачечниковъ, разгоняемыхъ и избиваемыхъ демократическими милиціями, то онъ тогда рѣшаетъ, что русскимъ рабочимъ не время теперь объ этомъ задумываться. Все должно быть въ свое время и въ своемъ мѣстѣ.. До буржуазной революціи русскіе рабочіе должны для успѣшнаго ея хода глубоко проникнуться убѣжденіемъ, что эта революція будетъ торжествомъ свободы. Когда собственнымъ опытомъ убѣдятся въ противоположномъ, когда въ собственномъ тѣлѣ почувствуютъ пули разныхъ Кавеньяковъ, тогда будетъ время рабочимъ **самимъ** внести соотвѣтственную поправку. Именно только такимъ способомъ будутъ удовлетворены и самостоятельность пролетаріата и открытыя еще Гегелемъ философскія основы пролетарскаго ученія.

*) Развитіе этихъ положеній составляетъ задачу 2-го выпуска.

Но, даже послѣ внесенія въ надлежащее время соотвѣтственныхъ поправокъ въ «классовое сознаніе» русскаго рабочаго, буржуазная революція должна оставаться для него торжествомъ настоящей общечеловѣческой свободы, несомнѣннымъ освобожденіемъ людей вообще отъ гнета старыхъ порядковъ. Хотя плодъ этой революціи—политическая свобода—для пролетаріата не означаетъ еще полной его свободы и послужитъ ему лишь средствомъ окончательнаго освобожденія, тѣмъ не менѣе политическая свобода есть безусловная свобода людей вообще, а для пролетаріата—доля несомнѣнной свободы, именно полная «свобода борьбы» (sic!)

Для того, чтобы по данному вопросу выразить мысль Плеханова во всей ея полнотѣ, необходимо заимствовать понятія и слова у тѣхъ мнимыхъ его противниковъ, которыхъ онъ называетъ «соціалистами-реакціонерами». «Политическая свобода не только средство», но и «самостоятельная цѣль», «она—благо сама въ себѣ», «составная часть нашего общественнаго идеала»...

Само собой понятно, что объединять господствующихъ и порабощенныхъ въ одномъ «освободительномъ» движеніи можно лишь съ помощью «возвышенныхъ идеаловъ», и «возвышенныхъ принциповъ», лишь въ области «чистыхъ понятій» и «абстрактныхъ отвлеченій» т. е. въ области достаточной плотности тумановъ. Въ эту область удаляется непримиримѣйшій анти-утопистъ и ультраматеріалистъ Плехановъ ничуть не меньше, чѣмъ любой изъ тѣхъ утопистовъ, утопіи которaго онъ только что якобы разбилъ,- удаляется въ тихомолку всякій разъ, когда ему приходится доказывать необходимость для русскихъ рабочихъ борьбы за конституцію. При этомъ «матеріализмъ», «классовая борьба».... становятся лишь, такъ сказать, формами приличія, этикета, необходимаго въ нашъ «пролетарскій вѣкъ». Имущественные разсчеты, матеріальные интересы опредѣленныхъ классовъ общества безъ малѣйшихъ затрудненій превращаются въ рукахъ этого «матеріалиста» въ потребности всѣхъ членовъ общества, въ общественныя, а потомъ уже и общечеловѣческія потребности, стремленія; и на этомъ пути мнимый анти-утопистъ получаетъ изрядное и для его цѣлей достаточное количество самыхъ чистыхъ понятій и идей и не менѣе чистыхъ принциповъ и идеаловъ. Стремленіе либеральнаго общества къ болѣе прогрессивной и болѣе производительной эксплоатаціи рабовъ всей Россіи, стремленіе всего буржуазнаго общества къ безпрепятственной реализаціи своихъ господскихъ имущественныхъ правъ устанавливается нашимъ «матеріалистомъ», какъ потребность всей русской націи въ свободѣ, какъ потребность всѣхъ русскихъ одинаково «безправныхъ обывателей», дѣло пріобрѣтенія ими всѣми одинаковыхъ правъ «свободныхъ гражданъ свободной страны».†) Однимъ словомъ

†) Въ N_0 2 «Рабочаго» въ 1885 г. Плехановъ писалъ: «Передъ русскимъ рабочимъ классомъ стоятъ двѣ задачи: одна—экономическая, другая—политическая. Только разрѣшивши обѣ эти задачи, онъ.. соз-

стремленіе къ конституціи есть, въ конечномъ счетѣ, присущая каждому честному обывателю... чистая любовь къ свободѣ.

Для «ученика», не вполнѣ еще дисциплинированнаго, при такомъ «матеріалистическомъ» разсужденіи, можетъ показаться сомнительнымъ слѣдующее: какимъ образомъ пролетарій - рабъ, не переставая быть рабомъ, можетъ сдѣлаться свободнымъ гражданиномъ? Можетъ быть, такой ученикъ вспомнитъ еще фразу автора «18 брюмера» о томъ, что идеальная политическая свобода, «соціальная» и демократическая республика есть господство буржуазнаго общества, господство всѣхъ его слоевъ и въ такой мѣрѣ, въ какой оно не было возможно при предшествовавшихъ политическихъ формахъ. Не слѣдуетъ ли отсюда, заключаетъ невышколенный ученикъ, что такое торжество свободы, какъ буржуазная революція, есть лишь болѣе сильное закрѣпощеніе пролетаріата? Какой вздоръ, строго останавливаетъ его Плехановъ: Марксъ до конца своей жизни училъ рабочихъ тому, что ихъ первая обязанность — завоеваніе демократіи. Соц.-д.-ія должна остаться вѣрной каждой буквѣ Марксова ученія, не дѣлать никогда такихъ выводовъ, какихъ не дѣлалъ самъ учитель, не подвигаться никогда ни на шагъ дальше, не пытаться досказать и распутать то, что спутано у самого учителя, какъ напр. его взглядъ о значеніи демократіи для пролетаріата. Въ этомъ и заключается чисто пролетарская позиція марксистовъ-ортодоксовъ. Что касается рабства пролетаріата въ современномъ строѣ, то Марксъ понималъ его, очевидно, въ переносномъ смыслѣ: такимъ-же должно остаться и пониманіе его ортодоксальныхъ учениковъ. Вообще, каждый «ученикъ» долженъ убѣдиться, что въ ученіи Маркса очень многое является, какъ показалъ Бернштейнъ, лишь «агитаціонной фразой». Но отсюда никакъ не слѣдуетъ, что соц.-д.-ія должна отбросить эти «агитаціонныя фразы», эти простыя украшенія программы, которыя самимъ ученикамъ ничего не стоятъ, а привлекаютъ къ нимъ такъ успѣшно «рабочіе батальоны». Напротивъ большая заслуга ортодоксовъ въ томъ, что они помѣшали Бернштейну убѣдить соц.-д.-ію отказаться отъ своего испытаннаго пролетарскаго этикета, отъ превосходнаго демагогическаго средства.

«Матеріализмъ», «классовая борьба», сведенныя къ роли агитаціонныхъ фразъ, нисколько не мѣшаютъ, такимъ образомъ «широтѣ» марксистскаго ученія. Напротивъ благодаря вышеуказаннымъ пріемамъ, марксизмъ обезпеченъ отъ той «узости», въ которой пытались его уличить его противники. Хотя онъ и сводитъ «все», «въ конечномъ счетѣ», къ «экономикѣ», но это, какъ оказывается, нисколько не мѣшаетъ ему понимать, не хуже Карѣевыхъ, все «разнообразіе историческаго процесса» и существованіе въ общественной жизни вполнѣ самостоятельныхъ, никогда не сливающихся областей, какъ напр. области «экономики» и «политики», (см. цитату Плеханова въ

дастъ новый общественный строй, удовлетворяющій всѣ его потребности»... «Вы должны бороться: во 1) ради своего освобожденія отъ экономической эксплуатаціи, а во вторыхъ ради пріобрѣтенія тѣхъ правъ, которыя... сдѣлаютъ изъ васъ — пока еще безправныхъ обывателей — свободныхъ гражданъ свободной страны.» («Итоги» Куклина, VI, стр. 187).

примѣч.). Марксисты не уступаютъ Карѣевымъ еще и въ томъ отношеніи, что умѣютъ воспринять и сохранить въ чистомъ видѣ послѣднія два понятія, и выводятъ ихъ прямо изъ разнообразія потребностей индивидуума. Люди имѣютъ и духовныя, и матеріальныя потребности, поэтому каждому человѣку присуще стремленіе и къ «политической», и къ «экономической свободѣ». Первую онъ завоевываетъ въ буржуазной революціи, вторую въ пролетарской... Да здравствуетъ Марксова матеріалистическая теорія классовой борьбы! — восклицаютъ восхищенные «ученики».

Такимъ образомъ, съ полнымъ успѣхомъ «конституція» превращена въ чистое понятіе, въ чистую идею политической свободы. Но для желанной гармоніи прямыхъ противоположностей требуется превратить въ чистую идею и другую изъ нихъ — рабочее дѣло.

На протяженіи XIX столѣтія, соціализмъ, во всѣхъ своихъ разнообразныхъ оттѣнкахъ, стремится выразить дѣло рабовъ міра какъ дѣло *всего современнаго человѣчества*. Создается цѣлый рядъ ученій, изъ которыхъ каждое въ большей или меньшей степени, въ томъ или другомъ видѣ, проповѣдуетъ одну и ту же утопію достиженія равенства не прямымъ путемъ *нападенія порабощенныхъ на владѣющіе классы* и пріобрѣтенія ими равныхъ имущественныхъ правъ на всю цивилизацію, на все наслѣдіе вѣковъ, а окольнымъ, спеціальнымъ путемъ *преобразованія способа производства* по особымъ кооперативнымъ принципамъ. *Только* въ зависимости отъ возможности осуществленія послѣдняго рождается возможность равенства. Вопросъ о томъ, какимъ образомъ изъ рукъ имущихъ будутъ вырваны богатства земного шара, замѣняется ожиданіями и размышленіями о томъ, какъ возникнетъ соціалистическая ассоціація. Соціалисты XIX ст. то непосредственно стремятся къ созданію образцовъ соціалистическаго общежитія — фаланстеровъ, или даже къ прямому введенію новаго строя, оставляя въ сторонѣ всѣхъ владѣльцевъ, всѣ существующія власти (Овенъ, Прудонъ), то подготовляютъ лишь «элементы» будущей соціалистической организаціи въ видѣ всевозможныхъ кооперативовъ, крупныхъ союзовъ взаимопомощи, крупныхъ потребительныхъ обществъ, то наконецъ, въ лицѣ современныхъ научныхъ соціалистовъ, ограничиваютъ свою «прямую» соціалистическую дѣятельность распространеніемъ «научной вѣры» въ «неизбѣжный процессъ», по которому «капитализмъ самъ» «роетъ себѣ могилу» и «создаетъ необходимую для соціализма предпосылку», объединяя, «обобществляя трудъ» во все большихъ и большихъ размѣрахъ. Такимъ образомъ, во всѣхъ соціалистическихъ ученіяхъ вниманіе возстающихъ рабочихъ массъ отвлекается отъ ихъ прямой цѣли — нападенія на имущихъ и ихъ экспропріаціи и сосредоточивается на *общечеловѣческой заботѣ* — «введенія планомѣрнаго хозяйства», «*излѣченія общества* отъ его болѣзней», «рѣшенія его противорѣчій», преобразованія современнаго строя. Война современныхъ рабовъ съ рабовладѣльцами превращается въ стремленіе всего человѣчества къ болѣе разумной и счастливой жизни. Реальное дѣло людей превращается въ идеалъ, въ новую религію.

Научный соціализмъ, рекомендующій себя самъ, какъ ученіе, которому впервые удалось прочно объединить соціализмъ съ рабочимъ

движеніемъ, съ классовою борьбою пролетаріата, не только не упраздняетъ, вопреки всѣмъ его увѣреніямъ, предшествовавшихъ ему утопій, а напротивъ, специфически преобразуя идеализмъ прежнихъ социалистовъ, укрѣпляетъ ихъ утопію, создаетъ «научную» религію. Въ своей брошюрѣ о борьбѣ съ голодомъ, Плехановъ такъ опредѣляетъ значеніе научнаго соціализма:

«Современный соціализмъ даетъ *людямъ* то средство, съ помощью котораго *они прекратятъ свою зависимость отъ слѣпыхъ стихійныхъ силъ, подчинятъ эти силы власти разума*» (†), (стр. 62.)

Современный соціализмъ есть стремленіе человѣчества избавиться отъ той неволи, существующей на протяженіи всей исторіи, въ которой

...«люди были слѣпыми орудіями еще болѣе слѣпыхъ экономическихъ силъ, ... (и) благодаря этому обстоятельству они пережили безчисленное множество самыхъ ужасныхъ бѣдствій и пролили цѣлыя моря самой невинной крови». Все это случилось по «неумѣнію людей стать господами своихъ собственныхъ экономическихъ отношеній». (стр. 60.)

Эта идея, дѣлающая научный соціализмъ столь красивымъ, идеальнымъ, идея, проникающая дѣйствительно всю марксистскую философію, всѣ марксистскія сочиненія и, въ болѣе или менѣе высокопарныхъ словахъ, высказываемая обязательно во всякой соц.-демократической программѣ, подмѣняетъ, безъ малѣйшихъ затрудненій, ничуть не хуже Христова ученія и всякой другой религіи, — господство *людей надъ людьми*, рабовладѣльцевъ надъ рабами — въ господство... *природы надъ человѣкомъ*; подмѣняетъ созданную вѣками неволю и закрѣпощеніе рабочихъ массъ владѣльцами земнаго шара — неволею всѣхъ людей и закрѣпощеніемъ ихъ жестокой не людской силой — экономическими слѣпыми законами. Это лишь на новый ладъ пропѣтая старая молитва: мы всѣ рабы господни!

Научный соціализмъ явился для того, чтобы научить людей «умѣнію стать господами своихъ экономическихъ отношеній». Онъ научитъ этому искусству пролетаріатъ, который будетъ спасителемъ всего настраждущаго человѣчества. Но пролетаріатъ предварительно долженъ воспитаться, «развить» «въ борьбѣ» свой «умъ» и «возвысить свою нравственность» (l. c. стр. 61.). Такое воспитаніе онъ можетъ получить только въ строѣ политической свободы, въ строѣ *полнаго* господства буржуазіи. Такъ какъ въ Россіи послѣднее еще не существуетъ, то рабочіе прежде всего, для собственнаго освобожденія... совершатъ буржуазную революцію. На этотъ путь наставитъ ихъ... «наша интеллигенція», которая «должна стать руководительницей рабочаго класса въ предстоящемъ освободительномъ движеніи». (Наши Разногл. стр. 78).

Превративъ описаннымъ способомъ въ чистыя идеи и политическую свободу и соціализмъ, превративъ потребность буржуазнаго общества въ конституціи — въ присущую человѣку вообще любовь къ свободѣ, а предстоящую борьбу рабочихъ съ буржуазнымъ обществомъ

(†) Курсивъ нашъ.

— въ борьбу человѣчества съ лежащими внѣ его «экономическими силами», научный соціализмъ, въ лицѣ русскаго соц.-д.-изма, восклицаетъ, какъ настоящій жонглеръ: Идите ко мнѣ всѣ! я нашелъ путь, на которомъ и буржуазія усилитъ свое господство надъ пролетаріатомъ и пролетаріатъ проложитъ путь къ своему освобожденію отъ того-же господства.

Призрачная непримиримость.

— Опозорить русское соціалистическое движеніе буржуазной революціей хотятъ лишь соц.-д.-ы. Къ чести русскаго революціоннаго движенія существуютъ еще въ Россіи другія, кромѣ соц.-д.-іи, партіи, настоящіе представители и защитники идей 70-хъ годовъ, которые такого позора, какъ буржуазная революція, не допустятъ, а поведутъ русскій народъ на борьбу за торжество соціализма.

Такъ говорятъ соц.-р.-ы, такъ говорятъ русскіе анархисты, пытающіеся въ послѣднее время установить анархистское движеніе на эмиграціи, а отчасти въ нѣкоторыхъ пунктахъ въ Россіи.

На сколько партія с.-р.-овъ хочетъ или можетъ направить русское революціонное движеніе не къ буржуазной революціи, а къ соціализму, къ низверженію буржуазнаго строя, объ этомъ долго говорить не приходится. Партія, которая выступаетъ противъ соц.-д.-ой ортодоксіи только потому, что, какъ она сама говоритъ, въ Россіи еще не настало время для настоящаго соц.-д-аго движенія; партія, основнымъ мотивомъ которой является недовольство той высокой, по ея мнѣнію, ролью, которую предназначаетъ рабочему движенію русская соц.-д.-ія; партія, которая, взамѣнъ послѣдняго, организуетъ, въ качествѣ «настоящихъ соціалистическихъ силъ» оппозиціонные слои общества, учащуюся молодежь, радикальную интеллигенцію и наконецъ все русское крестьянство, — такая партія есть настоящая исполнительница буржуазной революціи, настоящая, по меньшей мѣрѣ, наряду съ «Искрой». Партія соц.-р.-овъ не хочетъ *провозглашаемой соц.-д.-ами* буржуазной революціи лишь постольку, поскольку она искристамъ не удается и вѣчно ими отсрачивается: у с.-р.-овъ есть, по ихъ мнѣнію, средства осуществленія буржуазной революціи болѣе скорыя и менѣе сомнительныя, нежели исключительно рабочее движеніе. Партія с.-р.-овъ не согласна, наконецъ, не на буржуазную революцію, а на само *провозглашеніе* буржуазной революціи, которое, по ихъ мнѣнію, сдѣлано соц.-д.-ами напрасно: такое провозглашеніе вредитъ успѣху и скорости этого дѣла. Своей программой — «не буржуазная, а социаль... ная революція!», с.-р.-ы требуютъ у соц.-д.-овъ согласія на то, чтобы для вовлеченія рабочихъ массъ въ борьбу за конституцію пускать въ ходъ еще болѣе примитивное, чѣмъ научный соціализмъ, надувательство и еще болѣе безцеремонное краснобайство.

Такова въ настоящее время въ дѣйствительности роль идей 70-хъ годовъ, возрождаемыхъ современными сторонниками «славной» про-

граммы «Народной Воли». Но можетъ быть идеи 70-хъ годовъ, въ ихъ другомъ видѣ, въ видѣ анархическаго бакунизма, болѣе, чѣмъ лавризмъ, враждебнаго марксизму, помогутъ дѣлу и направятъ русскаго революціонера не къ буржуазной, а настоящей соціалистической революціи? Вопросъ этотъ стоитъ разсмотрѣть потому, что здѣсь мы будемъ имѣть дѣло, повидимому, съ особымъ, касающимся не только Россіи, соціалистическимъ направленіемъ, которое противополагаетъ себя соц.-д.-ому поссибилизму и легализму. Сторонникъ бакунистской программы, безпорочный учитель современныхъ русскихъ анархистовъ, Кропоткинъ, является вмѣстѣ съ тѣмъ, и даже главнымъ образомъ, важнѣйшимъ на Западѣ представителемъ анархистской теоріи, которая преподносится возставшимъ противъ соц.-д.-іи рабочимъ организаціямъ вмѣсто марксистскаго ученія.

Каковы должны быть задачи и стремленія анархистовъ въ Россіи? Въ главномъ сочиненіи Кропоткина: «Хлѣбъ и Воля» на стр. 84-85 читаемъ слѣдующее:

«Что-же касается того, приметъ-ли она (революція) съ самаго же начала во всѣхъ европейскихъ странахъ дѣйствительно соціалистическій характеръ, то въ этомъ тоже можно сомнѣваться. Вспомнимъ, что Германія находится въ самомъ разгарѣ періода единой имперіи, и что ея самыя передовыя партіи мечтаютъ еще объ якобинской республикѣ 1848 года и объ «организаціи труда» Луи Блана, тогда какъ во Франціи народъ требуетъ по крайней мѣрѣ свободныхъ, если не коммунистическихъ Коммунъ».

...«Но если даже Германія пойдетъ нѣсколько дальше, чѣмъ пошла Франція въ 1848 году, и осуществитъ больше, чѣмъ тогда удалось осуществить во Франціи, то въ началѣ революціи руководящія идеи всетаки будутъ идеями 1848 года, точно также, какъ *идеи, которыя будутъ руководить русской революціей, будутъ идеями 1789-го года* (†), видоизмѣненными до извѣстной степени умственными теченіями нашего вѣка».

Хотя авторъ тутъ-же добавляетъ, что вышесказанное лишь его «догадки», однако даже и анархистъ не станетъ, конечно, и не сможетъ стремиться къ большему, чѣмъ то, что по его «догадкамъ», «будетъ», что «можетъ быть» и что «осуществимо». Что-же осуществимо въ Россіи? — «Идеи 1789 года», отвѣчаетъ Кропоткинъ. Въ виду того, что идеи анархистовъ, идеи упраздненія «не только капитала, но и государства», повидимому, — на сколько объ этомъ могутъ судить посторонніе и, по крайней мѣрѣ съ перваго взгляда, — отличны отъ идей 1789 года и не входятъ, кажется, въ составъ послѣднихъ, — можетъ быть, въ виду всего этого, анархистамъ пока совсѣмъ нечего дѣлать въ Россіи и придется ограничиться ожиданіемъ той будущей эпохи, когда Россія дойдетъ до положенія современной Франціи и русскій народъ найдетъ возможнымъ стремиться прямо къ анархизму и «требовать по крайней мѣрѣ свободныхъ, если не коммунистическихъ коммунъ»?

Это предположеніе, конечно, совершенно невѣрное. Мы уже знаемъ (см. стр. 14), что у анархистовъ имѣется, напротивъ, лучшій путь осуществленія всѣхъ настоящихъ задачъ современнаго революціоннаго

(†) Курсивъ нашъ.

движенія въ Россіи. Не остается никакого другого вывода, какъ только тотъ, что современные русскіе анархисты, при помощи своихъ современныхъ идей объ уничтоженіи «не только капитала, но и государства», будутъ участвовать въ осуществленіи въ Россіи «идей 1789 года». Но въ такомъ случаѣ мы, не смотря на всѣ усилія, не въ состояніи усмотрѣть, чѣмъ, въ данномъ отношеніи, отличаются стремленія анархистовъ отъ стремленій «Искры». Марксизмъ взялся изобрѣсти вѣрнѣйшій путь освобожденія пролетаріата и нашелъ, что русскіе рабочіе для своего освобожденія должны предварительно совершить буржуазную революцію и воздвигнуть строй полнаго господства буржуазіи. Анархизмъ, придя къ заключенію, что соц.-д.-измъ не желаетъ полнаго разрушенія неволи, попытался найти способъ освобожденія рабочаго класса еще болѣе безошибочный, и заявляетъ, что для достиженія анархистскаго рая, русскій «рабочій народъ» долженъ предварительно осуществить «идеи 1789 года». Какъ соц.-д.-амъ ихъ «чисто и исключительно пролетарская точка зрѣнія», такъ и анархистамъ ихъ «непримиримость со всякимъ, даже соц.-д.-имъ гнетомъ», не мѣшаютъ участвовать въ исполненіи того дѣла, которое совершили во Франціи Мирабо, Сіэсъ, Бриссо, Робеспьеръ.

Анархисты въ своихъ «идеяхъ 1789 г.» окажутся столь же непоколебимы, какъ соц.-дем.-ы въ своей «буржуазной революціи». Если противъ «идей 1789 г.» ничего, конечно, не станутъ возражать либералы, со Струве во главѣ, въ виду того, что первою изъ этихъ идей является, въ числѣ «правъ человѣка», неприкосновенность собственности, а затѣмъ ограниченіе монархической власти; если всѣ русскіе революціонеры требуютъ осуществленія именно идей 1789 г., потому что онѣ означаютъ «суверенитетъ исполняющаго свою власть демократическаго народа», если «Искра» не откажется, конечно, признать въ «идеяхъ 1789 г.» своей «буржуазной революціи», — то все это трогательное единодушіе нисколько не смущаетъ русскаго непримиримаго анархиста; напротивъ, оно радуетъ его, доказывая ему, что его анархистская программа удовлетворяетъ «нуждамъ всего русскаго революціоннаго движенія».

Согласіе, — по данному вопросу — сторонниковъ «буржуазной революціи» съ анархистами не смутитъ послѣднихъ, такъ какъ понятіе — «буржуазная революція» совсѣмъ не существуетъ въ анархистскомъ словарѣ и есть, по ихъ мнѣнію, праздное измышленіе досужихъ метафизиковъ, доктринеровъ марксистовъ, продуктъ ихъ вздорной діалектики и ихъ страсти къ безплоднымъ гаданіямъ. Не сама революція 1789 года была буржуазной: великая французская революція была борьбой за... «свободу равенство и братство», — буржуазія только «воспользовалась» революціей. Вотъ что, стало быть, анархисты будутъ проповѣдывать и осуществлять совмѣстно со всѣми русскими революціонерами, со всѣмъ русскимъ «народомъ» — «свободу, равенство и братство» 1789 года. Очень возможно, скажетъ анархистъ, что предстоящей русской революціей, точь-въ-точь также, какъ и во Франціи «воспользуется буржуазія», и народъ окажется обманутымъ. Но развѣ въ такомъ исходѣ можно кого либо винить? Это, если случится, будетъ историческая необходимость, которая именно покажетъ, что

въ тотъ моментъ могло быть осуществимо и въ чемъ неизбѣжно народу пришлось обмануться въ своихъ надеждахъ.

Какъ ни просто и естественно представляется все это русскому революціонеру, бѣда однако въ томъ, что массы въ нѣкоторые моменты, когда «историческая необходимость» обращается съ ними черезъ чуръ ужъ нахально, начинаютъ наконецъ это таинственное существо искать на землѣ, и тогда никакъ не убѣдишь ихъ, что «историческая необходимость» не есть произведеніе рукъ человѣческихъ. Невоспитанныя, невѣжественныя массы не въ состояніи понять открытыхъ наукою, «независимыхъ отъ воли людей» историческихъ законовъ развитія цивилизаціи, точно также, какъ не понимаютъ самой цивилизаціи и ея «благъ», и упорно наровятъ въ разсматриваемые моменты найти виновниковъ среди живыхъ людей; онѣ грубо пристаютъ къ проповѣдникамъ «чистыхъ идей» и очень убѣдительно доказываютъ, что обману непосредственно содѣйствовала «чистая идея», объединившая «для спасенія человѣчества» волковъ и овецъ, струвистскихъ либераловъ и стачечниковъ... Но русскіе анархисты, вслѣдъ за соц.-р.-ами, рѣшаютъ все это дѣло однимъ радикальнымъ пріемомъ. Все это, говорятъ они, гаданія напрасныя и безплодныя, а даже прямо вредныя, по скольку охлаждаютъ пылъ революціонной аттаки на царское правительство. Гони непріятныя мысли и воспоминанія отъ себя и другихъ! — вотъ простой способъ сохранить и усилить «революціонный подъемъ».

Плехановъ очень ошибается и очень не справедливъ къ Кропоткину, когда считаетъ его *неисправимымъ* утопистомъ. Въ разсматриваемомъ вопросѣ, въ вопросѣ о характерѣ будущей русской революціи представитель анархіи, по меньшей мѣрѣ, вовсе не уступаетъ Плеханову въ «антиутопизмѣ». Утописты не соблюдаютъ условій времени и мѣста, не считаютъ нужнымъ сообразоваться съ реальными условіями собственной страны, ничего не хотятъ слышать объ исторической преемственности и готовы приговорить всѣ страны къ осуществленію одной, выдуманной ими формулы. Во всемъ этомъ, повторяемъ, отецъ русской анархіи, какъ видно изъ вышеприведенныхъ его словъ, столь же безгрѣшенъ, какъ и отецъ русскаго соц.-д.-изма.

Кропоткинъ вѣритъ, правда, до сихъ поръ въ русское соціалистическое крестьянство, вѣритъ не меньше, конечно, а гораздо глубже, нежели Н.—онъ и В. В., и даже довольно странно, зачѣмъ собственно, ему эта вѣра, разъ Россіи предстоитъ осуществить «идеи 1789-го года»: вѣдь русское «коммунистическое» крестьянство существовало, какъ таковое, лишь для того, чтобы Россія могла воздвигнуть одновременно съ Западомъ соціалистическій строй, а послѣднее, какъ мы видѣли, оказывается утопіей даже по современному анархистскому ученію. Правда также и то, что анархистскій мыслитель, не сводя всего «къ экономикѣ», не обладаетъ той твердой основой для установленія объективныхъ условій отдѣльныхъ странъ и превращенія каждой изъ нихъ въ особый хозяйственный организмъ, — какую представляетъ собою марксистскій «экономическій базисъ» — «производственныя нужды страны».

Не смотря на все это, русское коммунистическое крестьянство не доводитъ вовсе анархиста до того утопизма, который готовъ смѣшать

Россію съ Франціей и приговорить ихъ къ фаталистическому переживанію какого-либо одного шаблона. Напротивъ, у анархиста есть, — въ области идей и психологіи народовъ — особый, не менѣе богатый, чѣмъ у соц.-д.-а, матеріалъ для спеціальнаго анархистскаго объективизма, который не хуже марксистскаго, устанавливаетъ тѣ же законы историческаго развитія и исторической преемственности, проистекающіе изъ независимыхъ отъ воли современниковъ историческихъ условій существованія каждой изъ «странъ». Его «антигосударственность» ничуть не мѣшаетъ ему, по примѣру его противниковъ, государственниковъ, превращать современныя государства въ ненарушимые общественные организмы, ведущіе до того обособленную и самостоятельную жизнь, что во время предстоящей революціи въ каждомъ изъ этихъ общественныхъ организмовъ разыгрываются свои собственныя эпохи, отдѣленныя одна отъ другой вѣковыми промежутками времени. И получается прямо удивительный результатъ отъ всего анархистскаго протеста противъ соц.-д.-ой постепеновщины и поссибилизма: хотя анархистское ученіе требуетъ упраздненія и присуждаетъ къ гибели, на ряду съ другими и демократическія формы власти, однако, въ силу какихъ-то законовъ объективнаго хода вещей, законовъ, не менѣе неумолимыхъ, чѣмъ марксистскіе, «болѣе отсталыя» страны осуждены проходить всѣ тѣ стадіи политическаго и демократическаго развитія, какія пережили «болѣе передовыя» государства, такъ что Германія никоимъ образомъ не можетъ объединиться съ Франціей въ стремленіи къ настоящей анархической свободѣ, къ всеспасительному федерализму «по крайней мѣрѣ свободныхъ, если не коммунистическихъ коммунъ» и осуждена предварительно завоевать то, чѣмъ обладаетъ Франція — централистическую республику.

Въ моменты рабочихъ возстаній, въ моменты массовыхъ стачекъ рабочіе въ Ригѣ, оказываются въ томъ же самомъ положеніи, что и въ Барцелонѣ, Тріестѣ, Женевѣ. Причина ихъ возмущенія одна и та же, однѣ и тѣ же претензіи и требованія; однѣ и тѣ же планы, мысли, способы борьбы. Достаточно вообразить эти рабочія возстанія, происходящими въ одинъ моментъ, для того чтобы получить представленіе о единствѣ того дѣла, которое возникаетъ въ цивилизованномъ мірѣ съ наступленіемъ рабочей революціи. И когда стараешься представить это дѣло въ его дальнѣйшемъ развитіи, когда претензіи массъ выходятъ далеко за предѣлы требованій улучшенія условій труда, единство дѣла остается столь же несомнѣннымъ, все видишь *одно и то же дѣло* — низверженіе *одной и той же неволи*, какъ тамъ, гдѣ соціалисты соц.-д.-аго и анархистскаго направленія готовятся осуществить «идеи 1789 г.», такъ и тамъ, гдѣ онѣ уже осуществлены.

Но мало ли какія несбыточныя перспективы могутъ возникнуть на почвѣ претензій невѣжественныхъ рабочихъ массъ, не проникшихся еще соціалистическимъ идеаломъ и не понявшихъ еще законовъ научнаго соціалистическаго строительства!

Полвѣка тому назадъ появилась настоящая, пролетарская наука, повторяя на каждой своей страницѣ свой возгласъ объ объединеніи неимущихъ всего міра. Послѣ самыхъ тщательныхъ соціологическихъ изслѣдованій она наконецъ сдѣлала открытіе, которое доводитъ до свѣдѣнія рабочихъ подъ тѣмъ же лозунгомъ — «пролетаріи всѣхъ

странъ соединяйтесь!», — открытіе, по которому соединеніе пролетаріевъ для всемірнаго возстанія, для всемірной стачки — абсурдъ.

Лаврамъ учености научнаго соціализма позавидовала анархистская наука. Не діалектическимъ, а настоящимъ научнымъ методомъ, методомъ естественныхъ наукъ, «индуктивно-дедуктивнымъ» методомъ будетъ открытъ путь освобожденія пролетаріата. Эта наука, въ противоположность діалектической, беретъ подъ свою опеку всеобщую стачку. И вотъ, передъ лицомъ единаго во всемъ мірѣ рабочаго дѣла, индуктивно-дедуктивная наука прежде всего... указываетъ пальцемъ на линію, проходящую по Рейну, потомъ, очевидно, на другую линію, проведенную черезъ Вержболово-Александрово-Радзивилово, и учитъ, что это не только границы, установленныя государствами, защищаемыя современными властями, не только рамки, въ которыхъ господствующія классы дѣлятъ между собой земной шаръ и добычу отъ эксплуатаціи рабочихъ массъ, а естественные предѣлы отдѣльныхъ общественныхъ организмовъ. Отсюда слѣдуетъ, по меньшей мѣрѣ, что новая, во второмъ уже изданіи безошибочная наука, не въ состояніи понять всемірнаго единства того рабочаго дѣла, которое она хочетъ взять подъ свою безапелляціонную опеку, и что то дѣло, къ которому она сама стремится, не есть еще рабочая революція. Анархистская программа говоритъ: всеобщая стачка есть лишь приступъ къ революціи. Если это прибавить къ предыдущему, то получимъ, что всеобщая стачка, если она случится въ нѣсколькихъ странахъ одновременно, будетъ лишь толчкомъ для переживанія каждою изъ нихъ особыхъ историческихъ эпохъ.

Марксистская наука, пообѣщавъ неизбѣжное, даже независимое отъ воли людей, освобожденіе пролетаріата, установила этимъ лишь непререкаемую научную инстанцію, которая, подъ видомъ объективной незрѣлости современнаго строя для соціализма, обуздываетъ рабочую революцію. Анархистская наука, превращая точно также, какъ и марксизмъ, современныя «страны» въ организмы и предназначая для нихъ разныя историческія эпохи, парализуетъ тенденцію современнаго рабочаго движенія, къ всемірному заговору, къ повсемѣстному, поднятому съ единой цѣлью, возстанію рабочихъ. Наука, и въ ея марксистскомъ и въ анархистскомъ примѣненіи, оказывается силой не содѣйствующей, а обуздывающей возстаніе рабовъ цивилизованнаго міра.

Освобожденіе рабочихъ не есть «движеніе человѣчества къ идеалу»: для такого явленія не существуетъ еще на земномъ шарѣ соотвѣтственнаго субъекта — единаго человѣчества, съ единой волей и единымъ сознаніемъ. Освобожденіе рабочихъ есть стремленіе рабовъ современнаго общества отнять у своихъ хозяевъ владѣніе всѣми богатствами земного шара, всею цивилизаціею, стремленіе, которое господствующимъ меньшинствомъ убивается въ самомъ зародышѣ, не только съ помощью негуманитарныхъ средствъ, но и съ помощью «самаго гуманитарнаго обмана». Наука есть достояніе привиллегированныхъ людей, касты бѣлоручекъ, ученаго міра, существованіе котораго есть существованіе паразита, основанное на вѣковомъ грабежѣ обреченныхъ на пожизненную каторгу ручного труда рабочихъ массъ. «Об-

щественная наука» является поэтому системой господства надъ волей и мыслью массъ.

Обо всемъ этомъ анархизмъ имѣетъ еще меньшее представленіе, чѣмъ марксизмъ. Онъ даже больше послѣдняго превращаетъ въ идола современную науку, а современныхъ соціологовъ-болтуновъ возводитъ въ рангъ великодушныхъ искателей правды. *)

Но возвратимся къ вопросу о томъ, что дѣлать анархистамъ *въ Россіи*. Надо прибавить что «руководящими идеями» здѣсь будутъ не только просто «идеи 1789 г.», а идеи 1789 г., *«видоизмѣненныя, до извѣстной степени, умственными теченіями нашего вѣка»*. Анархисты, повидимому, будутъ производить это видоизмѣненіе. Посмотримъ, должны ли анархисты, и «до какой именно степени», видоизмѣнять «идеи 1789 г.» «идеями» *рабочаго класса*

*) Въ брошюрѣ Кропоткина: «Анархія, ея философія — ея идеалъ» читаемъ на стр. 13:

Политическая экономія, бывшая въ началѣ своего существованія изученіемъ богатства народовъ, становится теперь изученіемъ богатства личностей. Она интересуется не столько тѣмъ, ведетъ ли данная нація крупную внѣшнюю торговлю, сколько тѣмъ, — есть ли достаточно хлѣба въ хижинѣ крестьянина или рабочаго? Она стучится во всѣ двери — въ дворцы и въ трущобы — спрашивая какъ у богатаго, такъ и у бѣднаго: «въ какой степени удовлетворены ваши потребности въ необходимомъ и въ предметахъ роскоши?» И, убѣдившись, что у девяти десятыхъ человѣчества не удовлетворены даже самыя настоятельныя потребности, она ставитъ себѣ тотъ же вопросъ, который поставилъ бы себѣ физіологъ, изучающій какое нибудь животное или растеніе, а именно: «Какимъ путемъ возможно удовлетворить потребностямъ всѣхъ съ наименьшей тратой силъ? Какимъ образомъ можетъ общество обезпечить каждому, а слѣдовательно и всѣмъ, наибольшую сумму благосостоянія и счастья?».

Утопія Кропоткина о роли современной науки заставляетъ его высказать въ нѣсколькихъ строкахъ столько фальши, сколько можно услышать развѣ отъ самыхъ заурядныхъ жрецовъ оффиціальной науки. Вышеприведенный диѳирамбъ покажется, мы думаемъ, черезъчуръ ужъ тошнымъ даже спеціалистамъ этого дѣла — жоресистамъ и струвистамъ, поющимъ пѣсни безпорочнымъ «служителямъ науки».

Стремленіе къ научности, въ качествѣ самой первой заповѣди, представляетъ одну изъ дорожекъ, по которой анархистскія теоріи неудержимо направляются туда, куда ихъ зоветъ Толстой, — къ полной легализаціи по примѣру соціализма. На этомъ пути онѣ моментально превращаются въ... салонный анархизмъ. Такая участь уже нѣсколько разъ впродолженіе одного десятилѣтія постигла, между прочимъ, нѣмецкія анархистскія направленія, въ лицѣ ихъ берлинскихъ органовъ. Основанный недавно «Der Anarchist», съ твердымъ рѣшеніемъ держаться на почвѣ революціоннаго рабочаго движенія, кажется, тѣмъ не менѣе, врядъ ли избѣгнетъ участи своихъ предшественниковъ, какъ видно изъ слѣдующаго: «Впродолженіе послѣднихъ двадцати лѣтъ важнѣйшая его (анархизма) дѣятельность состоитъ не столько въ достиженіи позитивныхъ цѣлей, сколько въ идейномъ и философскомъ углубленіи собственнаго міросозерцанія... Въ умственной жизни Франціи анархизмъ уже давно играетъ руководящую роль, грядущая литература не преминетъ навѣрно констатировать, наконецъ, что весь натурализмъ въ дѣйствительности не что другое, какъ выводъ изъ анархистской идеи». (*N* 4, 1904 г.).

Ниже мы приводимъ высказанныя Кропоткинымъ въ 92 г. сужденія о необходимости анархистской программы для русскаго революціонера, причемъ оказывается, что въ то время представитель анархизма не считалъ даже нужнымъ намекнуть хоть бы однимъ словомъ о рабочемъ движеніи въ Россіи, хотя русскія стачки, въ особенности Морозовская успѣли уже принудить даже царское правительство подумать о фабричномъ законодательствѣ. Отецъ современнаго русскаго анархизма, какъ и другіе народники, думалъ, повидимому, для того времени не признавать рабочаго движенія въ Россіи, не признавать до тѣхъ поръ, пока будетъ возможно; напротивъ, онъ предполагалъ, очевидно, по старому «спасать родину отъ пролетарія». Въ самомъ сочиненіи «Хлѣбъ и Воля», написанномъ гораздо раньше его русскаго изданія, также не отыщешь ни одного слова о русскомъ рабочемъ движеніи. Но за послѣдніе десять лѣтъ выросло такое стачечное движеніе, соц.-дем.-аты столько шуму надѣлали со своимъ «рабочимъ классомъ», все общество признало «пролетарія» столь полезнымъ для отечественнаго прогресса, что въ предисловіи къ русскому изданію названнаго сочиненія, въ 1902 года, не было больше возможности не давать по старому никакого на этотъ счетъ отвѣта. Русскіе рабочіе завоевали въ программѣ Кропоткина слѣдующее, отчасти ихъ касающееся, мѣсто:

> ... «При починѣ городовъ, ... начнутся попытки обобществленія земли, прежде всего, и *отчасти* (†) фабрикъ (††) — и организація земледѣлія, а также, *можетъ быть* (†) и фабричнаго производства на общественно-артельныхъ началахъ». («Хлѣбъ и Воля», IX).

Отъ «обобществленія земли» рабочему классу, конечно, ни тепло ни холодно, точно также, какъ отъ обобществленія желѣзныхъ дорогъ въ Швейцаріи. Обобществленія земли требуетъ и антисоціалистъ Толстой, тотъ самый, который бросаетъ проклятія на головы рабочихъ, осмѣливающихся своими стачками посягать на имущество фабрикантовъ. Но то Толстой, а Кропоткинъ совсѣмъ другое. Не только обобществленіе земли, но еще... «можетъ быть обобществленіе и организація отчасти и фабрикъ». Но если — «можетъ быть», то столь же правдоподобно — можетъ и совсѣмъ не быть. Правда, дѣло не особенно бы измѣнилось, еслибы Кропоткинъ вычеркнулъ эти интересныя словечки — «можетъ быть», «отчасти» — и смѣло провозгласилъ полное обобществленіе средствъ производства. Особенной смѣлости для этого не требуется, ибо переходъ средствъ производства въ руки общества самъ по себѣ не мѣняетъ судьбы рабочихъ и не разрушаетъ еще классоваго строя. Но если самъ по себѣ лозунгъ этотъ совсѣмъ не грозный (не даромъ Родбертусъ предлагалъ его прусскому королю), то *ограниченіе* его значитъ несомнѣнное оспариваніе правъ рабочихъ на немедленную экспропріацію буржуазіи: отецъ современнаго анархистскаго ученія не предполагаетъ пока возможнымъ неограниченныхъ притязаній рабочаго класса въ Россіи на богатства капиталистовъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ анархистская теорія, — кто же объ этомъ

(†) Курсивъ нашъ.
(††) Подчеркнуто Кропоткинымъ.

не слыхалъ, — присваиваетъ себѣ репутацію непримиримаго врага соц.-дем.-аго оппортунизма.

Почему же Россіи предстоитъ только «можетъ быть» частичное «обобществленіе» средствъ производства? Нѣтъ другихъ причинъ, какъ только та, что Россія «страна земледѣльческая», съ «мало развитой крупной промышленностью». Оказывается, что отецъ русской анархіи самый настоящій марксистскій объективистъ (см. также выше стр. 16-18). Онъ, конечно, не *оптимистическій* объективистъ, вѣрящій въ быстрое развитіе капитализма и самопроизвольное его превращеніе въ соціализмъ. Но онъ несомнѣнно такой марксистскій объективистъ, который, признавъ, наконецъ, послѣ долгаго спора, что его «родина» «вступила на путь капитализма», считаетъ уже этотъ капитализмъ предпосылкой соціализма, предпосылкой, правда еще не достаточной, но несомнѣнно *необходимой*, развитіемъ которой опредѣляется размѣръ возможнаго обобществленія. Собственно, весь легальный марксизмъ, принявъ во вниманіе возраженія народниковъ и субъективистовъ, сталъ именно на эту точку зрѣнія.

Пользуясь, въ видѣ примѣра, вышеприведенной цитатой изъ Кропоткина и въ дополненіе къ положеніямъ, высказаннымъ на стр. 16-17, мы здѣсь прибавимъ еще слѣдующее. На протяженіи послѣднихъ тридцати лѣтъ русскій революціонеръ становится анархистомъ, не желающимъ ставить будущей экспропріаціи никакихъ государственныхъ тормазовъ, никакихъ ограниченій и отсрочекъ — до тѣхъ поръ, пока онъ предполагаетъ исполнителемъ экспропріаціи *крестьянство*, объектомъ ея — *землю*. Въ связи съ этимъ, въ Россіи не было до сихъ поръ такого анархиста, который бы не вѣрилъ, въ большей или меньшей степени, въ самобытную соціалистичность русскаго крестьянства. Но лишь только русскій революціонеръ перестаетъ вѣрить въ «общину», или предвидитъ, что исполнителемъ экспропріаціи могутъ сдѣлаться выступающія на революціонную сцену настоящіе пролетаріи, сами рабочія массы, а объектомъ — не только земля, но и *всѣ другія* богатства, — онъ моментально съеживается, становится немедленно постепеновцемъ, настаиваетъ на отсрочкѣ, указываетъ на объективную невозможность, старательно ставитъ напередъ ограниченія. Такъ бакунисты, будущіе члены «Гр. Осв. Труда», становясь постепенно «на точку зрѣнія пролетарія», отказываются, вмѣстѣ съ вѣрой въ общину, и отъ своего анархизма, отказываются отъ него въ народовольчествѣ и становятся соц.-д.-ами — постепеновцами. Такъ Стефановичъ, только-что устраивавшій заговорщическое сообщество для непосредственнаго, неограниченнаго захвата земли, лишь только увидѣлъ въ 80-хъ годахъ необходимость для русскаго революціонера «пойти къ рабочимъ», сразу заговорилъ въ своей «Злобѣ дня» о... *кассахъ взаимопомощи*:

> «Соединеніе рабочихъ въ союзы, напримѣръ на кассахъ взаимопомощи — таковъ долженъ быть первый и необходимый приступъ къ созданію революціонной организаціи рабочихъ». (Цитата изъ брошюры Невзорова: «Отрекаемся ли» и т. д.)

Кропоткинъ, сохранившій своеобразнымъ способомъ, благодаря своему анархизму, народническую утопію 70-хъ г.г., не избѣгнулъ однако этой общей участи русскаго революціонера. Увидѣвъ нежелатель

ныхъ пролетаріевъ въ Россіи, онъ аппелируетъ къ обективнымъ условіямъ, осторожно вставляетъ свои словечки: «отчасти»... «можетъ быть», становится постепеновцемъ.

*

* *

Послѣ глубокаго застоя въ концѣ 80-хъ годовъ, русское революціонное движеніе вновь усиливается въ началѣ слѣдующаго десятилѣтія. Толчкомъ, какъ извѣстно, послужилъ страшный голодъ 91 г. Въ этотъ именно моментъ, въ одномъ и томъ же году (92) представители двухъ противоположныхъ соціалистическихъ направленій, Плехановъ и Кропоткинъ, предлагаютъ вновь русскимъ революціонерамъ свои программы. И тотъ и другой одинаково рекомендуютъ свое ученіе, какъ наиболѣе соотвѣтствующее нуждамъ русской революціи. Плехановъ издаетъ брошюру о борьбѣ съ голодомъ, которая должна убѣдить революціонера въ томъ, что основатель соц.-д.-изма высказалъ уже десять лѣтъ до того момента въ брошюрѣ: «Соціализмъ и полит. борьба»:

«Наше революціонное движеніе не только ничего не потеряетъ, но, напротивъ, очень много выиграетъ, если русскіе народники и русскіе народовольцы сдѣлаются, наконецъ, марксистами и новая, высшая точка зрѣнія, примиритъ всѣ существующія у насъ фракціи.»

Съ другой стороны, Кропоткинъ, въ предисловіи къ первой брошюрѣ «Анархической библіотеки» («Парижская коммуна» Бакунина) объясняетъ преимущества своего ученія и предостерегаеть, что

..«ошибка въ выборѣ между обѣими программами соціализма, государственнаго и безъ-государственнаго, .. можетъ задержать..все движеніе.. на цѣлые десятки лѣтъ.»

Главныя мѣста этого предисловія мы хотимъ теперь же процитировать. Но предварительно рекомендуемъ читателю просмотрѣть еще разъ приведенныя нами выше, на стр. 23-28, выписки изъ Плехановскихъ сочиненій. При сравненіи двухъ «прямопротивоположныхъ» направленій оказывается, что основная ихъ задача, верховная цѣль которой подчиняется все прочее, — одна и та же, какъ въ «пролетарской» программѣ, такъ и въ «идеально-чистомъ анархизмѣ». Эта верховная цѣль — «скорѣйшее низверженіе царизма». На анархистскомъ, языкѣ дѣло это называется «ослабленіе централизованной государственной власти». Читатель убѣдится, что трудно рѣшить, для кого въ большей степени является кровнымъ дѣломъ забота русскаго либеральнаго общества — для основателя русскаго соц.-д.-изма, или же для отца современной русской анархіи; трудно рѣшить, кому изъ нихъ должна быть болѣе благодарна русская прогрессивная буржуазія, за ихъ искреннюю заботу о скорѣйшемъ появленіи въ Россіи конституціоннаго рая. Верховная цѣль двухъ «прямопротивоположныхъ» направленій до того тождественна, что, не смотря на различные, во многомъ дѣйствительно противоположные, взгляды, задача рѣшается у нихъ по вполнѣ одинаковымъ пріемамъ, мысли и доказательства идутъ по двумъ совершенно параллельнымъ линіямъ, одинаковъ даже и ихъ порядокъ.

Точно также, какъ и Плехановъ, Кропоткинъ исходитъ изъ того положенія, что «въ области политической борьбы, какъ и въ области экономическаго развитія, передовыя страны указываютъ путь отсталымъ». (Плех.) Такъ какъ верховная цѣль уже давно, напередъ рѣшила, что «отсталая» страна должна *повторить* путь развитія «передовыхъ» странъ, то уже само собою понятно, — какъ у одного, такъ и у другого, что русскій «рабочій народъ» никоимъ образомъ не можетъ, въ ближайшей своей революціи, рѣшать *того же* дѣла, которое предпримутъ западноевропейскіе рабочіе въ предстоящую имъ революцію. Если «пролетарскій идеологъ» учитъ, что русскіе рабочіе въ ближайшей революціи должны совершить дѣло, исполненное западноевропейскимъ «рабочимъ народомъ» полвѣка тому назадъ, то анархистскій мыслитель любитъ, какъ мы это отчасти уже знаемъ, времена болѣе ранніе и учитъ, что въ Россіи народъ долженъ повторить то, что происходило на Западѣ въ XVIII, а то и въ XVII столѣтіи.

«Англійскіе революціонеры 1648 года и французскіе 1789—1793 вполнѣ понимали, что королевская, самодержавная власть держится не нѣсколькими людьми; что она имѣетъ свои корни въ исторіи и въ цѣлой жизни народа; что она плодъ крѣпостного или полу-крѣпостного строя... Поэтому, нападая на королевскую власть, они прежде всего (††) искали опоры въ крестьянскомъ (††) движеніи. *Они не мечтали низвергнуть короля одною силою интеллигенціи.**) *Они были въ значительной степени соціалистами, и ихъ писанія, проникнутыя соціалистическими взглядами, будили народъ, звали его къ возстанію* (†) Они стремились, *во всякомъ случаѣ, освободить крестьянъ отъ экономическаго гнета помѣщиковъ, и понимали,* (†) что низвергнуть и ограничить королевскую власть возможно будетъ только тогда, когда по странѣ разольется широкою волною крестьянское возстаніе». (стр. IV)

Только доктринеры связываютъ понятіе соціализма съ рабочимъ движеніемъ XIX столѣтія. Кропоткинъ, конечно, далекъ отъ такой «узости» и требуетъ широкаго пониманія соціализма. Даже если будете воображать подъ соціализмомъ стремленіе вообще порабощенныхъ отнять богатства у имущихъ съ цѣлью прямо провозглашеннаго ими имущественнаго равенства, то и въ этомъ случаѣ ваше пониманіе будетъ неудовлетворительное и все еще доктринерски узкое, ибо вы напрасно исключаете, изъ числа соціалистовъ, людей, подготовлявшихъ англійскую и французскую революцію и, какъ извѣстно, объ имущественномъ равенствѣ совсѣмъ не заботившихся. Кропоткинъ увѣряетъ, что въ писаніяхъ послѣднихъ онъ видитъ «соціалистическіе взгляды». Это совершенно понятно, если вспомнить, что онъ умѣетъ усматривать коммунизмъ даже въ...«общедоступности» парковъ, садовъ и улицъ. На стр. 34 «Хлѣба и Воли» доказывается, что «со-

---

*) «Еслибы французской или нѣмецкой «интеллигенціи» сороковыхъ годовъ кто-нибудь посовѣтовалъ оставить всякую мысль о вовлеченіи народа въ борьбу съ правительствомъ, .. интеллигенція встрѣтила бы подобный совѣтъ по меньшей мѣрѣ съ негодующимъ удивленіемъ.» (Плех., стр. 24.)

(†) Курсивъ нашъ.

(††) Подчеркнуто Кропоткинымъ

временныя общества неизбѣжно движутся по направленію къ коммунизму», благодаря, между прочимъ. тому, что «коммунистическое направленіе.. проникаетъ въ наши отношенія во всевозможныхъ видахъ», напримѣръ, «въ видѣ музеевъ, общественныхъ библіотекъ, даровыхъ школъ, парковъ и садовъ, открытыхъ для всѣхъ, вымощенныхъ освѣщенныхъ улицъ и т. п.» При такихъ «соціалистическихъ взглядахъ» совсѣмъ не трудно признать соціалистами... энциклопедистовъ и буржуазныхъ революціонеровъ 1789 г. Въ своей брошюрѣ: «Un siècle d'attente» Кропоткинъ говоритъ;

«Достаточно прочитать... писанія Дидро, Руссо и даже тѣхъ, которые, какъ Сіэсъ и Бриссо, сдѣлались впослѣдствіи заклятыми защитниками буржуазіи, чтобы увидѣть, что они проникнуты соціализмомъ, или точнѣе коммунизмомъ. Сама формула — *свобода, равенство и братство*, которая въ ту эпоху не была пустымъ звукомъ, говоритъ въ достаточной мѣрѣ о томъ, что видѣлъ французскій народъ въ революціи... Дидро былъ въ глубинѣ души анархистъ. А Бриссо, развѣ не призывалъ къ грабежу?» (стр. 16.)

Отецъ анархизма, словно невинный ребенокъ, ничего не хочетъ знать о существеннѣйшей особенности всей исторіи вообще и революціонныхъ движеній, въ частности, именно о томъ, что всякій новый имущій классъ, не достигшій еще полнаго господства, а только стремящійся къ нему принужденъ для этого возмущать народныя массы противъ старыхъ господъ, бросая имъ ничтожный грошъ. Когда на этомъ основаніи новый господинъ начинаетъ увѣрять въ своей заботѣ о «благѣ всѣхъ гражданъ», въ своемъ стремленіи къ «свободѣ, равенству и братству», то массы, по ученію Кропоткина, должны принимать это за чистую монету, сколько бы разъ онѣ не убѣждались въ пустотѣ всѣхъ этихъ фразъ и въ надувательствѣ. Когда Бриссо и Сіэсы до низверженія феодаловъ призываютъ къ возстанію и грабежу, а по достиженіи собственнаго господства провозглашаютъ неприкосновенность собственности и издаютъ драконовскіе законы о сообществахъ рабочихъ, массы убѣждаются, что Бриссо и Сіэсы ихъ обманываютъ, обманываютъ посредствомъ тѣхъ фразъ, и того соціализма, въ искренности котораго анархистъ Кропоткинъ не сомнѣвается. Кропоткинское ученіе совѣтуетъ массамъ забыть объ этой секретной сторонѣ революцій, забыть совершенно, такъ чтобы буржуазный революціонизмъ вновь изъ обмана массъ превратился въ настоящій соціализмъ.

И какъ великолѣпно доказывается соціалистичность «даже тѣхъ, которые впослѣдствіи сдѣлались заклятыми защитниками буржуазіи». Вѣдь *для самихъ массъ*, разсуждаетъ анархистъ, формула — свобода, равенство и братство — не была пустымъ звукомъ и понималась *вообще въ ту эпоху* въ прямомъ смыслѣ. Отсюда слѣдуетъ, увѣренно заключаетъ онъ, что и для Бриссо и Сіэсовъ она не была пустымъ звукомъ. Такимъ образомъ, мало того, что массы были обмануты; надо еще, чтобы эти же массы, благодаря ихъ обманутымъ ожиданіямъ, возстановили соціалистическую репутацію буржуазныхъ революціонеровъ. Но какъ Кропоткинъ ни старается, его заключеніе о соціалистичности Сіэсовъ изъ его доводовъ вовсе не слѣдуетъ. Ибо, какъ бы мы ни опредѣлили то, что сами массы видѣли во французской рево-

люціи, Бриссо и Сіэсы несомнѣнно видѣли въ ней — это они доказали — только свою буржуазную «свободу, равенство и братство». Но что несомнѣнно слѣдуетъ изъ всего разсужденія, такъ лишь очень интересный вопросъ, почему чистѣйшему, анархистскому соціализму нашего времени такъ сильно хочется найти настоящій соціализмъ въ томъ, что служило лишь орудіемъ завлеченія массъ въ буржуазную революцію. Не потому ли, чтобы и для современныхъ Бриссо и Сіэсовъ отвоевать вновь право безконтрольнаго пользованія подобнаго рода фразами и продѣлыванія при ихъ помощи тѣхъ же самыхъ операцій?

Согласно вышеочерченной точкѣ зрѣнія, у Кропоткина выходитъ, какъ видно изъ приведенной цитаты его «Предисловія», что соціализмомъ, какъ у западноевропейскихъ революціонеровъ XVIII и XVII ст., такъ и вообще, надо считать *пониманіе* ими того обстоятельства, *что нельзя обуздать абсолютизмъ и феодализмъ безъ помощи народныхъ массъ*, пониманіе необходимости «будить народъ», «звать его къ возстанію». Это анархистское пониманіе соціализма совершенно тождественно съ соц.-д.-имъ его пониманіемъ у Плеханова. У послѣдняго точь-въ-точь также «держаться соціализма» значитъ — «вовлекать народъ въ борьбу съ правительствомъ», «работать въ народѣ» «ходить къ рабочимъ»; «перестать быть соціалистомъ» значитъ — «ограничиться пропагандой въ обществѣ». Разница лишь въ томъ, что Кропоткинъ предпочитаетъ не говорить вовсе о русскомъ пролетаріи и признаетъ народъ только въ видѣ крестьянства. Конечно, благодаря этому, его анархистскій соціализмъ несомнѣнно шире соц.-д.-скаго, ибо соціализмомъ окажется «во всякомъ случаѣ» и стремленіе къ «освобожденію крестьянъ отъ экономическаго гнета помѣщиковъ». По этой причинѣ декабристы, напримѣръ, были «во всякомъ случаѣ» соціалистами и даже въ царскомъ манифестѣ 19 февраля «во всякомъ случаѣ» скрыта нѣкоторая доля соціализма.

Но послушаемъ еще дальше, какъ анархистъ рекомендуетъ революціонеру соціализмъ въ качествѣ лучшаго средства достиженія конституціи. Въ томъ же «Предисловіи» Кропоткина читаемъ:

...«Любопытно, что даже и въ нынѣшнемъ столѣтіи, вторая республика 1848 года и конституціонныя уступки, сдѣланныя въ Германіи въ томъ же году, были результатомъ не дворцовыхъ заговоровъ, — а обширнаго с о ц і а л и с т и ч е с к а г о (†) движенія...

Идти къ соціализму, или даже къ земельному перевороту, ч е р е з ъ п о л и т и ч е с к і й п е р е в о р о т ъ (†) — чистѣйшая утопія, такъ какъ сквозь всю исторію мы видимъ, что политическія перемѣны вытекаютъ изъ совершающихся крупныхъ экономическихъ переворотовъ, а не наоборотъ. Вотъ почему освобожденіе русскихъ крестьянъ отъ лежащаго на нихъ по сію пору гнета крѣпостнаго права становится п е р в о ю (†) задачею русскаго революціонера. Работая на этомъ пути, онъ вопервыхъ работаетъ прямо и непосредственно на пользу народа, и въ прямой пользѣ народа видитъ высшую цѣль своихъ усилій, а во-вторыхъ, онъ подготовляетъ *ослабленіе централизованной государственной власти и ея ограниченіе*». (††)

(†) Подчеркнуто у Кропоткина.

(††) Курсивъ нашъ.

Послѣдній выводъ *анархиста* представляетъ собою точное рѣшеніе проблемы, поставленной передъ русскимъ революціонеромъ съ *соціалдемократической* точки зрѣнія. Плехановъ (стр. 23-24), въ одинъ голосъ съ Кропоткинымъ, говоритъ:

«Намъ, русскимъ соціалистамъ надо найти такой способъ дѣйствія, держась котораго мы, вопервыхъ ни на минуту не переставали бы.. быть соціалистами («работать прямо и непосредственно на пользу народа» — Кроп.), а во вторыхъ, скорѣе побѣдили бы царизмъ» («подготовили бы ослабленіе центральной государственной власти» — Кроп.).

Проблема поставлена и рѣшена до такой степени тождественно, что у двухъ «противоположныхъ» программъ обнаруживается совершенно р а в н о ц ѣ н н а я позиція по отношенію къ дѣлу рабочихъ массъ. Какъ «пролетарскій» идеологъ-соціалдемократъ, такъ и «непримиримый» анархистъ, считаютъ возможнымъ конституцію поставить въ уровень съ соціализмомъ. Ни у одного, ни у другого, «ограниченіе самодержавной власти» не можетъ ни въ коемъ случаѣ, ни на одну минуту играть роль второстепенную, подчиненную: одна и таже проблема русскаго соц.-д.-та и русскаго анархиста не была бы въ такомъ случаѣ рѣшена. И одинъ, и другой сочтутъ ее рѣшенною лишь въ такомъ видѣ, когда получается въ результатѣ полное удовлетвореніе либерала, т. е. «с к о р ѣ й ш е е низверженіе царизма», и притомъ не какъ случайность, возможность, вѣроятность, а какъ безусловная необходимость. Анархистская и пролетарская «чистота» не производятъ въ разсматриваемомъ отношеніи никакого дѣйствія, никакого разногласія. Повидимому онѣ лишь по виду различны, по сущности же равноцѣнны. И эта равноцѣнность въ ихъ сущности есть не что другое, какъ одинаково вѣрная служба у либераловъ. Итакъ, отецъ русскаго анархизма въ той же мѣрѣ работаетъ для конституціи, какъ и основатель русскаго соц.-д.-изма.

Но какъ же такъ? — спроситъ удивленный читатель. Вѣдь анархисты объявляютъ свою насильственную борьбу въ одинаковой степени, какъ самодержавному, такъ и демократическому строю? Вѣдь они отрицаютъ политическую дѣятельность въ западноевропейскихъ парламентскихъ государствахъ, за что и исключены соц.-д.-ами изъ международныхъ соціалистическихъ конгрессовъ? Вѣдь именемъ анархиста означаютъ сторонника насильственнаго способа борьбы, примѣняемаго повсюду, независимо отъ политическаго устройства государства?

Все это можетъ быть вѣрно лишь относительно отдѣльныхъ личностей, анархистовъ, извѣстныхъ міру своими смѣлыми протестами;*) можетъ быть вѣрно и относительно нѣкоторыхъ анархистскихъ группъ пытающихся въ моменты внезапныхъ крупныхъ взрывовъ рабочихъ массъ, расширить послѣдніе по возможности дальше и дойти на этомъ пути до рабочей революціи. Но отдѣльные голые протесты не въ состояніи, конечно, создать революціоннаго теченія, а случайныя, революціонно настроенныя группы не въ состояніи передать это свое настроеніе болѣе широкому движенію; анархистское ученіе оказывается неспособнымъ удержаться на высотѣ дѣйствительно непримиримаго революціонизма и выразить собою переворотную позицію рабовъ современнаго общества. Такимъ образомъ, по отношенію ко всему современному анархистскому движенію, вышеприведенное ходячее о немъ мнѣніе совершенно расходится съ дѣйствительностью.

*) Мы, однако, не имѣемъ здѣсь въ виду покушеній, совершаемыхъ въ Испаніи и другихъ странахъ «противъ отдѣльныхъ тирановъ», которыя столь же мало свидѣтельствуютъ о непримиримости анархистовъ съ классовымъ строемъ, какъ и покущенія «Боевой организаціи» о такой же непримиримости с. р-овъ

Въ настоящее время мы имѣемъ уже не только въ кругахъ западноевропейской интеллигенціи довольно широкія теченія вполнѣ безобиднаго анархизма художниковъ и литераторовъ, «салоннаго анархизма», но и среди профессіональнаго рабочаго движенія — широкую анархистскую легальную пропаганду, въ видѣ французскаго анархистскаго синдикализма, попытка котораго революціонизировать французскій трэдъ-юніонизмъ даетъ однако въ результатѣ прежде всего легализацію анархизма. Нѣтъ ни одного анархистскаго теоретика, который поставилъ бы себѣ задачей и съумѣлъ обосновать твердо взглядъ, что освобожденіе рабочаго класса мыслимо только какъ насильственный актъ возстанія, подготовленіе котораго требуетъ скрытой отъ глазъ закона конспираціи во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Въ этомъ отношеніи у теоретиковъ анархизма встрѣчаешь лишь сбивчивые, двусмысленные отвѣты, почти въ такой же степени, какъ у антиберништейніанцевъ марксистовъ. Кропоткинъ напр. говоритъ: «Наше дѣло» — открыть тенденціи современнаго историческаго процесса, осуществить ихъ и разрушить стѣснительныя учрежденія и предразсудки. «Это все, что мы можемъ сдѣлать, *какъ мирнымъ*, такъ и революціоннымъ путемъ.» («Анархія, ея философія, ея идеалъ», стр. 58. Курсивъ нашъ.)

Эта сбивчивость современнаго анархистскаго ученія по вопросу о «насильственномъ способѣ дѣйствій» непосредственно связана съ неясностью, спутанностью его взгляда на значеніе политической свободы для акта освобожденія рабочаго класса. Въ брошюрѣ: «Распаденіе современнаго строя» Кропоткинъ, разсказывая довольно обстоятельно (стр. 34-40) о томъ, какимъ пустымъ звукомъ является политическая свобода для революціонныхъ рабочихъ движеній, объясняя, что въ видѣ политической свободы буржуазія предоставляетъ пролетаріату лишь свободу того, что для нея оказалось совершенно безопаснымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, «съ другой стороны», какъ и марксисты, перечеркивая все только-что написанное, нѣсколько разъ заявляетъ: изъ сказаннаго совсѣмъ не слѣдуетъ, что рабочіе не должны защищать уже завоеванныхъ правъ или не бороться за достиженіе новыхъ; они не должны только выжидать и выпрашивать ихъ у государства, а должны «взять» ихъ «сами». Точь-въ-точь также марксистъ, не отрицая того, что политическая свобода необходима буржуазіи для ея полнаго господства, увѣряетъ, что соц.-д.-ія тѣмъ не менѣе борется за конституцію только ради пролетаріата.

Повидимому, и для анархиста политическая свобода, въ конечномъ счетѣ, облегчаетъ актъ освобожденія рабочихъ, а отсюда уже само собою слѣдуетъ, что «насильственный способъ дѣйствія» долженъ мѣняться и ослабляться вмѣстѣ съ прогрессомъ завоевываемыхъ правъ.

Анархисты своимъ отрицаніемъ государства отказываются только отъ права выбора въ центральные законодательные и исполнительные органы; но политическая свобода необходима для нихъ не меньше, чѣмъ для соц.-д.-овъ, ради воспитанія рабочихъ, развитія ихъ экономическихъ и кооперативныхъ организацій. Поэтому анархисты въ Россіи будутъ добиваться демократическаго строя не меньше другихъ партій, а напротивъ больше, по скольку они стараются быть «болѣе революціонными». (См. передовыя статьи NN 1 и 4 «Хлѣба и Воли».)

Намъ сдѣлаютъ, пожалуй, возраженіе, что русскіе анархисты своею критикою демократическаго законодательства охлаждаютъ пылъ «революціонной аттаки» пролетаріата на самодержавіе. Этого, въ самомъ дѣлѣ, какъ будто слѣдовало бы ожидать. Въ дѣйствительности однако происходитъ, повидимому, противоположное, ибо иначе какъ же объяснить глубокую и интимную связь русскаго анархизма съ с. р-скимъ направленіемъ. Дѣло объясняется слѣдующимъ образомъ. Ущербъ с. р-скому идеалу, наносимый анархистской критикой, сторицею вознаграждается той прибылью, которую получаютъ с. р-ы отъ анархистской проповѣди... антигосударственности. Если послѣднюю разсмотрѣть поближе, то окажется, что она почти ничѣмъ не отличается отъ той агитаціи, которую всѣ русскіе революціонеры выражаютъ въ словахъ: «долой самодержавіе!». Въ обсуждаемомъ «Предисловіи» Кропоткина читаемъ:

«Анархисты стремятся.. не усилить государственную власть, а ослабить ее, раздробить ее, и территоріально, и въ ея отправленіяхъ и въ концѣ концовъ совершенно уничтожить ее.» (стр. III.)

Вотъ какъ анархисты разрушаютъ государство. Чего только нельзя подвести подъ эту дѣтски наивную формулу! На ея основаніи польскіе, литовскіе, еврейскіе и всевозможные кавказскіе патріоты своею борьбою за національную независимость, или автономію, за распаденіе русской имперіи, разрушаютъ современное государство. И это не только наше «теоретическое» предположеніе: достаточно вспомнить, какъ на недавнемъ съѣздѣ въ Женевѣ русскіе анархисты при восторженныхъ рукоплесканіяхъ с. р-овъ, очищали кавказскій соціализмъ отъ соц.-д.-кой государственности при помощи кавказскихъ патріотовъ. Но мало того. *Всякое ограниченіе* «централизованной государственной власти» есть равнымъ образомъ шагъ по пути къ разрушенію государства. Ограниченіе самодержавнаго царя законодательной палатой, «ослабленіе» исполнительней власти путемъ преобразованія монархіи въ республику — все это ступени «ослабленія государственной власти» «въ ея отправленіяхъ», такъ чтобы «въ концѣ концовъ совершенно уничтожить ее», все это этапы постепеннаго анархистскаго разрушенія государства.

Послѣ вышесказаннаго понятно, какъ великолѣпно можно украсить конституціонные планы антигосударственностью русскихъ анархистовъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь «скорѣйшее низверженіе царизма» не есть какая-либо либеральная затѣя, а.. первый шагъ по пути къ осуществленію *конечной цѣли самаго непримиримаго соціализма*, анархистскаго идеала. Если въ нѣкоторыхъ революціонныхъ кругахъ возгласъ: долой самодержавіе, да здравствуетъ конституція! — сдѣлался

уже немножко неприличнымъ, то либеральничающіе студенты съ успѣхомъ и безъ малѣйшаго для себя ущерба могутъ замѣнить его Кропоткинскимъ анархистскимъ принципомъ.

Бакунинская антигосударственность не отличается, конечно, отъ Кропоткинской. Поэтому всякій хранитель идей 70-хъ гг., какимъ бы онъ не становился конституціоналистомъ и *государственникомъ*, всегда стоялъ и будетъ стоять *за анархизмъ* Бакунина, противъ государственности марксистовъ. Ибо Бакунинская программа «разрушенія государства *въ первый день революціи*», примѣненная къ Россіи, становилась здѣсь неминуемо, — не смотря на мнимыя усилія бакунистовъ къ противоположному, — программой борьбы съ существующей *формой* государства, съ царизмомъ. Это видно хотя бы изъ слѣдующихъ словъ самого Бакунина:

«Втолковать.., показать ему (народу), какъ всѣ чиновничьи, помѣщичьи, поповскіе и кулацкіе неистовства, разбои, грабежи, отъ которыхъ ему нѣтъ житья, идутъ прямо отъ царской власти, опираются на нее *и возможны только благодаря ей*, доказать ему, однимъ словомъ, что столь ненавистное ему государство это самъ царь *и ничто иное, какъ царь* — вотъ прямая и теперь главная обязанность революціонной пропаганды». (Цитировано въ брошюрѣ Невзорова: «Отказываемся ли..» и т. д., стр. 29. Курсивъ нашъ.)

Революціонеръ «Земли и Воли» не думалъ объявлять войну государствамъ, а лишь прокладывалъ себѣ постепенно дорогу къ программѣ борьбы съ русскимъ деспотизмомъ. Въ литературѣ бакунистовъ, взять ли «Общину», или «Землю и Волю», постоянно встрѣчаешь заявленія о томъ, что бунтари, отказавшись отъ утопическихъ, неосновательныхъ надеждъ первыхъ народниковъ на возможность *немедленнаго соціалистическаго* переустройства Россіи, сводятъ предстоящій переворотъ *къ достижимому т. е. къ обобществленію земли и упраздненію государства*. Такъ что изъ всѣхъ существующихъ въ Россіи паразитовъ, землеволецъ считаетъ возможнымъ упразднить лишь классъ помѣщиковъ и тѣмъ не менѣе обѣщаетъ въ результатѣ этого переворота полное уничтоженіе государства. Чудо это возможно, конечно, лишь на основаніи сказокъ о русскомъ коммунистическомъ народѣ, который, — пади только самодержавіе, — воздвигнетъ немедленно не государство, а... «свободную федерацію» «свободныхъ общинъ». Такимъ образомъ, благодаря народническимъ сказкамъ, землеволецъ все время борется, — правда, «стыдливо» — не съ государствомъ, а только съ самодержавіемъ. Поэтому, когда онъ даже дѣлается народовольцемъ, когда ясно выставляетъ свою программу оздоровленія русскаго государства, не перестаетъ повторять пустыхъ анархистскихъ фразъ о «низверженіи государства», «свободной федераціи» и т. п. Такъ что въ литературѣ «Народной Воли» не трудно встрѣтить на одной и той же страницѣ и «низверженіе государства», и «созваніе земскаго собора», какъ различныя лишь наименованія для одного и того же народовольческаго дѣла

Какъ мы уже видѣли (см. выше стран. 42, 45, 47) Кропоткинъ, по скольку позволяютъ обстоятельства, старается всячески удержать для Россіи старую землевольческую программу: обобществленіе земли и упраздненіе государства. Для этого требуется,

удержать у себя въ первобытной простотѣ всѣ народническія утопіи. Но Кропоткинъ оказался способнымъ на нѣчто большее. Его анархистская теорія распространила русскую самобытную сказку про «коммунистическій народъ» на всѣ «народы» и даже на общества древнихъ рабовладѣльцевъ и средневѣковыхъ торговцевъ.

Въ брошюрѣ: «Анархія, ея философія - ея идеалъ» Кропоткинъ въ слѣдующихъ словахъ формулируетъ свой взглядъ на государство, какъ общій выводъ изъ своихъ «историческихъ изслѣдованій» по этому предмету:

..«Государство представляетъ собою.. форму общественной жизни, создавшуюся лишь очень недавно у нашихъ европейскихъ обществъ. Человѣкъ существовалъ уже въ теченіи цѣлыхъ тысячелѣтій, прежде чѣмъ образовались *первыя государства*; Греція и Римъ процвѣтали уже цѣлые вѣка до появленія *македонской и римской имперіи*; а для насъ, современныхъ европейцевъ, *государства существуютъ, собственно говоря, только съ шестнадцатаго столѣтія.* Именно тогда завершилось уничтоженіе свободныхъ общинъ и создалось то общество взаимнаго страхованія между военной и судебной властью, землевладѣльцами и капиталистами, которое называется государствомъ». (стр. 37. Курсивъ нашъ.)

Итакъ, въ древней Греціи и Римѣ государство появилось лишь въ моментъ возникновенія македонской и римской имперіи. Анархистъ не находитъ возможнымъ признать государствомъ *даже римскую республику*. А что касается Греціи, до порабощенія ея македонскими царями, тамъ ужъ онъ безусловно откажется открыть хоть бы малѣйшій слѣдъ существованія государства. Организаціи, извѣстныя до сихъ поръ въ исторіи подъ именемъ греческихъ государствъ, были, надо думать.. «вольными», «анархическими общинами». Такими же безгосударственными коммунами были также и средне-счастливыми, безгосударственными коммунами были также и средневѣковые города. Если марксисты поютъ безконечные дифирамбы заслугамъ тогдашней буржуазіи въ области культуры и промышленности, то Кропоткинъ, сверхъ того, республиканское устройство ея городовъ возводитъ на высоту коммунистическаго общежитія. Въ промышленныхъ и торговыхъ городахъ среднихъ вѣковъ, также какъ и въ «вольной общинѣ — Великомъ Новгородѣ», «барыши отъ торговли доставались не отдѣльнымъ купцамъ, а опять таки *в с ѣ м ъ — городу*». («Хлѣбъ и Воля», стр. 33. Курсивъ нашъ.) Такимъ образомъ отецъ анархическаго коммунизма старается использовать въ качествѣ источника возвышенной соціалистической вѣры даже коммунизмъ торговцевъ и ушкуйниковъ При этомъ, конечно, холопы въ Новгородѣ, пролетаріи въ средневѣковыхъ городахъ оказываются недостойными, при подсчетѣ анархиста, быть включенными въ число «всѣхъ» т. е. въ число человѣческихъ существъ, живущихъ въ этихъ «райскихъ оазисахъ».

Какъ показываютъ послѣднія строки вышеприведенной цитаты, даже Кропоткинъ, какъ бы онъ этого ни желалъ, не въ состояніи мыслить совершенно чистую «государственность», и притомъ такъ, чтобы ее можно было наблюдать т о л ь к о въ «имперіяхъ», какъ требуетъ этого вся цитата. Но идеалистическая формула повелѣваетъ «доказать» «н е н у ж н о с т ь государства», его м а л о в а ж н о с т ь во всемъ историческомъ развитіи. Въ силу этого мотива отецъ анар-

хизма такъ и рѣшилъ признать государство на протяженіи исторіи только тамъ, гдѣ увидитъ менѣе или болѣе похожую на русское самодержавіе, деспотію. Поэтому въ средніе вѣка государства не существуютъ; появляются они только въ XVI ст., т. е. тогда, когда возникаютъ крупныя, централизованныя абсолютныя монархіи.

Не подлежитъ, такимъ образомъ, ни малѣйшему сомнѣнію, что анархисты (Кропоткинское ученіе о государствѣ признается всѣми анархистами) не видятъ сущности государства, не знаютъ его основы, хотя и взялись быть спеціалистами въ этой области. Анархисты не видятъ государства, являющагося н е в о л е ю р а б о в ъ всѣхъ вѣковъ, государства, которое возникло, какъ организація этой неволи, и которое можетъ погибнуть только съ прекращеніемъ ея. Они не видятъ государства, тяготѣющаго надъ рабами древняго міра и организованнаго «анархическими» общинами «безгосударственныхъ» Грековъ. Они не видятъ государства, тяготѣющаго надъ крѣпостными среднихъ вѣковъ, воздвигнутаго дворянами, сеньерами, феодалами еще тогда, когда они обходились, по мнѣнію Кропоткина, безъ государства, безъ центральной монархической власти Анархисты не видятъ и современнаго государства, той тюрьмы, въ которой большинство человѣчества рождается рабами, обреченными на пожизненную каторгу ручного труда. Анархисту и въ голову не приходитъ понимать подъ государствомъ в с ю с у м м у гнета, господства, которое проявляютъ человѣкъ надъ человѣкомъ, господствующіе надъ порабощенными.

Анархисты объявляютъ войну, лишь тому государственному гнету, которому подвергается само привиллегированное общество, который испытывали сами греческіе рабовладѣльцы со стороны македонскихъ царей, римскіе патриціи со стороны своихъ императоровъ, средневѣковая буржуазія и шляхта - со стороны посягающихъ на ихъ «золотую свободу» абсолютныхъ монарховъ. Уничтожить государство анархизму не по силамъ: онъ, повторяемъ, не знаетъ его источника, его основы, его сущности.

Послѣ всего вышесказаннаго понятно, чтб въ той «анархистской» революціи въ Россіи, планъ которой предложилъ Кропоткинъ въ разсматриваемой нами его статьѣ 92 года, современное государство, вопреки всѣмъ надеждамъ и увѣреніямъ анархиста, не только не разрушается, но даже не ослабляется.

Благотворная роль старыхъ идеаловъ.

Какое мѣсто во всемъ современномъ революціонномъ движеніи Россіи занимаетъ Кропоткинъ и его послѣдователи?

Прежде всего, «анархическіе принципы» Кропоткина не указываютъ и не требуютъ вовсе отъ революціонера въ Россіи какого либо н о в а г о, о с о б а г о дѣла. Дѣло анархиста Кропоткина есть дѣло русскихъ революціонеровъ вообще, какъ оно выражалось и сознава-

лось ими до тѣхъ поръ. Въ строкахъ, непосредственно слѣдующихъ за вышеприведенными цитатами обсуждаемой статьи, весь анархизмъ сводится для Россіи самимъ его основателемъ до роли простой ф о р м ы, въ которой дѣло русскаго революціонера достигаетъ своего наиболѣе полнаго осуществленія. Анархизмъ, по мнѣнію его основателя, есть лучшее средство осуществленія стремленій всѣхъ русскихъ революціонеровъ.

Кропоткинъ, доказавъ, какъ мы видѣли выше, необходимость народнаго возстанія для «ослабленія и ограниченія централизованной государственной власти», т.е. для «скорѣйшаго низверженія царизма», опредѣливъ это будущее народное возстаніе, какъ возстаніе к р е с т ь я н с к о е, въ дальнѣйшемъ старается объяснить, на сколько для осуществленія упомянутыхъ цѣлей гораздо болѣе пригоденъ анархизмъ, нежели «государственный соціализмъ.» Между тѣмъ какъ послѣдній, разсуждаетъ онъ, передавая дѣло земельнаго преобразованія въ руки провозглашаемаго имъ земскаго собора, съ самаго начала готовитъ ограниченіе крестьянскаго возстанія, анархизмъ вызоветъ въ крестьянахъ при отнятіи ими земель у помѣщиковъ наиболѣе «личнаго почина, личной дѣятельности», заставитъ ихъ «ничего не ждать отъ какихъ то спасителей,» не позволитъ «новой государственной централизаціи мѣшать силѣ и глубинѣ движенія.» Для успѣха крестьянскаго возстанія, для его наибольшаго расширенія «нужно принять анархистскую программу», заключаетъ Кропоткинъ.

Если послѣ этого поставить вопросъ, въ чемъ же заключается сущность того анархическаго переворота, того пути къ «безгосударственности», который предполагался Кропоткинымъ въ 92 г., то приходится отвѣтить, что основная идея анархистской программы для Россіи заключается въ... к р е с т ь я н с к о м ъ возстаніи, въ а г р а р н о й революціи.

До конца 90—хъ г. г. отецъ русскаго анархизма могъ радоваться рѣдкому счастью, выпавшему на его долю: не имѣя въ Россіи почти никакихъ послѣдователей с о б с т в е н н о й а н а р х и ч е с к о й доктрины, онъ насчитывалъ безчисленное множество сторонниковъ о с н о в н о г о п у н к т а своей безгосударственной программы—аграрнаго переворота, не только въ лицѣ антимарксистскихъ революціонеровъ, но и въ лицѣ всей народнической интеллигенціи. Это замѣчательное счастье русскихъ анархистовъ выразилось наконецъ въ томъ, что сущность, основная идея программы Кропоткинскаго б е з г о с у д а р с т в е н н а г о соціализма—аграрая революція—нашла своихъ усердныхъ и систематическихъ пропагандистовъ въ лицѣ цѣлой партіи... самыхъ твердыхъ г о с у д а р с т в е н н и к о в ъ, самыхъ беззавѣтныхъ конституціоналистовъ —соц.р—въ. И ученики Кропоткина искренне радовались такому своему своеобразному счастью. Передовица № 9 «Хлѣба и Воли» разсказываетъ о томъ, что анархисты съ большимъ удовольствіемъ привѣтствовали рожденіе партіи соц.—р—овъ и ихъ «Аграрной Лиги». Въ то время они были недовольны лищь тѣмъ, что соц.—р—ы замалчиваютъ якобы фактъ заимствованія ими у анархистовъ и философіи, и аграрной программы. (Такой упрекъ намъ случилось слышать со стороны анархистовъ на одномъ публичномъ собраніи въ Женезѣ въ концѣ 1903 г.) Но дѣло, конечно, не въ заимствованіи, а въ томъ тѣснѣй-

шемъ родствѣ, въ которомъ остаются русскіе анархисты и ихъ отецъ со всѣми элементами объединяющимися въ партію соц.—р.—овъ.

Мы уже отмѣтили выше, что Кропоткинъ является лучшимъ «хра-
нителемъ идей 70—хъ г.г.» Послѣдняя естественно и составляютъ не-
прерывающуюся первоначальную родственную связь между нимъ и
прочими «хранителями». Эти родственныя узы почему-то вовсе не ос-
лабляются оттого, что Кропоткинъ выступаетъ, какъ анархистскій
проповѣдникъ разрушенія тѣхъ самыхъ культурныхъ формъ Запада,
обожателями которыхъ является въ настоящее время большинство
«хранителей идей 70-хъ г.г.» Дѣло объясняется тѣмъ, что вся анархи-
стская доктрина Кропоткина есть лишь система, распространяющая
фикціи и иллюзіи русскаго народника 70-хъ г.г. на всю исторію и на весь
міръ. Такимъ образомъ нападеніе отца современной анархіи на запад-
но-европейскій строй не есть нападеніе настоящаго противника этого
строя—рабочаго класса, рабовъ цивилизованнаго общества, а лишь у-
топическое нападеніе русскаго народника. Вотъ почему родственныя
узы между Кропоткинымъ и Михайловскимъ никогда не прерывались
и остаются въ полной своей первоначальной силѣ, хотя съ виду, фор-
мально развитіе идей каждаго изъ нихъ идетъ какъ будто въ проти-
воположномъ направленіи и первый отвергаетъ то, что столь высоко
чтилъ второй—европейскую демократію.

Примѣнительно къ Россіи, къ предстоящему ей перевороту, вся анархистская теорія Кропоткина есть лучшее средство сохраненія «наслѣдства» въ его первоначальномъ видѣ, сохраненія всѣхъ фикцій и утопій народничества вмѣстѣ съ тѣмъ обманчиво-революціоннымъ блескомъ, которымъ оно обладало въ 70-ые годы. Въ самомъ дѣлѣ, въ 92 г. никто уже изъ русскихъ р е в о л ю ц і о н е р о в ъ не былъ въ состояніи въ такой степени, какъ отецъ современной анархіи, считать Россію абсолютно земледѣльческой страной, сводить в с е предстоящее ей преобразованіе и с к л ю ч и т е л ь н о к ъ а г р а р н о м у п е р е в о р о т у, удерживать въ неприкосновенности землевольческую программу, по которой «исторія, поставившая на первый планъ въ Западной Европѣ вопросъ фабричный, у насъ его не выдвинула вовсе, замѣнивъ его вопросомъ аграрнымъ».*) Въ такой первобытной чистотѣ формулы и утопіи народничества удерживались въ то время, въ первой половинѣ 90-хъ г.г., уже только господами В.В., вполнѣ легальной, а то и вѣрноподданнической интеллигенціей. Да, широка родня отца русскаго анархизма!

Но Кропоткинъ такъ приспособилъ свою анархистскую теорію, что она спасаетъ вѣру не только во всѣ народническія сказки о коммунистическомъ духѣ русскаго народа, но и вѣру въ революціонныя перспективы русскаго аграрнаго соціализма, вѣру въ бунтовской духъ русскаго крестьянства. Самобытной русской сказкѣ объ «общинномъ духѣ» «соціалистическаго» «трудового крестьянства» онъ разсчитываетъ дать «научное обоснованіе» такимъ образомъ, что, распространивъ эту сказку на всѣ народы, онъ получаетъ «ученіе» о могуществѣ «народнаго творчества», которымъ повсюду «во всѣ времена создавались всѣ формы общежитія», уродуемыя лишь впослѣдствіи «насѣвшею на

*) «Итоги» Куклина, II 4.

общсство властью.»*) Изъ дѣвственной мысли народника, «неискалѣченной» ни въ малѣйшей даже долѣ «классовой точкой зрѣнія», онъ взялся создать «философію» всемірнаго соціалистическаго переворота, который прекратитъ неволю современныхъ рабовъ, устанавливая «справедливый строй» на основаніи забытыхъ нынѣ принциповъ общечеловѣческой «солидарности» и «взаимопомощи». **)

При помощи такихъ сооруженій «научнаго анархизма», получается — легче, чѣмъ всякимъ другимъ способомъ — тотъ излюбленный всѣми хранителями, всевозможными с.-р.-ами, туманъ, среди котораго въ низвергнувшей самодержавіе Россіи такъ легко, безъ пролетарской, рабочей революціи, лишь посредствомъ совмѣстныхъ усилій «соціалистической интеллигенціи» и «соціалистическаго крестьянства», выростетъ славное мужицкое царство, не классовое, не буржуазное государство, а антикапиталистическое общество.

Такимъ образомъ, Кропоткинъ и его ученики отличаются отъ народоправцевъ, с.-р.-овъ и т. п. тѣмъ, что еще въ большей степени чѣмъ эти «хранители наслѣдства», хотятъ окутать покрываломъ изъ соціалистическихъ фикцій и анархистскихъ фразъ простой процессъ революціонной европеизаціи Россіи, процессъ совершенія ею, по собственному указанію Кропоткина, той самой революціи, которая совершена Англіею и Франціею прошлыхъ столѣтій. Еще въ большей степени, чѣмъ с.-р.-ы, они стремятся придать лишь соціалистическое названіе той буржуазной революціи, къ которой стремился русскій революціонеръ все время, не отдавая себѣ въ этомъ отчета и къ которой онъ стремится сознательно со времени нарожденія русской с.-д.-іи.

Поэтому отъ учениковъ Кропоткина надо ожидать въ качествѣ первой ихъ заслуги, исполненія въ болѣе совершенномъ видѣ той функціи, которую играли всѣ «хранители» вообще и с.-р.-ы въ частности, т.е. прежде всего превращенія предстоящихъ народныхъ возстаній въ «революцію земледѣльческой страны», обуздыванія и приниженія плановъ возникающихъ рабочихъ возстаній, крестьянскимъ изъ—за «землицы» движеніемъ результатомъ котораго можетъ лишь быть превращеніе малоземельнаго крестьянства въ экономически крѣпкое крестьянство, въ «здоровую» сельскую буржуазію.

Дѣйствительно въ такую именно позицію становится «Хлѣбъ и Воля» въ уже указанномъ нами выше мѣстѣ въ № 9. Передовица этого номера разсказываетъ, как мы уже говорили, что соц.—р.—ы создали, казалось, свою программу совсѣмъ по формулѣ Кропоткина, но очень скоро вступили на ложный путь. Анархистскій органъ приведя въ качествѣ безошибочной программы ту же цитату Кропоткина, которая помѣщена выше на стр. 47, доказываетъ, что с.—р.—ы поступили вопреки ей, не исходя отъ экономики къ политикѣ, а наоборотъ. Они начали политикой, и провозглашенному ими земскому собору предназначили дѣло экономическаго земельнаго преобразованія, превративъ такимъ образомъ крестьянское возстаніе въ крестьянскую реформу. Анархистъ же такой ошибки не сдѣлаетъ, Онъ начнетъ

*) «Современная наука и анархизмъ», стр. 1-6.

**) Анархистская философія ближе будетъ разсмотрѣна во второмъ выпускѣ, наряду съ марксистской.

совершенно чистымъ экономическимъ кресьянскимъ возстаніемъ съ цѣлью захвата земли (Кропоткинъ и его ученики также не прочь пококетничать съ «чистой экономикой»), Тогда только, посредствомъ такого, достаточно сильнаго средства, онъ можетъ разсчитывать на надлежащій успѣхъ также и въ политикѣ, на солидное «ограниченіе централизованной государственной власти т.е. на настоящее», скорѣйшее низверженіе царизма.» Однимъ словомъ, смыслъ упомянутой передовицы «Хл. и В.» таковъ: ссора между с-р-ами и анархистами начинается и можетъ даже обостриться, но лишь потому, что с-р-ы измѣняютъ собственному дѣлу, аграрной революціи, лишь потому, что они перестаютъ быть с-р-ами и становятся с-д-ами, что въ пониманіи анархистовъ значитъ—«перестаютъ быть настоящими соціалистами». Русскій анархизмъ возникаетъ и обособляется въ самостоятельную партію для того, чтобы послѣдовательно провести до конца с-р-овское дѣло.

Итакъ, своимъ выступленіемъ, въ видѣ разсмотрѣнной выше статьи, отецъ русскаго анархизма торжественно записался въ одинъ изъ тѣхъ двухъ лагерей, на которые раскалывалась на протяженіи 90-хъ г.г. русская, какъ легальная, такъ и нелегальная интеллигенція, и при этомъ онъ выбралъ безпрекословнѣе, чѣмъ кто либо другой, лагерь «хранителей». Анархистское ученіе, о которомъ и его сторонники и противники воображаютъ, будто оно представляетъ собою наиболѣе смѣлую, дальше всѣхъ идущую идею современности, ученіе, которымъ предполагается вывести всемірную борьбу рабочаго класса изъ того болота, куда привела ее соц.-д-ая политика, это ученіе не нашло посовѣтовать русскому революціонеру ничего другого, какъ только сохраненіе во всей полнотѣ программы стараго движенія, съ которой онъ только что претерпѣлъ полное фіаско.

Какъ указано уже выше, глава современнаго анархизма, въ то самое время, когда его фантазія столь легко создавала широкія планы повсемѣстныхъ анархистскихъ переворотовъ въ духѣ якобы самаго чистаго, самаго идеальнаго, абсолютнаго коммунизма, въ русскомъ общественномъ движеніи, гдѣ у него не было пока собственныхъ послѣдователей, долженъ былъ дарить свою симпатію всѣмъ по очереди «хранителямъ идей 70-хъ г.г.», какъ бы далеко не заходила ихъ реакціонность. Теоретикъ безгосударственности, поневолѣ, душой своей стоялъ на сторонѣ государственниковъ—народовольцевъ лавристовъ, на сторонѣ проповѣдниковъ конституціоннаго рая—Степняка и его товарищей изъ лондонской «Вольной прессы» и либераловъ изъ «Наканунѣ»; въ самой Россіи—на сторонѣ не только подпольной работы либераловъ-народоправцевъ и соц.-рев-овъ, но и на сторонѣ мирныхъ обывателей—Михайловскихъ, Южаковыхъ, Кривенко, Воронцовыхъ, и пр., и пр. Въ моменты благородной борьбы за старые идеалы противъ зловреднаго новаторства марксистовъ всѣ эти элементы, духовно объединяясь, имѣютъ на своей сторонѣ также и полную симпатію анархистскаго мыслителя. Впрочемъ Кропоткинъ довольствовался лишь мимоходомъ бросаемыми стрѣлами въ разрушителей общины, въ экономическую метафизику, въ доктринаризмъ теоріи стоимости и т. п. Но его ближайшій соратникъ, Черкезовъ выступаетъ ужъ прямо на поле брани. Нѣсколько ниже приведенныхъ строкъ это-

го писателя послужатъ достаточной характеристикой русскаго анархиста, въ его роли хранителя:

„«Тѣ изъ насъ, русскихъ соціалистовъ, которые восприняли соц.-дем-ую доктрину и пользовались симпатіями Энгельса, Либкнехта и Кº, *сдѣлались непосредственными противниками революціи и боролись съ революціонерами...»*

«Въ то время когда *просвѣщенная и мирная буржуазія* восторгалась и прославляла мучениковъ русскаго деспотизма..., когда «Подпольная Россія»—эта, вышедшая изъ-подъ пера мужественнаго Степняка, галлерея столь живыхъ и привлекательныхъ портретовъ русскихъ революціонеровъ—на всѣхъ языкахъ обошла весь міръ, когда *честные люди различныхъ общественныхъ положеній* чувствовали симпатію къ нимъ, когда *женщины всего міра умилялись* передъ этими портретами, Плехановъ боролся съ ними; онъ боролся все время, этотъ храбрый соц.-д.-тъ.» (Pages d'histoire socialiste, I, 1896г., стр. 60—61. Курсивъ нашъ.)

Врядъ ли извѣстный своимъ азартомъ хроникеръ «Русскаго Богатства» Подарскій, или Комовъ это enfant terrible соц.-р.-овъ, котораго они очень любятъ, но къ которому имъ стыдно признаваться, врядъ ли даже эти мужественнѣйшие изъ «хранителей» способны на болѣе наглый задоръ, чѣмъ вышеприведенная тирада; врядъ ли даже Кривенко и Оболенскіе проявили когда-либо большее невѣжество и большую неспособность понять соц.-дем-ія стремленія, чѣмъ нашъ анархистскій «мыслитель». Наконецъ призваніе въ свидѣтельство противъ Плеханова всей «мирной и просвѣщенной буржуазіи», «честныхъ людей всѣхъ общественныхъ положеній» и «умиляющихся женщинъ» изобличаютъ въ анархистскомъ учителѣ тошно-сантиментальнаго либерала.

Такимъ образомъ русскій анархистъ оказался вполнѣ приспособленнымъ для формулировки той безконечной обиды, которую нанесло русскимъ «хранителямъ» соц.-дем-ое теченіе вообще, а въ частности и главнымъ образомъ его основатель, для выраженія того негодованія, которое просыпается въ честной груди всякаго «хранителя» при одномъ воспоминаніи о марксистахъ, и которое всегда ихъ объединяло въ одно цѣлое для борьбы съ «зловреднымъ революціоннымъ новшествомъ.»

Какая же это обида? Откуда она проистекаетъ? Какова, наконецъ историческая роль негодующихъ «хранителей»?

Отвѣтъ на эти вопросы облегчитъ намъ еще одна цитата изъ Черкезова, какъ типичнаго хранителя:

«Видѣли мы ихъ (соц.-д-овъ) и у насъ въ Россіи, призывающими рабочихъ, во имя соціализма и классовой борьбы, воздержаться отъ участія въ революціонныхъ манифестаціяхъ по дѣлу замученной въ крѣпости Вѣтровой (1897); а позднѣе мы читаемъ въ ихъ брошюрахъ и листкахъ увѣренія, что «ихъ соціализмъ» можетъ уживаться съ безобразнымъ страшилищемъ императорства, все подавляющаго и парализующаго умственное и общественное развитіе ста милліоновъ безправныхъ подданныхъ». (Доклады междун. рабочему конгрессу 1900 г., стр. 28.)

Оказывается, что у того же Плеханова, котораго Черкезовъ въ предъидущей цитатѣ зачисляетъ чуть ли не въ прямые помощники русскаго правительства въ дѣлѣ подавленія крамолы, у того же Плеханова съ тѣмъ же Черкезовымъ есть общіе враги, общая съ ними борьба для одной общей цѣли.

Дѣло не только въ общемъ врагѣ—«императорствѣ». Объ этомъ, конечно, нечего и говорить—тутъ анархистъ лишь непомѣрно громко почему-то кричитъ, какъ всѣ вообще «хранители», разсчитывая этимъ пустымъ своимъ крикомъ чего нибудь добиться. Гораздо интереснѣе другой общій врагъ, свидѣтельствующій о болѣе интимной близости обоихъ поссорившихся радикальныхъ сыновъ отечества. Врагъ этотъ не менѣе общій не менѣе несомнѣнный чѣмъ первый и называется... «рабочемыслительство», «экономизмъ» тожъ.

Можно ли сравнивать средства, а главное успѣхи борьбы и «хранителя» и «новатора» противъ этого послѣдняго ихъ врага, противъ смѣющаго спорить съ идеалами свободолюбивой интеллигенціи «рабомыслительства»?

«Хранитель, неспособный въ этомъ сложномъ дѣлѣ ничего понять, ничего предпринять, смѣшиваетъ безъ толку своего же брата Плеханова съ своимъ же, не успѣвшемъ притомъ вырасти врагомъ—рабочемыслителемъ и лишь истерически выкрикиваеатъ, стараясь какъ можно сильнѣе обругать гнусное новаторство, «могущее уживаться съ безобразнымъ страшилищемъ императорства», готовое даже войти въ союзъ съ этимъ страшилищемъ для подавленія прекрасной революціи интеллигента, передъ которой «умиляются женщины всего міра.»

Напротивъ, умный новаторъ—соц. д.-ъ, который не менѣе неподвижнаго «хранителя» слѣдитъ за опасностію нарожденія рабочемыслительства, открываетъ тайну легализаціи профессіональнаго и политическаго движенія рабочихъ и возможность, согласно съ ходомъ буржуазной жизни, перевоспитанія русской «дикой черни», способной понять лишь требованіе хлѣба, въ культурный пролетаріатъ, готовый всегда бороться за «соціализмъ», прогрессъ и свободу, европеизацію Россіи, однимъ словомъ за полный идеалъ либеральнаго общества (и Черкезова въ томъ числѣ). Не одному поколѣнію радикальной интеллигенціи не желавшей, какъ и Черкезовы, ничего знать, кромѣ безсильныхъ старыхъ идеаловъ, ненавистный соц. дем.-ъ самымъ старательнымъ образомъ разъясняетъ ея собственные интересы, съ мельчайшими деталями излагаетъ и вырабатываетъ планъ обузданія «дикой черни» и извлеченія изъ нея послушныхъ либеральному обществу «рабочихъ баталіоновъ».

По прошествіи полутора десятковъ лѣтъ устанавливается въ Россіи теченіе такого характера, какимъ его предвидѣлъ его основатель—Группа Освобожденія Труда, появляется партія, принявшая всѣ до послѣдняго пункты его программы.

Правда, около того времени, когда Черкезовъ разсказываетъ анархистскому конгрессу небылицы про русскихъ единомышленниковъ «Либкнехта и Кº», Группа Осв. Тр. переживаетъ кризисъ: «рабочемыслительство» противъ ея ожиданій широко разливается по Россіи. Но вѣрная, не менѣе Черкезова, патріотическимъ задачамъ либераль-

наго освобожденія «обширной родины», она, въ угоду всѣмъ хранителямъ объявляетъ непримиримую войну «рабочемыслительству», и скоро собираетъ вокругъ себя цѣлый легіонъ воспитанныхъ ею Мартовыхъ, Лениныхъ и пр. которые истребляютъ врага революціонной интеллигенціи, превосходнымъ, «хранителю» совершенно недоступнымъ оружіемъ: они умѣютъ заставить самихъ «сознательныхъ» рабочихъ «самъ пролетаріатъ» учить «дикую чернь» Черкезовскимъ идеямъ, по которымъ исключительно рабочія, исключительно экономическія требованія подобаютъ лишь холопамъ, буржуазнымъ трэдъюніонистамъ

Но какъ бы ни росли всѣ эти патріотическія заслуги искровцевъ передъ жаждущимъ конституціи обществомъ, русская соц. д.-ія оказывается не въ состояніи ни удовлетворить цѣликомъ непримиримыхъ хранителей, ни смыть окончательно свой первородный грѣхъ передъ ними. Хранители въ этомъ отношеніи ненасытны и неумолимы.

Въ самомъ дѣлѣ, хотя Плехановъ предъявляетъ Черкезову всю свою полемику съ экономистами, Искру первыхъ лѣтъ и всѣ ея изданія за это время, все содержаніе которыхъ сводится къ борьбѣ съ ненавистнымъ Черкезову «рабочемыслительствомъ» отрицавшимъ участіе рабочихъ въ демонстраціяхъ интеллигенціи и общенаціональную задачу борьбы со «страшилищемъ императорства», хранитель все же не перестаетъ считать самого Плеханова измѣнникомъ этому патріотическому дѣлу до тѣхъ поръ, пока послѣдній не отрекнется отъ соц. д.-изма.

Ибо, по убѣжденію Черкезова, какъ показываетъ послѣдняя цитата, именно соц. д.-измъ накликалъ бѣду: соц. д.-ы все время внушали рабочимъ мысль объ особой отъ прочихъ революціонеровъ рабочей партіи, объ особыхъ отъ интеллигенціи и общества, рабочихъ стремленіяхъ, сами попусту болтали о самостоятельности пролетарской борьбы за исключительно рабочіе, исключительно пролетарскіе интересы, о классовой борьбѣ со всѣмъ обществомъ.

Въ отвѣтъ на такой упрекъ Плехановъ предъявляетъ не менѣе обильные, чѣмъ раньше, документы, (и старые и новые), свидѣтельствующіе о томъ, что вся «чисто-пролетарская» проповѣдь должна была служить и служила лишь средствомъ «вовлеченія рабочихъ въ политическую борьбу», «обезпеченія обществу поддержки рабочихъ предмѣстій», что экономическая стадія всѣми марксистами вездѣ устанавливалась съ твердымъ намѣреніемъ превратить ее при первой возможности въ «политическую», что къ «экономизму» соц. д.-ы прибѣгли лишь тогда, когда они убѣдились, что нѣтъ у русскаго революціонера другого средства пріобрѣтенія довѣрія рабочихъ и вовлеченія массъ въ борьбу съ «императорствомъ».

Но всѣ эти разъясненія не только не успокаиваютъ Черкезова, а напротивъ вызываютъ въ немъ тотъ приливъ ярости, который мы наблюдали выше. (стр. 58) Съ невыносимой болью онъ вспоминаетъ только объ одномъ—объ основномъ предательствѣ Плеханова, о разрушеніи имъ старыхъ кумировъ, старыхъ средствъ вовлеченія рабочаго люда въ революцію.

Въ самомъ дѣлѣ—былъ у русскаго революціонера прекрасный самобытный соціализмъ; прекрасно вовлекалъ онъ рабочихъ въ политическую борьбу, какъ показываетъ исторія Народной Воли; прекрасно ихъ воспитывалъ, превращая немедленно въ самоотверженныхъ борцовъ террористовъ за конституцію; не допускалъ къ нимъ никакихъ превратныхъ идей объ особыхъ классовыхъ интересахъ пролетеріата, а, напротивъ, внушалъ всегда патріотическое единеніе со всѣмъ народомъ, со всѣмъ обществомъ. И вотъ измѣнникъ Плехановъ осмѣлился святотатственно осмѣять это величіе идей 70-хъ годовъ и, собравъ около себя всѣ элементы оппортунизма и постепеновщины, поставилъ на это мѣсто негодное ученіе нѣмецкихъ государственниковъ съ его метафизической «классовой точкой зрѣнія».

Для настоящаго русскаго революціонера, не поддающагося нѣмецкой интригѣ, не испорченнаго нѣмецкимъ государственнымъ духомъ, для анархиста, идеалы 70-хъ г.г. должны быть какъ видно изъ упомянутой цитаты; неприкосновенной святыней, не подлежащей никакой критикѣ, никакому сомнѣнію. Даже идеи якобинизма, государственности, тѣ самыя, которыя укрѣпляетъ нѣмецкая соц.-д-ія, наряду съ Бисмарками, для истребленія революціоннаго «безгосударственнаго коммунизма», даже эти идеи, тамъ, въ храмѣ 70-хъ г.г., хотя и нашли своихъ яркихъ выразителей въ лицѣ Ткачевыхъ, Тихоміровыхъ и всѣхъ другихъ народовольцевъ, общаго величія не нарушаютъ и даже почему то совсѣмъ не обращаютъ вниманія нашего столь строго-принципіальнаго анархиста.

Съ другой стороны, какъ уже отмѣчено выше (см. стр. 16), критика русскаго самобытнаго соціализма, проведенная въ сочиненіяхъ Плеханова вполнѣ почтительна и очень снисходительна. Она старается показать, что соціализмъ семидесятниковъ не былъ даже и зачаткомъ реальной борьбы рабочаго класса въ Россіи, не потому, что онъ не желалъ ея, а потому что по объективнымъ условіямъ историческаго развитія эта борьба не могла быть предпринятой въ тогдашней Россіи. По той же самой причинѣ, а не въ силу какого либо непролетарскаго интереса, первобытный соціализмъ вводилъ въ заблужденіе своею утопіею рабочія массы. Это неизбѣжное заблужденіе самого революціонера ничуть не подвергаетъ сомнѣнію чистоты его соціалистическихъ стремленій и идеаловъ. Поэтому, какъ основатель соц.-д-ма, такъ и всѣ его ученики считаютъ себя, вполнѣ послѣдовательно, продолжателями прошлаго соціалистическаго движенія, реализаторами его идеаловъ.

Но даже такое благочестивое отношеніе соц. дем.-іи къ идеаламъ 70-хъ г.г. представляется въ глазахъ всѣхъ неподвижныхъ ихъ хранителей святотатствомъ и измѣною. Святотатствомъ является уже присоединеніе одного слова—«утопическій»—къ названію самобытнаго соціализма. Измѣною является одинъ намекъ на то, что успѣхъ семидесятника не принесъ бы еще освобожденія рабочему классу.

Всякій защитникъ идеаловъ 70-хъ г. г., къ какой бы категоріи хранителей онъ ни принадлежалъ, консервативный ли онъ народникъ, или же прогрессивный радикалъ, дѣйствуетъ ли онъ въ подпольѣ или на глазахъ царской полиціи,—непоколебимо убѣжденъ, что онъ служитъ дѣлу соціализма, дѣлу революціи именно своею вѣрностью старымъ идеаламъ, своею неподвижностью, своей непреклонной рѣшимостью

не допускать «революціоннаго новаторства». Онъ чувствуетъ, что только передъ лицомъ этихъ старыхъ идеаловъ онъ въ состоянии удержать вѣру въ себя, какъ въ настоящаго соціалиста, непримиримаго революціонера. Еще въ концѣ 70 хъ г. г. Михайловскій (въ статьѣ о марксизмѣ противъ Жуковскаго) признавалъ, что русскій радикалъ попадаетъ въ трагическое положеніе въ ту минуту, когда отказывается отъ надежды удержать движеніе впередъ всего окружающаго его міра: ему тогда предстоитъ не только сдѣлаться обыкновеннымъ марксистомъ-постепеновцемъ, но даже собственноручно выварива̀ть мужика въ фабричномъ котлѣ, записываться въ ряды Колупаевыхъ и Разуваевыхъ.

Когда появились первые русскіе соц.-д-ы, превращаясь изъ самыхъ крайнихъ съ виду революціонеровъ, бакунистовъ въ марксистскихъ постепеновцевъ, а еще болѣе, когда появился легальный марксизмъ, струвизмъ, заявившій о своемъ рѣшеніи пойти на выучку къ капитализму, всѣ приверженцы старыхъ идеаловъ увидѣли во всемъ этомъ подтвержденіе вѣрности своего взгляда, по которому лишь неподвижность обеспечиваетъ соціалистическую и революціонную непримиримость.

И вдругъ—среди этой растущей увѣренности хранителей въ собственной безпорочности—неожиданная участь выпадаетъ на ихъ долю. Великія идеи 70-хъ г.г., которыя должны были радикальнѣйшимъ образомъ предохранить ихъ отъ марксистской постепеновщины, очутились внезапно въ самомъ фокусѣ наиболѣе оппортюнистическаго теченія въ оппортюнистическомъ марксизмѣ. Голосъ старыхъ русскихъ идеаловъ раздался въ самомъ лагерѣ ненавистныхъ марксистовъ; но голосомъ этимъ заговорилъ мессія того «критическаго» направленія, которое выступило на открытую защиту современнаго строя противъ несправедливыхъ якобы на него нападокъ со стороны ортодоксальныхъ марксистовъ. Громко возликовали хранители по поводу своей побѣды; но, увы!—это была побѣда бернштейніанства,—пречистыя идеи 70-хъ г.г. праздновали свое торжество, какъ «ревизіонизмъ» марксизма, какъ открытая защита буржуазнаго общества.

«Критическій» ученикъ Маркса пропѣлъ съ соотвѣтственными варіяціями всю пѣсню самобытнаго русскаго соціализма, съ начала до конца.

Пѣсня эта въ Россіи распѣвалась все время на одну и ту же мелодію:

— Историческое развитіе направляется не только сообразно объективно сущему, но и сообразно субъективно желательному. Русское общество не дошло еще до тѣхъ уродливыхъ формъ развитаго капитализма, которыя сосредоточиваютъ всѣ богатства въ рукахъ горсти плутократовъ. Въ Россіи главное орудіе труда—земля находится пока въ рукахъ большинства населенія, среди котораго уцѣлѣли еще притомъ, правда въ слабой степени, остатки первобытнаго коммунизма. Такое общество, если только развязать ему руки, прекратитъ дальнѣйшее нежелательное усиленіе капитализма и направитъ свое развитіе къ свободѣ, равенству и братству, къ соціализму.

Въ передачѣ Бернштейна, для всего цивилизованнаго міра, та же пѣсня звучитъ слѣдующимъ образомъ:

— Вся исторія и все будущее современнаго общества опредѣляется не только матеріальными, но и идеальными моментами — сознаніемъ права, идейными соображеніями цѣлесообразности и проч. Современное цивилизованное общество вовсе не такъ уродливо, какъ представлялось Марксу. Оно оказалось въ состояніи радикальнымъ образомъ улучшить положеніе громадныхъ слоевъ пролетаріата. Не всѣ свои богатства оно передаетъ горсти магнатовъ капитала, а раздѣляетъ ихъ и среди многочисленныхъ среднихъ классовъ, которыхъ оно вовсе не желаетъ экспропріировать. Такое общество безъ всякой насильственной революціи превратится въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи въ соціалистическое.

Итакъ «Беренштейніада» вполнѣ выяснила роль великихъ идеаловъ 70-хъ годовъ. Эти идеалы боролись все время съ марксизмомъ не противъ его оппортюнизма, какъ они старались всѣхъ убѣдить, а ради того, что поставилъ себѣ цѣлью ревизіонизмъ, ради окончательнаго истребленія тѣхъ пролетарскихъ нотокъ въ марксизмѣ, которыя оставались въ немъ со временъ его молодости.

Обогащеніе марксизма идеями 70-хъ г. г. давало и даетъ въ результатѣ лишь теченія, наиболѣе враждебныя пролетарскому революціонизму. Для соглашенія съ марксизмомъ идеи 70-хъ г. г. выбираютъ для себя наиболѣе буржуазныя формы послѣдняго. Спеціальная защитница этихъ идей въ русскомъ подпольномъ движеніи, партія с. р.-овъ, проявляется, какъ реформистское крыло русскаго соціалистическаго движенія, не смотря на всѣ ея усилія скрыть эту свою позицію, производимыми ею отъ времени до времени нападками на западноевропейскихъ беренштейніанцевъ. Такія нападки въ состояніи дѣлать, конечно, лишь болѣе знающіе представители с. р.-овъ, тѣ именно, которые въ свое время, хоть короткій моментъ были марксистами. Заучивъ ортодоксальныя фразы у вожаковъ соц. д.-іи, с. р.-іе дѣятели пускаютъ ихъ въ ходъ смотря по нуждѣ для того чтобы, закрываясь ими какъ щитомъ, неусыпно вести свое дѣло, дѣло беренштейніанцевъ, дѣло вытравленія всѣхъ революціонныхъ пролетарскихъ нотокъ въ марксизмѣ, или вѣрнѣе даже воспоминанія о нихъ.

Старые идеалы 70-хъ годовъ въ новомъ революціонномъ движеніи 90-хъ г. г. создали свое обширное теченіе, чтобы отстоять дѣло интеллигента — политическую свободу передъ рабочимъ дѣломъ, передъ рабочей революціей, которая могла возникнуть при опасныхъ опытахъ соціалдемократіи съ рабочимъ движеніемъ, могла возникнуть вопреки всей ея осторожности, вопреки всѣмъ ея желаніямъ и планамъ. И дѣйствительно, въ движеніи послѣднихъ лѣтъ были моменты, которые сочли опасными для цѣлей интеллигента даже люди, не столь сильно пугающіеся рабочаго движенія, какъ с. р-ы. Такъ въ концѣ 90-хъ годовъ «Группа Освоб. Труда» постоянно предостерегала молодыхъ соц.-д-овъ отъ опаснаго «стачкизма» и наконецъ объявила упорную борьбу своей собственной заблудившейся партіи.

Русской интеллигенціи понадобилась партія, которая, не занимаясь вовсе никакими новшествами, защищала бы старую испытанную программу интеллигента и не дѣлала бы ни малѣйшихъ попустительствъ по отношенію къ самостоятельному рабочему движенію.

«Измѣна свободѣ и соціализму — всякій тайный кружокъ съ неполитическими задачами... Рабочимъ разрѣшаются лишь кружки рекрутовъ политическаго террора». Вотъ что говорили все время идеалы 70-хъ годовъ. Наконецъ, чтобъ основательно предотвратить могущую возникнуть борьбу рабочихъ противъ всѣхъ хозяевъ, идеалы 70-хъ г. г. посовѣтовали ввести въ революцію самихъ россійскихъ хозяевъ, конечно, «трудовыхъ», коммунистически-крестьянскихъ.

Вотъ почему наиболѣе «революціонная» россійская партія оказалась наиболѣе бернштейніанской. Желая сильнѣе другихъ борьбы исключительно за политическую свободу россійскаго буржуазнаго общества, она должна была для этой цѣли сильнѣе всѣхъ прочихъ требовать обузданія чисто-рабочей борьбы. Высшая степень интеллигентскаго революціонизма требуетъ высшей степени оппортюнизма на почвѣ рабочаго движенія. Въ силу этого же закона отецъ нѣмецкаго оппортюнизма является наиболѣе горячимъ въ своей партіи защитникомъ политической всеобщей стачки, а Жоресъ, защитникъ мирнаго развитія соціалистической Франціи, упрекаетъ въ антиреволюціонности ортодоксальную соціалдемократію императорской Германіи. Въ силу такихъ же самыхъ стремленій русская соц. д-ія проповѣдуетъ «сидѣніе по домамъ» въ моментъ экономической всеобщей стачки, чтобы подготовить возможность объявить вооруженное возстаніе за конституцію.

Всѣ подобныя явленія проистекаютъ изъ одной общей задачи всѣхъ современныхъ революціонныхъ и соціалистическихъ партій образованнаго общества: предохранить міръ отъ рабочей революціи и продолжать дѣло завоеванія демократической свободы, дѣло незавершившихся буржуазныхъ революцій. Всѣ эти явленія освѣщаются лучше всего россійскими соціалистическими партіями. «Пролетарская» партія соц.-д-овъ беретъ на себя работу передѣлыванія пролетарскихъ бунтовъ въ революціонное движеніе россійскаго либерализма. «Наиболѣе революціонныя» партіи с. р-овъ и анархистовъ, добившись отъ соц. д-іи наибольшей степени обузданія экономическаго стачкизма, чисто рабочихъ бунтовъ, надѣются съ помощью старой революціонной традиціи вызвать у превращеннаго въ слугу либераловъ пролетаріата наивысшую степень интеллигентскаго революціонизма.

Всѣ россійскія соціалистическія партіи готовятъ одну и ту же буржуазную революцію, удовлетворяя своими специфическими программами различные ея моменты, различныя ея потребности. «Пролетарская» партія, которая несетъ самую трудную задачу превращенія стихійныхъ рабочихъ бунтовъ въ либеральную революцію, стоитъ среди элементовъ, которые въ случаѣ недосмотра, могли бы преподнести интеллигенту нѣчто прямо противоположное и причинить громадныя непріятности въ родѣ іюньскаго бунта парижскихъ рабочихъ 48 г. Такая партія обязана для предотвращенія опасности избѣгать всякаго авантюризма и нести ясное сознаніе, что стремится къ буржуазной революціи. Напротивъ, партіи «революціоннаго соціализма» (с. р-ы, анархисты) безпечно проповѣдуютъ «антибуржуазную», «соціальную» революцію, ибо стоятъ на почвѣ такихъ элементовъ,

которые могутъ совершить именно только буржуазную революцію. Ихъ область воздѣйствія — это интеллигенція, крестьянство, горсти тредъюніонистскихъ рабочихъ, обузданныхъ, [illegible]бранныхъ и вышколенныхъ предварительно соц.-д-іей и всей буржуазной жизнью.

Всѣ россійскія партіи пользуются соціализмомъ, какъ единственнымъ въ своемъ родѣ средствомъ воодушевить массы на буржуазную революцію. Дѣятельностью россійскихъ партій современный соціализмъ болѣе всего демаскируется, какъ религія для рабовъ буржуазнаго строя, какъ такая проповѣдь о будущемъ раѣ, которая заставляетъ развивать, укрѣплять, украшать «свободами» существующій строй грабежа.

своб
и за.
ичес
п..
ь

Соціалистическая наука
какъ
новая религія

Печатанie настоящаго сочиненiя, II выпускъ котораго предлагается теперь читателю подъ заглавiемъ «Соцiалистическая наука, какъ новая религiя», растянулось на очень продолжительное время, не говоря о прочихъ задержкахъ еще и потому, что авторъ рѣшилъ дополнить и заново переработать два свои реферата, служащiе основой книги.

II выпускъ передѣланъ не менѣе перваго. Къ первоначальному содержанiю второго реферата «Историко-философскiя основы марксизма» прибавлена вновь написанная критика «научнаго анархизма», а объединенiе этихъ работъ дало въ результатѣ ту тему, которая выражена въ заглавiи настоящаго выпуска. Тема эта требуетъ обширной разработки. Но такъ какъ авторъ не надѣется на близкую возможность заняться на болѣе продолжительное время такой работой, онъ выпускаетъ подготовленные уже матерiалы и намѣченные имъ до сихъ поръ выводы. «Соцiалистическая наука, какъ религiя», подобно I-му выпуску, издается, какъ

Умственный рабочiй

Часть III

Выпускъ II

Это дѣлается потому, что все сочиненiе, какъ въ первоначальномъ, такъ и окончательно переработанномъ видѣ, составляетъ, какъ сказано въ предисловiи къ I выпуску, «прямое продолженiе и развитiе положенiй, установленныхъ въ первыхъ двухъ частяхъ «Умственнаго рабочаго».

Женева, май 1905 г.

Соцiалистическая наука
какъ
новая религiя

I

Соцiализмъ XIX ст., вопреки убѣжденiю всѣхъ вѣрующихъ въ него, не есть нападенiе на основу строя неволи, существующаго на протяженiи вѣковъ въ видѣ всякаго цивилизованнаго общества — государства. Онъ нападаетъ лишь на одну изъ формъ этой неволи, на господство класса капиталистовъ. Даже въ случаѣ его побѣды онъ не упраздняетъ вѣкового грабежа: онъ уничтожаетъ лишь частное владѣнiе матерiальными средствами производства — землей и фабриками, онъ уничтожаетъ лишь капиталистическую эксплуатацiю.

Упраздненiе капиталистической собственности, т. е. частнаго владѣнiя средствами производства, совсѣмъ не является еще упраздненiемъ семейной собственности вообще. Между тѣмъ, этотъ-то именно институтъ обезпечиваетъ вѣковой грабежъ, обеспечиваетъ только имущему меньшинству и только его потомству владѣнiе всѣми богатствами и трудомъ вѣковъ, всѣмъ наслѣдiемъ человѣчества, всею культурой и цивилизацiею. Этотъ именно институтъ осуждаетъ большинство человѣчества рождаться неимущими, рабами, обреченными на пожизненный ручной трудъ. Экспропрiацiя класса капиталистовъ во все еще не означаетъ экспропрiацiи всего буржуазнаго общества. Однимъ упраздненiемъ частныхъ предпринимателей, современный рабочiй классъ, современные рабы не перестаютъ быть рабами, осужденными на пожизненный ручной трудъ; стало быть, не исчезаетъ, а переходитъ въ руки демократическаго государства—общества создаваемая ими нацiональная прибыль, какъ фондъ для паразитнаго существованiя всѣхъ грабителей, всего буржуазнаго общества. Послѣднее, послѣ упраздненiя капиталистовъ, остается такимъ же, какъ и раньше господствующимъ обществомъ, образованнымъ правителемъ, мiромъ бѣлоручекъ, остается владѣльцемъ нацiональной прибыли, которая распредѣляется въ видѣ столь же приличныхъ, какъ и нынѣ, «гонораровъ» «умственныхъ рабочихъ» и, благодаря семейной собственности и семейному укладу жизни, сохраняется и воспроизводится въ ихъ потомствѣ.

Обобществленiе средствъ производства обозначаетъ лишь упраздненiе права частнаго владѣнiя и распоряженiя фабриками и землей. Своимъ нападенiемъ на фабриканта соцiалистъ ни въ малѣйшей мѣрѣ

не затрагиваетъ «гонорара» его директора и инжинера. Соціализмъ истекшаго столѣтія оставляетъ неприкосновенными всѣ доходы бѣлоручекъ, какъ «заработную плату умственнаго рабочаго», объявляетъ интеллигенцію «незаинтересованной, непричастной къ капиталистической эксплуатаціи». (Каутскій).

Современный соціализмъ не можетъ и не хочетъ упразднить вѣкового грабежа и неволи.»

Во второй половинѣ XIX ст. соціализмъ громогласно объявляетъ себя общественной наукой. Вслѣдъ за пролетарской политической экономіей создается пролетарская социологія и соціалистическая исторіософія.

Но общественная наука не можетъ быть врагомъ того строя неволи, который существуетъ на протяженіи всего историческаго развитія цивилизаціи. Общественная наука желаетъ быть безпристрастнымъ истолкователемъ этого историческаго развитія, стало быть она не врагъ его, а опекунъ.

Между тѣмъ соціализмъ почувствовалъ непреодолимое влеченіе стать настоящей общественной наукой. Соціалистическіе ученые удаляясь все больше и больше отъ мысли о томъ, что вся истекшая исторія цивилизованныхъ обществъ есть исторія неволи большинства человѣчества, что историческіе законы истекшихъ вѣковъ вплоть до нашего времени суть законы грабежа, *выраженіе воли господствующаго меньшинства*, берутся истолковать эти законы какъ объективные законы развитія человѣческаго общежитія, берутся «открыть ихъ и предугадать для того, чтобы подчиниться имъ.»

Благодаря распространенію соціалистической вѣры соціалистическимъ ученымъ удается убѣдить рабочія массы, что подчиняясь объективно — историческому ходу, онѣ подчиняются, несомнѣнно милостивымъ къ поколѣнію XIX ст., законамъ природы, пріуготовившимъ для насъ соціалистическій рай.

На этомъ пути соціалистическая наука оказывается немедленно простымъ средствомъ усыпленія бунтующихся рабочихъ массъ, является, не смотря на ея атеизмъ, простымъ религіознымъ мечтаніемъ и молитвою о соціалистическомъ раѣ, является религіей обуздывающей умъ и волю рабовъ буржуазнаго строя.

Марксистская соціалистическая наука создала настоящее соціалистическое провидѣніе, дѣйствіемъ котораго «капиталистическое производство само роетъ себѣ могилу», само уничтожаетъ себя *собственнымъ развитіемъ*, а неотвратимые экономическіе законы, независимо даже отъ воли людей, ведутъ ихъ прямо въ «царство равенства и свободы.»

Проходятъ годы, и марксистское провидѣніе научныхъ соціалистовъ обнаруживаетъ полное тождество съ провидѣніемъ всякихъ другихъ жрецовъ и поповъ. Рабамъ буржуазнаго общества оно сулитъ счастье послѣ ихъ смерти, оно гарантируетъ соціалистическій рай ихъ потомкамъ. Непоколебимая увѣренность марксистской научной религіи въ неизбѣжномъ наступленіи соціалистическаго царства свободы благословляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ буржуазный прогрессъ благословляетъ «прогрессивность», «цѣлесообразность», «законность» современнаго строя грабежа. Марксистская вѣра въ неизбѣжное движеніе

капитализма къ соціализму, вѣра въ капитализмъ, какъ необходимую соціалистическую предпосылку становится наконецъ равнозначной съ ... высшей степенью любви къ буржуазному прогрессу, къ развитію полнаго господства буржуазіи, полнаго буржуазнаго грабежа. Вѣрующіе, настоящіе пролетарскіе соціалисты, проникшись марксистской религіей являются лучшими борцами за буржуазный прогрессъ, самыми горячими апостолами и воинами буржуазной революціи.

Но первоначальная «чистота» соціалистическаго евангелія, не смотря на всѣ извращенія его соц.-д.-ими лжеучителями, затеряна и забыта быть не можетъ. Непоколебимые принципы соціализма прошлаго вѣка во всей ихъ чистотѣ берется воспроизвести современное ученіе анархизма. Въ противовѣсъ соц.-д.-ому оппортунизму, который оскандалился и развратилъ массы стремленіемъ къ реформированію и развитію современнаго строя, анархистское ученіе вызоветъ въ массахъ чистое стремленіе къ идеалу, прямое, непосредственное движеніе къ «конечной цѣли».

Анархисты должны во первыхъ помнить, что въ этомъ отношеніи они не изобрѣтаютъ ничего новаго и не выходятъ изъ круга идей правовѣрныхъ марксистовъ, которые во всѣхъ видахъ ортодоксіи, никогда не забывали «конечной цѣли» и безпрестанно съ этимъ добромъ принуждены были сдаваться передъ практиками ревизіонистами, пока не доказали, наконецъ, при рѣшеніи бернштейніады, что ихъ стремленіе къ «конечной цѣли» должно составлять единое цѣлое съ бернштейніанскимъ реформизмомъ, для котораго «конечная цѣль — ничто».

Сами анархисты, поскольку у нихъ появились въ послѣднее время свои «практики» (французскій анархисткій синдикализмъ) не могутъ уже отвергать той сентенціи Бернштейна, согласно которой въ «жизни», въ «реальной» практической борьбѣ каждый шагъ соціалиста не можетъ не быть грѣхопаденіемъ и компромиссомъ. Анархистъ — синдикалистъ уже на одно участіе свое въ любой стачкѣ не можетъ не смотрѣть какъ на измѣну принципамъ, какъ на грѣхопаденіе — ибо онъ борется «не за конечную цѣль» а «за уступку», «за реформы».

Повидимому, въ области соціализма прошлаго вѣка такъ — таки и не найдешь той дороги, на которой не приходится вступать въ сдѣлки съ существующимъ буржуазнымъ строемъ.

Такая дорога лежитъ цѣликомъ и исключительно *въ подпольѣ* современнаго буржуазнаго строя. Но соціализмъ XIX ст., даже въ самомъ страшномъ его видѣ, въ видѣ анархизма, становится въ демократической республикѣ дѣломъ совершенно легальнымъ, въ видѣ синдикализма и проповѣди «анархисткаго идеала» и непримиримые анархисты, становятся благонамѣренными — наравнѣ съ соц.-д.-ами — гражданами современнаго общества, и не могутъ уже конспирировать противъ демократической «свободы слова», «свободы печати», «свободы союзовъ», которыя по ихъ убѣжденію, также какъ и по убѣжденію соц.-д.-іи, даютъ полную возможность легальнаго подготовленія соціальнаго переворота.

Подпольная заговорщическая дѣятельность въ демократическомъ государствѣ является для анархистовъ столь же утопической, столь же преступной, бланкистской практикой, какъ и для любого соц.-д.-та.

Такимъ образомъ единственный прямой путь къ низверженію су-

ществующаго строя неволи, единственный путь свободный отъ компромиссовъ съ буржуазнымъ закономъ — *подпольный заговоръ для превращенія вспыхивающихъ столь часто и столь дурно рабочихъ стачекъ въ возстаніе, въ всемірную рабочую революцію* — лежитъ цѣликомъ за предѣлами ученія современнаго соціализма.

II

Соціалисты XIX стол. объявляютъ войну, они непримиримые революціонные противники *не по отношенію къ современному классовому строю неволи, не по отношенію къ буржуазному строю вообще, а лишь къ вырождающейся формѣ цивилизованнаго общества*, вырождающейся съ перваго момента развитія капиталистическаго производства, когда послѣднее еще не успѣло, по объясненію марксистовъ, обнаружить во всей силѣ своей прогрессивной роли и проявляетъ лишь свои темныя стороны. И именно по мѣрѣ развитія соціализма въ науку укрѣпляется и вырабатывается сознаніе соціалистовъ своей непримиримой враждебности только по отношенію къ уродливой формѣ современнаго общества, которую придала ему капиталистическая эксплуатація.

Какъ будетъ показано ниже, соціализмъ *какъ наука*, не можетъ выражать чего либо другого, кромѣ возстанія противъ «болѣзненныхъ ненормальностей» современнаго общества, а не противъ цивилизованнаго общества вообще.

Въ самомъ дѣлѣ — каковы по ученію соціализма причины, поводы соціалистическаго нападенія на современный строй?

Ухудшеніе положенія населенія съ наступленіемъ капиталистическаго производства, ухудшеніе въ сравненіи съ предыдущими формами общественнаго строя. *Безпорядочное* веденіе хозяйства, «анархія» въ производствѣ — неспособность современнаго общества обезпечить правильный и постоянный ходъ хозяйственной жизни страны.

Марксистское ученіе, предвѣщающее независимое отъ воли людей крушеніе капитализма, объективную для самого существованія общества необходимость соціализма, — марксистскій объективизмъ есть цѣлая система исключительно подобнаго рода доводовъ.

Соціалистическій строй становится необходмостью для всѣхъ ибо кризисы не даютъ возможности существовать обществу въ его прежнемъ видѣ. Не для низверженія современнаго общества, а для исцѣленія его отъ кризисовъ соціалисты возстаютъ противъ капиталистическаго строя, что совсѣмъ не означаетъ низверженія вѣкового строя неволи, а напротивъ укрѣпленіе его.

Дальше капиталистическій строй объявляется научными соціалистами негоднымъ еще и потому, что онъ не въ состояніи выполнить даже того, что въ силахъ были выполнить прежнія эпохи — рабочую силу онъ не умѣетъ занять, а растрачиваетъ ее въ *безработицахъ*.

Въ противоположность прошлому, капитализмъ, какъ худшая форма цивилизованнаго общества всѣ богатства сосредотачиваетъ въ рукахъ *горсти магнатовъ*. Онъ не только не даетъ возможности наиболѣе сильнымъ элементамъ изъ низшихъ классовъ надѣяться на улучшеніе своего положенія, онъ угрожаетъ самому ихъ существованію. Онъ экспропріируетъ самихъ капиталистовъ. Онъ *уменьшаетъ число имущихъ*. Это общеизвѣстное разсужденіе научнаго соціалиста: въ средніе вѣка было цвѣтущее крестьянство и ремесло; наиболѣе трудолюбивые подмастерья имѣли полную возможность разсчитывать на достиженіе положенія мастеровъ, наиболѣе способныя личности добиться привиллегированнаго положенія. Прежнія формы общества питали у порабощенныхъ надежду, что наиболѣе ловкіе, одинъ на сто, одинъ на тысячу вылѣзутъ въ господъ. Капитализмъ уничтожилъ эту надежду и этимъ обрекъ себя на гибель. Онъ неспособенъ умножать количество господъ.

Соціалисты противники существующаго строя, потому что онъ не умѣетъ вести раціональнаго хозяйства, потому что онъ не способенъ прогрессировать, потому что правители невѣжественны и неспособны идти въ ногу съ наростающими и развивающимися запросами жизни.

Все это «Комунистическій Маниф.» старается представить какъ можно ярче.

«Все болѣе становится очевиднымъ, что буржуазія неспособна оставаться господствующимъ классомъ... Она *неспособна къ господству*, потому что она не можетъ обезпечить своему рабу даже его рабскаго существованія, потому, что она вынуждена была довести его до такого состоянія, въ которомъ она должна кормить его, вмѣсто того, чтобы существовать на его счетъ. Общество не можетъ болѣе жить подъ ея властью.»

Довольно вспомнить сущность спора ортодоксовъ съ Бернштейномъ для подтвержденія всего вышесказаннаго нами.

Въ доказательство того, что нѣтъ смысла быть революціонеромъ въ Западной Европѣ, что соц.-дем.-ія, какъ защитница рабочаго класса, должна стать реформаторской, Бернштейну нужно было доказать что современный капитализмъ не представляетъ собою ухудшенія общественнаго строя по сравненію съ предыдущимъ. И всѣ ортодоксы сознавали, что существованіе научнаго соціализма тѣснѣйшимъ образомъ связано съ разрѣшеніемъ этого вопроса въ ту, или другую сторону. Низверженіе современнаго строя резонно и возможно лишь тогда, когда ему предстоитъ вырожденіе и безсиліе.

И Каушкій признаетъ это въ очень наивной формѣ. Если бы было правдой, разсуждаетъ онъ. все, что говоритъ Бернштейнъ если бы грозящій промышленному міру кризисъ навсегда исчезъ, если бы капитализмъ не убивалъ среднихъ класссовъ, если бы число имущихъ не уменьшалось, то не было бы смысла ниввергать существующій строй и вообще быть соціалистами. (Статьи противъ Бернштейна въ Vorwärts)

Вырожденіе господствующихъ классовъ для марксиста, да и для всякаго современнаго соціалиста является необходимой предпосылкой уничтоженія рабства. Разъ буржуазное общество способно къ развитію, его ниспроверженіе немыслимо. Нельзя стремиться къ насильственному перевороту, если не вѣрить самому и не убѣдить другихъ, что буржуазія слаба, что буржуазный строй неминуемо завтра же «самъ разложится».

Ортодоксы, которые чувствуютъ потребность удержать непримиримое отношеніе своей арміи лишь къ мѣшающимъ буржуазному прогрессу законамъ и властямъ (въ такое положеніе поставлена русская соц.-дем.-ія существованіемъ царизма) принуждены создавать вѣру въ неизбѣжное, немеденное «банкротство буржуазіи». И они это дѣлатъ, какія бы акробатскія штуки ни приходилось при этомъ выкидывать. Такъ Парвусъ, тотъ самый для котораго, какъ и для всякаго бернштейніанца, социалистическій переворотъ такъ безконечно далекъ, что въ Россіи возможна пока лишь буржуазная революція, тотъ же самый Парвусъ моментально, на цифрахъ докажетъ вамъ, что «катастрофа промышленности» и окончательное банкротство буржуазіи завтра же случится обязательно.

Свою революціонность, свою непримиримость марксизмъ надѣялся обезпечить за собой не своей дѣйствительно непримиримой борьбой со строемъ грабежа. Онъ докозывалъ лишь, что самъ историческій моментъ, сами законы человѣческаго общества, отъ людей независимые и выше людей стоящіе, — это воистину социалистическое провидѣніе, — присуждая буржуазное общество къ слабости и гибели, даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ ему возможность освободить весь міръ отъ неволи.

Но социалистическаго провидѣнія нѣтъ, никакихъ независящихъ отъ воли людей законовъ развитія общества нѣтъ. Нѣтъ силъ природы, которыя вознаграждали бы добрыхъ — угнетенныхъ за ихъ испытанія и наказывали бы неправедныхъ угнетателей за ихъ злыя дѣянія. Социалисты возмущаются и борются противъ ухудшенія классового строя *и ихъ борьба можетъ уничтожить только это ухудшеніе*, но не самый классовый строй.

И потому вопреки всѣмъ ожиданіямъ наивныхъ вѣрующихъ научный социализмъ содѣйствовалъ развитію буржуазнаго прогресса. И это все болѣе становится его собственнымъ глубокимъ сознаніемъ. Соц.-дем.-ія, по ея собственному убѣжденію, привлекаетъ къ себѣ всѣ жизнеспособные элементы современнаго буржуазнаго общества. Въ «Классов. интересахъ» Каутскій говоритъ:

... «Если соц.-дем.-ія сдѣлалась единственной партіей, еще борющейся за общественный прогрессъ, то она должна вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлаться партіей всѣхъ тѣхъ, которые стремятся къ дальнѣйшему развитію общества». (стр. 30, изд. Куклина).

...«Въ настоящее время только пролетаріатъ и его партія представляютъ интересы общественнаго прогресса, а вмѣстѣ съ тѣмъ и жизненные интересы всего общества». (стр. 31)

«Пролетарскіе интересы совпадаютъ въ настоящее время съ интересами націи». (стр. 11).

Точно также, какъ христіанская религія осудившая міръ зла, явилась освященіемъ его, социалистическія партіи, присудившія къ гибели существующій строй, явились, какъ ни хотятъ затушевать это ортодоксы, партіями буржуазнаго прогресса.

Социалистическая вѣра вдохновила своихъ приверженцевъ на борьбу за буржуазный прогрессъ, за развитіе и укрѣпленіе конституціонныхъ буржуазныхъ государствъ. Промышленная и политическая демократія, культурная работа въ муниципалитетахъ, кооперации и синдикаты подготовятъ рабочихъ къ социалистической жизни.

Непримиримые анархисты станутъ, конечно, утверждать, что буржуазный міръ зла развратилъ только соц-д-овъ, что ихъ паденіе, ихъ оппортюнизмъ является слѣдствіемъ ихъ участія въ современныхъ законодательныхъ органахъ. Они же, отрицающіе участіе въ политикѣ, предохранены отъ такого вырожденія.

Сказанное нами вначалѣ о сущности всего социалистическаго ученія XIX стол. доказываетъ всю тщетность надеждъ и увѣреній анархистовъ. Основа социалистическаго ученія, — формула обобществленія какъ панацея, — въ какой бы чистой формулѣ ее ни взять, сама по себѣ есть нападеніе лишь на одну изъ формъ грабежа, а не на самъ вѣковой грабежъ. Отъ анархистской доктрины, такъ какъ она точно также старается лишь сохранить давно открытое социалистическое евангеліе, ничего другого ожидать нельзя. И дѣйствитдльно, глава современнаго анархизма зоветъ всѣхъ въ революцію по тѣмъ же мотивамъ, что и научные социалисты. Въ «Распаденіи современнаго строя» читаемъ:

«Безсиліе правящихъ классовъ становится все поразительнѣе и очевиднѣе... Они давно забыли всѣ руководящія начала...» (стр. 4)

«Вѣчно боясь, вѣчно дрожа за свое богатство, вѣчно оглядываясь назадъ и не смѣя взглянуть впередъ, *они оказываются рѣшительно неспособными внести въ народную жизнь что бы то ни было прочное и полезное*». (стр. 5).

«Всѣхъ ихъ гложетъ одна болѣзнь: болѣзнь старчества». (стр. 9)

«Если бы правящіе классы могли понять это положеніе дѣлъ, они конечно пошли бы на встрѣчу новымъ стремленіямъ. Но, состарившись въ преданіяхъ прошлаго, не уважая ничего, кромѣ туго набитаго кошеля и не понимая ничего, кромѣ власти, держащей народъ въ полномъ повиновеніи,—они всѣми силами мѣшаютъ новому теченію мысли пробиться наружу». (стр. 10)

«И вотъ рабочіе западной Европы начинаютъ понимать полнѣйшую неспособность—не только государства, не только королей и парламентовъ, но всѣхъ правящихъ, богатыхъ и образованныхъ сословій вообще. Они видятъ ихъ неспособность понять народныя нужды, ихъ *неспособность обезпечить рабочему благосостояніе въ уплату за его тяжелый трудъ*.» (Стр 8. Курсивъ нашъ.)

Какъ подъ знаменемъ научнаго социализма, такъ и подъ знаменемъ анархизма «рабочіе Западной Европы» дѣлаютъ нападеніе на «правящіе классы» потому, что послѣдніе болѣе «неспособны» «управлять промышленностью», потому что они состарѣлись безповоротно. Позиція анархизма по отношенію къ вѣковому строю грабежа, какъ видитъ читатель, ничуть не враждебнѣе позиціи столь многогрѣшныхъ «парламентскихъ социалистовъ».*) Напротивъ, глава современнаго анархизма, хоть онъ и противникъ всякаго правительства, обнаруживаетъ по отношенію къ «правящимъ классамъ» такую дѣтскую наивность,

---

*) Единомышленникъ Кропоткина говоритъ:... «Даже еслибы нашему идеалу не было бы и вовсе суждено осуществиться, онъ тѣмъ не менѣе *полезенъ для развитія общества*. Онъ — путеводная звѣзда прогресса, онъ показываетъ ему и цѣль, къ которой онъ долженъ стремиться, и препятствія, которыя могутъ отклонить его отъ должнаго пути; личности-же онъ показываетъ что должна она дѣлать,

какой не найдешь уже у «падшихъ» соц.-дем.-овъ. Онъ думаетъ, что «если бы правящіе классы» не «состарѣлись» и «могли понять положеніе дѣлъ», «они, конечно, пошли бы навстрѣчу новымъ стремленіямъ»; «внесли бы въ народную жизнь» много «прочнаго и полезнаго», «обезпечили бы рабочему благосостояніе, въ уплату за его тяжелый трудъ», «поняли бы народныя нужды». Приходится прямо недоумѣвать, — на какомъ основаніи Кропоткинъ объявляетъ себя и свое ученіе враждебнымъ *всякому* правительству въ то время, какъ обосновано въ его ученіи возмущеніе *лишь противъ состарившихся* правящихъ классовъ. Всѣ прогрессивныя правительства, выступавшіе на разъ въ историческомъ развитіи, правительства, «понимавшія» новыя стремленія, понимали, по его мнѣнію, вмѣстѣ съ тѣмъ народныя нужды и обеспечивали народнымъ массамъ благосостояніе.

если она настолько энергична, что желаетъ стать свободной и счастливой. («Будущее общество» неоконч. русскій переводъ стр. 84)

Если на основаніи этой цитаты читатель захочетъ сравнивать степень «соціалистичности» и «революціонности» анархизма съ буржуазными, антиреволюціонными соціальдемократами, то не окажется возможности поставить анархистскаго учителя рядомъ даже съ Бердяевымъ, который въ своей книгѣ «Субъективизмъ и индивидуализмъ» считаетъ нужнымъ упрекать бернштейніанцевъ въ филистерствѣ за допущеніе мысли о «неосуществимости соціалистическаго идеала». Въ дѣйствительности, взглядъ на роль «конечной соціалистической цѣли», подобный выше приведенному взгляду извѣстнаго теоретика анархизма, можно найти только у самыхъ благонадежныхъ буржуазныхъ философовъ. Если взять книгу Штаммлера «Хозяйство и право», то вышеприведенную цитату анархиста окажется вполнѣ возможнымъ вставить въ любое мѣсто проповѣди нѣмецкаго профессора о «соціальномъ идеализмѣ».

Сходство взглядовъ доходитъ даже до полной тождественности въ выраженіяхъ объ «идеалѣ — путеводной звѣздѣ» въ «развитіи общества», въ преслѣдованіи «личностью» «свободы и счастья».

Въ Штаммлерѣ указанные взгляды никого, конечно, не удивляютъ; но какимъ образомъ ученіе Жана Грава не удивляетъ тѣхъ его учениковъ, которые усвоили себѣ привычку нападать на соц.-дем.-ій оппортюнизмъ, является вопросомъ очень интереснымъ.

Соціалисты и анархисты обѣщали рабочимъ въ соціалистическомъ идеалѣ освобожденіе отъ рабства. И вдругъ учитель анархизма совѣтуетъ тѣмъ же рабочимъ не настаивать черезъ-чуръ на осуществленіи «идеала» и цѣль свою — освобожденіе отъ рабства — превратить какъ бы въ «путеводную звѣзду», которой моряки руководятся въ своихъ путешествіяхъ, но достигнуть которую могутъ захотѣть лишь въ своихъ безумныхъ мечтаніяхъ. (Штаммлеръ)

Когда вышеприведенный взглядъ Жанъ Грава въ лагерѣ антиреволюціонеровъ — соц.-дем.-овъ высказалъ Бернштейнъ, то «государственники», по крайней мѣрѣ, хоть шумъ подняли и рѣшили хоть обуздать Бернштейна. Въ лагерѣ непримиримыхъ анархистовъ происходитъ та же, что и въ соц.-дем.-іи эволюція-легализація, примиреніе съ существующимъ строемъ, планы развитія этого строя, — но она происходитъ безъ всякаго шума, безъ всякаго скандала и бернштейніанецъ, Жанъ Гравъ все еще считается проповѣдникомъ самой крайней анархистской непримиримости.

А что если современныя «состарѣвшіеся» правящіе классы будутъ замѣнены новыми, молодыми, не безсильными и не невѣжественными? Вѣдь тогда исчезаетъ и резонъ и возможность дѣлать революцію, свергать правительства, быть анархистомъ. Этотъ роковой исходъ стоитъ передъ анархизмомъ въ той же силѣ, какъ передъ научнымъ соціализмомъ, какъ передъ всѣмъ соціализмомъ истекшаго столѣтія вообще. Не разъ въ исторіи низвергались революціями «состарѣвшіеся» правящіе классы, для того чтобы дать мѣсто новымъ. Гдѣ же гарантія, что правящіе классы перестанутъ существовать вообще?

Гарантіей могло бы служить лишь *сознательное стремленіе порабощенныхъ массъ къ низверженію всякихъ правящихъ классовъ, ретроградны ли они, или прогрессивны*.

Но вѣдь возстаніе современныхъ рабовъ возникло, по толкованію соціалистовъ, не по поводу существованія правящихъ классовъ вообще, а ихъ вырожденія, значитъ пока имѣется лишь реальная сила возмущенія и борьбы противъ застоя и вырожденія господствующаго общества. Гдѣ же сила низвергающая вообще господствующее общество?, уничтожающая само существованіе правящихъ классовъ? —Это сила нечеловѣческая, это историческое предопредѣленіе, которое протестъ противъ вырожденія и слабости современнаго строя, въ нашъ вѣкъ обѣщаетъ превратить въ борьбу противъ господства вообще. Марксисты стараются развить эту вѣру путемъ «научныхъ», «экономическихъ» измышленій и обѣщаній, анархизмъ — просто религіозной проповѣдью анархическаго идеала.

Подобно тому какъ христіанская вѣра не создаетъ ни іоты царства небеснаго на землѣ, а укрѣпляетъ лишь и освящаетъ строй гра-

---

Ученики Жанъ Грава скажутъ, что ихъ учитель имѣетъ то преимущество передъ Бернштейномъ, что не перестаетъ говорить о революціи. Такъ, непосредственно за вышеприведеннымъ мѣстомъ мы читаемъ: «При теперешнемъ положеніи дѣлъ, революція рождается эволюціей; она роковой фазисъ, черезъ который намъ предстоитъ пройти»... Но не надо забывать, что въ настоящее время, благодаря протесту ортодоксовъ, даже и Бернштейнъ сообразилъ, что «революціи» изъ виду упускать нельзя, и всѣ бернштейніанцы и жоресисты въ той же мѣрѣ, какъ и Жанъ Гравъ, угрожаютъ буржуазіи революціей. Если начатую фразу прочесть до конца, то увидимъ, что «революціонность» Жанъ Грава воздвигнута на томъ же пескѣ, что и у всѣхъ оппортунистовъ ... «и мы можемъ прибавить, что *она* (революція) *необходима еще для того, чтобы спасти человѣчество отъ регресса, къ которому влечетъ его эволюція буржуазнаго общества.*» (Курсивъ здѣсь и выше нашъ.)

Итакъ, если анархистскій учитель съ самаго начала сказалъ намъ, что соціалистическій идеалъ необходимъ для развитія существующаго общества, то теперь онъ говоритъ, что революція необходима для спасенія его отъ вырожденія.

Ту сущность соціализма, которую мы стараемся въ нашемъ очеркѣ раскрыть, Жанъ Гравъ высказываетъ намъ самымъ откровеннымъ образомъ. Онъ революціонеръ, поскольку буржуазное общество вырождается. Если же оно прогрессируетъ, онъ не только не думаетъ его низвергать, а самъ же станетъ его собственными руками развивать съ помощью своей «путеводной звѣзды — соціалистическаго идеала.»

бежа, точно также и социалистическое вѣроисповѣданіе не создаетъ соціалистическаго рая, а способствуетъ лишь буржуазному прогрессу, нарожденію тѣхъ новыхъ, молодыхъ правящихъ классовъ, отсутствіе которыхъ вызало его на борьбу.

Соціализмъ XIX стол. старается вникнуть лишь въ явленія слабости, въ процессъ разложенія современной формы господства. Отъ этого, понятно, ничуть еще не раскрывается тайна господства вообще. Онъ доказываетъ лишь негодность современнаго правящаго общества, — этимъ еще не доказана «негодность», паразитизмъ и грабежъ всѣхъ выступающихъ въ исторіи господъ. Напротивъ, марксизмъ ставитъ главной своей задачей доказать, необходимость для человѣческаго общежитія всѣхъ выступавшихъ въ исторіи господствующихъ классовъ, а глава анархизма склоняется, какъ мы видѣли, къ мысли, что правящее общество могло бы «понять народныя нужды», «обезпечить народу благосостояніе» и повидимому оно это уже дѣлало.

Стало быть, соціализмъ XIX стол. не вскрываетъ и не хочетъ вскрыть основы всякаго — не только слабаго и сильнаго — господства. Онъ не сознаетъ и не хочетъ призна[ть] и увидѣть грабежъ въ самомъ существованіи господъ на всемъ пр[отя]женіи исторіи.

Не въ его силахъ и не въ его желаніи создать настоящія, реальныя, человѣческія предпосылки паденія вѣкового строя грабежа и насилія. — А между тѣмъ его главная задача — пріобрѣсти довѣріе массъ и создать въ нихъ непоколебимую вѣру, что именно соціализмъ есть путь къ низверженію строя грабежа. И тутъ-то передъ нимъ выростаетъ спеціальная задача — внушить увѣренность въ наступленіе соціалистическаго рая, «независимое отъ воли» людей, предопредѣленное историческимъ ходомъ, вытекающее изъ объективныхъ историческихъ законовъ.

Это обычная задача всякой религіи, и соціалистическая религія выполнила ее блестяще. Отъ изобрѣтенія различныхъ сверхъестественныхъ сущностей, отъ изобрѣтенія новаго вида провидѣнія не предохранила соціалистовъ позитивная, атеистическая наука XIX столѣтія. Напротивъ—въ тотъ же моментъ, когда соціализмъ почувствовалъ непреодолимую потребность стать открывающей и предугадывающей законы общественнаго развитія наукой, въ тотъ же моментъ и этимъ же самымъ онъ рѣшился создавать религіозныя фикціи. Соціалистическая наука принесла тѣ же плоды, что и наука языческихъ жрецовъ и христіанскихъ теологовъ.

Анархисты стараются показать ,что наука марксистовъ оказалась столь гибельной для революціоннаго соціализма потому, что воспользовалась не истинными основами и методами современной науки, а отжившей метафизикой и главнымъ образомъ похороненнымъ ученіемъ гегельянцевъ. Анархисты, напротивъ, положили въ основу своего ученія строгій позитивизмъ, настоящій научный методъ естественныхъ наукъ, индуктивно-дедуктивный методъ, предохраняющій отъ всякой метафизики и гарантирующій безошибочность соціалистическому ученію.

Въ виду этого взглянемъ еще разъ на главные выводы «научнаго анархизма». Мы при этомъ убѣдимся, что методъ естественныхъ наукъ» какимъ то фатальнымъ образомъ вводитъ насъ въ область мечтаній фразъ и фикцій; доходя до тѣхъ же, что и марксизмъ усыпляющихъ и обуздывающихъ выводовъ, онъ очень часто увлекаетъ насъ въ гораздо болѣе туманные сферы, нежели марксизмъ. Мы еще разъ увидимъ, что съ революціонною непримиримостью анархистской доктрины происходитъ какое то невѣроятное недоразумѣніе. Мы убѣдимся, наконецъ, что своимъ стремленіемъ къ «научности» у анархи-

стовъ также, какъ и у марксистовъ соціализмъ не выходитъ изъ области вѣрованій, а, напротивъ,—соціалистическая наука, именно своимъ стремленіемъ къ научности, объективности, общеобязательности, выполняетъ общую всѣми религіямъ функцію. Намъ придется имѣть дѣло главнымъ образомъ съ тѣмъ же Кропоткинымъ, какъ важнѣйшимъ представителемъ анархистской науки,

III

Весь анархистскій революціонизмъ Кропоткина, стремящійся якобы къ непосредственному низверженію вѣковой неволи, основывается на мечтаніяхъ о чудодѣйственномъ *народномъ творчествѣ*, которое въ одинъ прекрасный день, на основѣ общечеловѣческой солидарности построитъ, по анархистскимъ, конечно, принципамъ, соціалистическій, рай, лишь бы только свергнуть существующія централизованныя правительства и не дозволить «властолюбивому меньшинству» занять ихъ мѣсто.

«Основаніемъ всякой истинно-революціонной программы должны быть народные идеалы, *какъ ихъ создала исторія въ данное время и въ данной мѣстности.*»

Этотъ главный пунктъ землевольческой программы (написанной вѣроятно Плехановымъ) — составляетъ до сихъ поръ основу Кропоткинскаго ученія, въ его примѣненіи не только къ Россіи, но и ко всѣмъ цивилизованнымъ странамъ.

Какъ показала практика русскихъ революціонеровъ, эти народническія мечтанія не въ состояніи вызвать *никакого* революціоннаго движенія. Но въ анархистскомъ ученіи Кропоткина они играютъ опредѣленную роль, совершаютъ реальное дѣло: идеализируютъ всю истекшую исторію и вмѣстѣ съ тѣмъ существующій строй неволи.

Дѣло въ томъ, что «народное творчество» можетъ оказаться чудодѣйственнымъ въ созданіи будущаго идеальнаго строя лишь въ томъ случаѣ, если оно на протяженіи всей исторіи не бездѣйствовало. И дѣйствительно. —

«Во всѣ времена ... народныя массы вырабатывали въ видѣ обычая, рядъ учрежденій, необходимыхъ для того, чтобы общественная жизнь была возможна... *ради обезпеченія равенства, мира и взаимной поддержки...* Этой созидательной творческой народной дѣятельностью... вырабатывались въ прошломъ *всѣ учрежденія общежитія.*» (Кропоткинъ «Современная наука и анархизмъ» стр. 6-9. Курсивъ нашъ).

Итакъ, несомнѣнно, во всѣ времена «народъ» стремился къ «равенству» и благодаря его «созидательной дѣятельности» извѣстныя намъ историческія «учрежденія общежитія» имѣютъ цѣлью удовлетвореніе потребностей членовъ общества.

Для пониманія этой исторической перспективы анархистскаго ученія, надо, читатель, непремѣнно не упускать изъ виду, что рѣчь идетъ не столько о дѣйствительно происходившихъ событіяхъ, сколько о праздничныхъ мечтаніяхъ всѣхъ вѣковъ, при чемъ послѣдніе полезно прикрашивать мечтаніями современности. Это необходимо, иначе никакого смысла не получится. Въ самомъ дѣлѣ, если взять для при-

мѣра то «учрежденіе общежитія», которое составляло на протяженіи тысячелѣтій основу цивилизаціи древности, то получится, что «созидательная творческая дѣятельность», напр., греческаго народа «ради обезпеченія равенства»... сковала цѣпи для рабовъ.

Идеализмъ, присущій всему соціализму XIX стол. выступаетъ въ анархистской доктринѣ въ концентрированномъ видѣ. Она предлагаетъ для скорѣйшаго достиженія соціалистическаго рая цѣлую систему всеобщаго самообмана и самоусыпленія. Въ этомъ отношеніи, другіе теоретики анархизма, Жанъ Гравъ, Малатеста и пр. не останутся позади Кропоткина. Анархистское ученіе ставитъ себѣ цѣлью извлечь изъ всей исторіи чистый элементъ общественности, общественной солидарности, взаимопомощи, найти его происхожденіе не только въ глубинѣ человѣческой психики но и въ инстинктахъ самой животной жизни, доказать вопреки дарвинистамъ, что доминирующимъ факторомъ въ царствѣ животныхъ, какъ и въ исторіи человѣческихъ обществъ, является не «борьба», а «солидарность». *) Эксплуатація и неволя не исчезаютъ потому, что люди не хотятъ повѣрить въ возможность существованія общества на началахъ противоположныхъ современному индивидуализму. Анархистская проповѣдь имѣетъ цѣлью укрѣпить эту вѣру. И анархистскіе теоретики не замѣчаютъ, какъ они превращаются въ истыхъ моралистовъ и проповѣдниковъ. Ихъ благочестивая соціалистическая вѣра не даетъ возможности увидѣть весь размѣръ неволи порабощенныхъ массъ, всю силу господства эксплуататоровъ. Послѣднее является какимъ то болѣзненнымъ извращеніемъ человѣческой природы, случайнымъ заблужденіемъ всего человѣчества. **)

Религіозное отношеніе анархистскихъ мыслителей къ «солидарности» заставляетъ ихъ молиться передъ этимъ сокровищемъ человѣческой души даже тогда, когда оно является братствомъ господствующихъ и эксплуататоровъ. Какъ самый заурядный демократъ — республиканецъ Кропоткинъ восхищается «коммунизмомъ» купцовъ «Великаго Новгорода» и буржуазіи средневѣковыхъ городовъ, восхищается «общественностью» древнихъ грековъ, совершенно забывая, что это солидарность рабовладѣльцевъ, смотритъ на ихъ республиканскія государства, какъ на безгосударственныя общины. И, наконецъ, въ его дѣтской схемѣ историческаго развитія, изложенной напр. въ «Современная наука и анархизмъ», всѣ соціалистическіе и анархическіе взгляды превращаются въ самую обыкновенную демократическую формулку. «Во всѣ времена» у анархистскаго мыслителя существуютъ, какъ у всякаго демократа, только такіе два основныхъ антагонизма — *«правительство»* и *«народъ»*. Народъ творилъ равенство, «власть, насѣвшая на общество» портила хорошее дѣло. Да и то не всегда, какъ оказывается, а тольковъ моменты реакціи, наканунѣ революцій...

«Затѣмъ во всѣ времена происходило также и то, что учрежденія, — даже самыя прекрасныя по своей первоначальной цѣли, выработанныя сперва людьми ради обезпеченія равенства, мира и взаимной поддержки, — *со временемъ окаменѣвали*, утрачивали свой первоначальный смыслъ, подпадали подъ иго властолюбиваго меньшинства *и становились, наконецъ, стѣсненіемъ для личности*, въ ея стремленіяхъ къ дальнѣйшему развитію». (l. с. стр. 7.)

Тогда наступало время революцій. Читатель, знакомый съ предисловіемъ Маркса къ «Zur Kritik der pol. E.» вспомнитъ, конечно, при чтеніи только что приведенной цитаты, фразу основателя научнаго соціализма о томъ, что наканунѣ политическихъ переворотовъ общественныя формы изъ формъ развитія производительныхъ силъ общества, становятся тормазомъ ихъ. Общеизвѣстно, какое значеніе придаютъ этому положенію современные научные соціалисты, сводящіе всю свою теорію «экономическаго матеріализма» къ ученію о закономѣрности историческаго развитія производительныхъ силъ и производственныхъ нуждъ цивилизованнаго общества. Книжка Бельтова о монистическомъ взглядѣ на исторію имѣетъ цѣлью доказать, что это положеніе, въ видѣ реалистическаго и матеріалистическаго приложенія гегельянской правды о томъ, какъ все хорошо на своемъ мѣстѣ и все истинно для своего времени, — что это положеніе представляетъ основную мудрость марксистской философіи. И вотъ эта мнимая панацея реалистическаго мышленія, эта гарантія противъ всякаго утопизма оказывается въ полной наличности у мыслителя, котораго сами марксисты считаютъ идеалистомъ и утопистомъ. Кропоткину незачѣмъ стараться уяснить себѣ историческій процесъ, какъ «экономическую» классовую борьбу въ человѣческомъ обществѣ за владѣніе богатствами, о чемъ онъ до сихъ поръ никакого понятія не имѣетъ, какъ свидѣтельствуютъ первыя страницы его только что упомянутой брошюры. Для присоединенія его къ современнымъ «матеріалистическимъ» научнымъ соціалистамъ, отъ него потребуется лишь побольше болтать по марксистски о томъ, что со всѣми существовавшими общественными формами дѣло обстояло точно также, какъ со всѣми потребляемыми вещами: хороши пока новы, — плохи, когда состарѣются.

---

*) Въ своей брошюрѣ «Анархія» Малатеста говоритъ: «Достаточно констатировать, какъ въ человѣчествѣ кооперація — *вынужденная ли*, или добровольная, сдѣлалась единственнымъ средствомъ прогресса, совершенствованія, безопасности, и какимъ образомъ борьба, какъ атавизмъ — сдѣлалась совершенно неспособной содѣйствовать благосостоянію индивидуумовъ, а, напротивъ, причиняетъ зло всѣмъ, побѣдителямъ также какъ и побѣжденнымъ». (Стр. 22. курсивъ нашъ).

Не смотря на всѣ благочестивыя усилія анархиста не дать затеряться добру въ человѣчествѣ и его исторіи, міръ зла фатально торжествуетъ и увлекаетъ самого прекраснодушнаго проповѣдника. Онъ считаетъ абсолютнымъ зломъ «борьбу» и «принужденіе». Но такъ какъ онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, сторонникъ всякой, даже «принудительной», «вынужденной» кооперація, какъ единственнаго «пути прогресса», то, наперекоръ своему абсолюту, онъ тутъ же прославляетъ ту борьбу и принужденіе, плодомъ которыхъ является вынужденная кооперація.

**) «Въ настоящее время человѣкъ... долженъ признать, что предки его шли по ложной дорогѣ, когда они избивали, грабили, эксплуатировали другъ друга, онъ долженъ вернуться къ солидарности, зародыши которой не могли вытравить въ немъ тысячелѣтія междоусобной борьбы.» (Жанъ Гравъ. «Будущее общество» стр. 26 русскаго неоконченнаго перевода.)

Такимъ именно путемъ по призыву Бельтовыхъ превратилась поголовно въ марксистскую вся народническая и субъективистская интеллигенція, такимъ путемъ выросла воспитанная ортодоксами — Плехановыми и Тулиными — славная плеяда такихъ пролетарскихъ идеологовъ какъ Струве, Туганъ — Барановскій, Булгаковъ, Бердяевъ, объявившихъ вскорѣ, когда они сочли это своевременнымъ, о томъ, что ортодоксальная «классовая точка зрѣнія» есть субъективизмъ и утопизмъ. Они согласились на сотрудничество съ Бельтовыми не ради развитія классовой точки зрѣнія, а ради проповѣдуемой Бельтовыми и обуздывающей классовую борьбу марксистской теоріи объективизма, теоріи производственныхъ нуждъ и законовъ.

То обстоятельство, что главный выводъ этой теоріи находится въ обладаніи мыслителя, и не думающаго даже понимать исторію какъ «классовую экономическую борьбу», возможно только потому, что въ основѣ «матеріалистической» теоріи производственныхъ нуждъ положена та же, чисто идеалистическая фикція, на которой построена и Кропоткинская историческая схема. Какъ Марксъ, такъ и Кропоткинъ относительно всѣхъ существовавшихъ «формъ общежитія» единогласно учатъ насъ, что онѣ были достойны низверженія *лишь тогда*, когда «устарѣли» (Марксъ) «окаменѣли» (Кропоткинъ). Но въ моментъ возникновенія всѣ эти «формы общежитія» были «формами развитія производительныхъ силъ общества», «формами удовлетворенія производственныхъ нуждъ» (Марксъ). воздвигались «ради обезпеченія равенства, мира и взаимной поддержки между людьми» (Кропоткинъ).

Цивилизація на протяженіи всѣхъ вѣковъ ея развитія не знаетъ никакихъ «формъ общежитія» *внѣ* средневѣковаго рабства, *внѣ* крѣпостнаго права среднихъ вѣковъ, *внѣ* современнаго рабства наемныхъ ручныхъ рабочихъ. Но соціалистическая наука, какъ марксистская, такъ и анархистская, умѣетъ тѣмъ не менѣе на протяженіи этой цивилазиціи открыть въ формахъ рабства нужную ей фикцію *единаго* общества, развивающагося согласно *общественнымъ* нуждамъ, согласно нуждамъ всѣхъ членовъ общества, умѣетъ установить фикцію *единаго* человѣчества, движущагося на протяженіи вѣковъ согласно *одщечелчеловѣческимъ* потребностямъ.

Когда благочестивая соціалистическая вѣра со своими сказками о томъ, какъ «во всѣ времена» «народъ творилъ» «всѣ формы общежитія», сталкивается съ рабочимъ движеніемъ, пытаясь овладѣть имъ, она становится по необходимости марксистской. Передъ лицомъ возстающихъ рабовъ современнаго общества, она принуждена признать, что цивилизованное общество есть «классовое государство». Но раскрыть эту тайну она согласилась лишь тогда, когда оказалась возможность не лишиться при этомъ фикціи *единаго общества и единаго человѣчества*, а напротивъ — *перенесеніемъ ея въ область безсознательнаго* — еще болѣе укрѣпить всемогущество независимыхъ отъ воли людей законовъ общечеловѣческаго производства и непререкаемаго историческаго хода вещей.

Анархистская теорія не спѣшитъ вслѣдъ за марксизмомъ компрометировать исторію неприличными намеками, будто историческій ходъ есть непрерывный рядъ звеньевъ, изъ которыхъ каждое...—классовое господство. Но подчинять, по примѣру марксистовъ, возмущеніе рабовъ современнаго общества научному контролю, историческимъ законамъ, анархистская теорія, хотя и противникъ всякихъ законовъ, считаетъ дѣломъ очень нужнымъ и полезнымъ. Сладкозвучная пѣсня о величественной солидарности, пріобрѣтая, научную глубину, становясь общественной наукой, работаетъ въ томъ же направленіи, какъ и марксизмъ, какъ и вся современная соціологія.

И вотъ результаты всѣхъ этихъ научныхъ трудовъ. Цивилизованное общество — государство изъ организаціи неволи превращено въ «форму общежитія», имѣющую цѣлью удовлетвореніе потребности всѣхъ членовъ общества. Историческій ходъ, какъ выраженіе общечеловѣческихъ нуждъ и потребностей, какъ выраженіе воли человѣчества, возведенъ на высоту непререкаемаго судилища, передъ которымъ должно смиряться все.

Анархистская теорія, хотя ходячее о ней мнѣніе считаетъ ее воплощеніемъ непримиримаго возмущенія противъ всякаго гнета, никогда до сихъ поръ, — также какъ и научный соціализмъ, — въ бунтахъ рабовъ всѣхъ эпохъ не разслышала возмущенія противъ историческаго хода, присуждающаго большинство человѣчества къ рабству. Она никогда, какъ и марксизмъ, не хотѣла досмотрѣть, что историческому ходу противостоитъ подавленная жизнь громаднаго большинства человѣческихъ существъ, рождавшихся въ каждомъ изъ существовавшихъ до сего поколѣній. Анархистамъ, какъ и марксистамъ и въ голову не приходитъ, что существующую неволю можетъ упразднить лишь возмущеніе и недовольство, рождающее бунтъ противъ историческаго хода, по законамъ и велѣніямъ котораго до сихъ поръ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, неволя подлежащая разрушенію лишь укрѣплялась.

Рабочая революція есть нѣчто отличное и отъ научнаго соціализма и отъ научнаго анархизма. Рабочая революція есть неотвратимое слѣдствіе того факта, что «историческій ходъ» является выраженіемъ воли захватившаго всѣ богатства и господствующаго меньшинства, что этотъ историческій ходъ приговариваетъ до сихъ поръ большинство человѣчества рождаться въ рабствѣ, въ положеніи нисшей рассы. Рабочая революція есть возстаніе рабовъ современнаго общества противъ историческихъ законовъ, которыя до сихъ поръ весь земной шаръ превращаютъ для нихъ въ тюрьму.

Но анархистскій, марксистскій и всякій другой ученый старается «*открыть, прежде всего*, путемъ изученія современнаго общественнаго строя, его стремленія, *его направленіе, свойственныя ему въ данный моментъ развитія*, и указать эти стремленія» (Анарх. ея фил. и т. д. стр. 58).

«Анархизмъ представляетъ собою попытку приложить обобщенія, добытыя естественно-научнымъ индуктивнымъ методомъ, къ оцѣнкѣ человѣческихъ учрежденій, и *угадать на* основаніи этой оцѣнки *дальнѣйшіе шаги человѣчества на пути свободы равенства и братства*. (Совр. наука и ан., стр. 62).

Рабское положеніе рабочихъ массъ всего міра, интересы жизни и человѣческаго существованія порабощеннаго большинства — всего этого еще недостаточно, чтобы занять высокій умъ ученыхъ опекуновъ историческаго процесса и современнаго строя, все это, само по себѣ, недостаточный и недостойный мотивъ для ихъ мыслей и дѣлъ. Они ищутъ въ настоящее время столь же неутомимо, какъ и во всѣ прошедшіе вѣка, достойнаго предмета своихъ изслѣдованій, они ищутъ

для человѣческаго общества законовъ божескихъ, законовъ природы, законовъ вселенной. И столь же успѣшно, какъ во времена языческихъ жрецовъ и христіанскихъ теологовъ, изъ ихъ великихъ затѣй получается лишь пустословіе паразитовъ на тѣлѣ рабовъ современной каторги ручного труда, лишь краснобайство и, прежде всего — укрѣпленіе существующаго рабства, обуздываніе мысли и воли массъ призрачнымъ величіемъ и авторитетомъ касты ученыхъ сверхъ - человѣковъ.

IV

Главная заслуга, которую хочетъ приписать себѣ марксистскій соціализмъ, состоитъ якобы въ раскрытіи имъ утопичности первоначальнаго соціализма, въ опредѣленіи ея источника, въ предохраненіи рабочей программы отъ утопическихъ заблужденій первыхъ соціалистовъ. Предыдущая наша глава показываетъ, что эта претензія научныхъ соціалистовъ, по меньшей мѣрѣ, преждевременна. Марксисты, хотя и объявляютъ войну тому утопизму, которымъ отличается всякій анархистскій теоретикъ, не въ силахъ однако упразднить этотъ утопизмъ въ корнѣ. Открыть его источникъ не въ состояніи никакой, марксистъ и всѣ попытки научныхъ соціалистовъ въ этомъ направленіи особымъ успѣхомъ похвалиться не могутъ.

Плехановъ, написавшій такъ много объ утопизмѣ, какъ въ своей полемической брошюрѣ противъ анархизма, такъ и въ своей легальной книгѣ противъ народниковъ, пытается не безъ основанія привести и тѣхъ и другихъ въ идейную связь съ первыми утопистами и энциклопедистами. Но общій всѣмъ указаннымъ теченіямъ источникъ утопизма схваченъ имъ очень поверхностно и ударъ наносимый, какъ русскому народническому соціализму, такъ и анархизму такъ легковѣсенъ, что лишь обтесываетъ утопизмъ, ничуть не упраздняя его. Напротивъ, обтесанному и исправленному утопизму предоставляется спокойное дальнѣйшее существованіе и при томъ, что самое главное, не только у противниковъ Плеханова, но и у самихъ марксистовъ.

Источникъ утопизма по мнѣнію Плеханова заключается въ томъ — общемъ и просвѣтителямъ и первымъ соціалистамъ — убѣжденіи, по которому для человѣчества существуетъ совершенный, идеальный строй, соотвѣтствующій человѣческой природѣ, долженствующій быть открытымъ при посредствѣ разума и не открытый до сихъ поръ по винѣ человѣческихъ заблужденій. Этому утопизму только научный соціализмъ въ состояніи противопоставить свое единственно вѣрное ученіе о томъ, что для измѣняющейся человѣческой природы нѣтъ неизмѣннаго идеальнаго строя, что всякій строй хорошъ въ свое время и на своемъ мѣстѣ

Если формулированный Плехановымъ упрекъ попадаетъ въ энциклопедистовъ, то по отношенію къ анархистамъ и русскимъ народникамъ онъ попадаетъ чаще всего въ просакъ. Всѣ народники и хранители идей 70-хъ годовъ, не только революціонные народовольцы, но и просто мирные либеральные господа, послѣ того, какъ Бельтовъ провозгласилъ, какъ основу пролетарскаго ученія, эту Гегелевскую правду, стали прямо носиться съ «историзмомъ», «исторической преемственностью» и старались показать, что если только въ этомъ вся требующаяся отъ нихъ мудрость классоваго ученія, то они сами знаютъ ее не хуже «настоящихъ учениковъ».

Что касается анархистовъ и въ частности Кропоткина, то, какъ мы уже видѣли, онъ тоже самъ знаетъ философскую основу пролетарской историософіи. Во всѣ времена, учитъ онъ, всѣ учрежденія общежитія создавались народомъ, народнымъ творчествомъ ради обезпеченія міра, взаимной поддержки, равенства и свободы. Самыя прекрасныя при своемъ возникновеніи, они съ теченіемъ времени старѣлись, окаменѣвали, становились помѣхой дальнѣйшему развитію и низвергались въ революціяхъ.

Въ такихъ словахъ утопистъ Кропоткинъ формулируетъ, во всей полнотѣ, доступную якобы только пролетарскому марксизму историко—философскую основу научнаго соціализма; врагъ діалектики формулируетъ основной пунктъ діалектическаго матеріализма. Это значитъ, во первыхъ, что современные ученые соціалисты черпаютъ эту безусловную, признаваемую всѣми оттѣнками соціализма истину не изъ Гегеля только, какъ единственнаго ея источника, а изъ себя самихъ, изъ собственнаго своего отношенія къ цивилизованному обществу и его исторіи, отношенія, оказывающагося у нихъ въ этомъ основномъ пунктѣ, тождественнымъ съ отношеніемъ къ этому обществу прусскаго королевскаго патріота. Это значитъ во вторыхъ, что формулируя антиутопическую основу реалистическаго марксизма, глава анархизма ни на іоту не колеблетъ этимъ своего утопизма, который въ самой этой формулѣ такъ и остается во всей своей дѣвственной чистотѣ, поучая насъ о томъ, что всѣ учрежденія въ исторіи создавались ради всеобщаго равенства и свободы. Утопизмъ анархистскаго ученія для премудрой марксистской критики неуловимъ. Онъ всегда умѣетъ провести ее, — удовлетворивъ самымъ строгимъ требованіямъ ея научности, онъ по прежнему остается живъ и невредимъ.

Выше мы отмѣтили тотъ пунктъ анархистской науки, въ которомъ обнаруживается ея непосредственное схожденіе съ марксизмомъ. Намъ предстоитъ теперь болѣе подробно остановиться на тѣхъ ея пунктахъ, которые, повидимому, представляютъ наибольшее съ нимъ расхожденіе и даже считаются обыкновенно полною его противоположностью, какъ наиболѣе яркое проявленіе утопизма.

«Въ теченіи трехъ послѣднихъ вѣковъ» происходитъ «развитіе индивидуализма»... «Большинство людей думали... что обезпечивъ себя, каждаго порознь, человѣкъ сможетъ вполнѣ освободиться и отъ капитала. «Деньги, думали люди, дадутъ мнѣ возможность купить все, что мнѣ нужно въ томъ числѣ и свободу» *Но оказалось, что тутъ крылась глубокая ошибка.»* (стр 33)

И не только новѣйшія вѣка, но и весь ходъ исторіи, всѣ виды порабощенія учреждались исключительно вслѣдствіе человѣческой недальнозоркости.

«Во весь этотъ періодъ кровопролитія, нищеты и эксплуатаціи, называемой человѣческой исторіей... человѣкъ не видѣлъ ничего, кромѣ той работы, которую можетъ произвести порабощенный, и не думалъ о томъ, что необходимость подавлять въ будущемъ различные рабочіе возстанія въ концѣ концовъ потребуетъ столько же труда и что выгоднѣе было бы работать вмѣстѣ, помогая другъ другу... Такимъ образомъ установилась власть и собственность.» (Жанъ Гравъ, Умирающее общество и анархія, стр. 12-13).

Итакъ государство и капиталъ существуютъ въ силу человѣческихъ заблужденій и недомыслія.

«Къ принужденію люди прибѣгали втеченіе цѣлаго ряда вѣковъ *и такъ безуспѣшно*, что мы находимся теперь въ положеніи, изъ котораго не можемъ выйти иначе, какъ разрушивъ и уничтоживъ принудительныя учрежденія нашего прошлаго.» (Кропоткинъ «Анархія, ея философія и ея идеалъ», страница 52. Курсивъ всюду нашъ.)

Итакъ, вся исторія — одна сплошная ошибка. Всѣ жившіе доселѣ на земномъ шарѣ милліарды человѣческихъ существъ въ опредѣленіи своихъ взаимныхъ отношеній безпрерывно заблуждались, ежечасно дѣйствовали во вредъ самимъ себѣ.

Обыкновенный смертный, если случайно дойдетъ до подобнаго вывода, вѣроятно протретъ глаза, оглянется вокругъ себя и подумаетъ прежде всего, что ужъ вѣрно онъ самъ, а не все человѣчество, залѣзъ въ непролазныя дебри.

Но анархистскій мыслитель слишкомъ великъ для подобнаго рода ощущеній. Онъ непоколебимо убѣжденъ, что въ немъ, впервые за всѣ вѣка, родилось существо съ нормальной логикой, съ вѣрнымъ взглядомъ на вещи.

Свое невѣроятное положеніе анархистскій мыслитель старается сдѣлать болѣе правдоподобнымъ тѣмъ, что ошибка, въ которой онъ уличаетъ человѣчество, слѣдуетъ у него не изъ природной близорукости людей, а изъ ихъ моральнаго помраченія. Грубый, элементарный эгоизмъ не позволяетъ людямъ, въ особенности рабовладѣльцамъ, разглядѣть свой собственный интересъ. И анархистъ серьезно огорченъ, какъ мы видѣли, тѣмъ, что рабовладѣльцы всѣхъ вѣковъ устроили себѣ несчастную жизнь, что они принуждены были затрачивать столько тяжелаго труда «на надзоръ» за порабощенными, «на подавленіе различныхъ ихъ возстаній.»

Укрѣпляясь въ своихъ взглядахъ, анархистъ начинаетъ все болѣе ненавидѣть грубый элементарный эгоизмъ людей, грубыя матеріальныя стремленія, какъ виновниковъ всѣхъ несчастій человѣчества. Это не что иное, какъ обычный злой духъ, изобрѣтаемый всѣми религіозными системами, злой духъ, который всякій человѣкъ долженъ подавить въ себѣ, иначе счастье никогда не будетъ достигнуто на землѣ.

Дѣйствительный міръ, между тѣмъ, не перестаетъ быть низменнымъ, и смертные по прежнему все упорствуютъ въ своихъ заблужденіяхъ. На всемъ земномъ шарѣ все чаще выступаютъ массы людей въ «чисто-эгоистическую» борьбу за «копѣйку», за грубый матерьяльный интересъ. Нечего доказывать, что на эту борьбу рабовъ современнаго общества, несущую въ своемъ развитіи всемірное возстаніе рабовъ противъ строя грабежа, ученіе добродѣтельныхъ Грановъ можетъ оказывать лишь такое вліяніе, какое оказываетъ ученіе о томъ, что «не однимъ хлѣбомъ живъ человѣкъ».

Анархистъ, поскольку соглашается на участіе въ экономической стачкѣ за конкретныя требованія рабочихъ, видитъ въ ней лишь воспитательное средство для массъ и норовитъ всегда формулировать всеобщую стачку лишь какъ актъ солидарности, протеста, какъ стремленіе къ идеалу, какъ демонстрацію, которыми въ концѣ концовъ не преминутъ, конечно, воспользоваться соц.-дем.-ы для реальныхъ, зем-

ныхъ цѣлей участія во власти, какъ это случилось въ Италіи прошлымъ лѣтомъ.

Если же анархистъ рѣшитъ оставаться непремѣнно вѣрнымъ своей доктринѣ, не измѣнять идеалу и не поддаваться искушеніямъ низменнаго міра, тогда онъ сознательно и безповоротно вступаетъ въ ряды профессіональныхъ проповѣдниковъ, которыхъ по его собственному убѣжденію невѣжественнымъ массамъ не скоро еще удастся сбросить съ своихъ плечъ. *)

Въ этой фазѣ анархистская доктрина становится уже вполнѣ религіозной проповѣдью, которая должна научить чернь, живущую грубыми матеріальными интересами, жить согласно возвышенному идеалу. И тутъ анархистская доктрина соприкасается непосредственно то съ толстовщиной, то съ неокантіанствомъ и бердяевщиной, дошедшей по пути «строгой науки» до сознанія необходимости метафизики и религіи.

Когда проповѣдникъ съ призывомъ ко всеобщей любви входитъ въ ту тюрьму, которая называется цивилизованнымъ обществомъ, — онъ своею проповѣдью лишь поддерживаетъ и укрѣпляетъ эту тюрьму, зоветъ порабощенныхъ изъ рабовъ подневольныхъ стать рабами по совѣсти.

Нѣтъ никакого основанія предполагать, что получатся другіе результаты изъ анархистской проповѣди въ строѣ неволи — солидарности, мира, сотрудничества и осужденія въ немъ эгоизма, борьбы и насильственнаго принужденія.

Анархистская доктрина не угрожаетъ паденіемъ вѣковому строю грабежа потому во первыхъ, что она, какъ мы видѣли, не соглашается признать его основнымъ фактомъ жизни цивилизованнаго общества.

Конечно «предки» наши «избивали, грабили, эксплуатировали другъ друга». Но вѣдь это была ошибка, заблужденіе, наносившее вредъ имъ самимъ. Ихъ грабежъ и эксплуатація не слѣдовали неизбѣжно изъ ихъ природы, а были лишь случайнымъ, ошибочнымъ проявленіемъ дурной стороны ихъ души.

Стало быть насиліе, грабежъ и эксплуатація въ развитіи человѣчества явленіе не существенное. На ряду съ ними происходитъ нѣчто болѣе важное и существенное — проявленіе человѣческой солидарности, слѣдствіемъ которой является общественное развитіе, совершенствованіе человѣческаго сотрудничества и прогресса. (См. выше ст. 14 Малатеста). Не грабежъ и эксплуатація, а это именно развитіе человѣческаго сотрудничества есть основное начало историческаго развитія. Вотъ почему «всѣ учрежденія общежитія» создавались путемъ «народнаго творчества» «для обезпеченія равенства», вотъ почему вся исторія есть безпрерывное движеніе къ «свободѣ, равенству и братству» (См. выше у Кропоткина стр. 13)

Предки наши грабили и эксплуатировали. Но это вовсе не значитъ, что они и въ основаніе построеннаго ими цивилизованнаго общества положили грабежъ и эксплуатацію. Какъ разъ наоборотъ

*) Жану Граву представляется время необходимое для того, чтобы по его выраженію «вдолбить толпѣ въ башку» «наши идеалы» и подготовить для коммунистической жизни, не менѣе продолжительнымъ, чѣмъ самому оппортюнистическому бернштейніанцу. (См. ниже.)

Въ основаніе развивающагося общества положено ими нѣчто прямо противоположное, а именно (Малатеста ст. 14) — сотрудничество. Да! въ основѣ существующаго до настоящаго времени цивилизованнаго общества лежитъ не борьба, а «кооперація», это «единственное средство прогресса совершенствованія и безопаности.»

Анархистская доктрина сдѣлаетъ, пожалуй, уступку и согласится признать это сотрудничество «принудительнымъ». Но вѣдь все равно, даже принудительная ассоціація — средство прогресса, совершенствованія и безопасности и только открытая борьба является негоднымъ, для всѣхъ вреднымъ атавистическимъ наналомъ.

Итакъ анархистская доктрина въ современномъ обществѣ видитъ прежде всего проявленіе солидарности. Носителями этой солидарности, продуктами сотрудничества являются для нея всѣ современныя «страны», «націи». Тутъ антигосударственникъ умѣетъ совсѣмъ забыть, какъ мы видѣли (Вып. I), что эти націи — это государства, которымъ онъ будто бы объявляетъ войну.

Своими соціалистическими изслѣдованіями и вычисленіями Кропоткинъ фатальнымъ образомъ является совѣтникомъ европейскихъ націй — государствъ. Онъ даетъ имъ соціалистическіе совѣты по вопросу о томъ, на какомъ пути онѣ могли бы достигнуть наибольшаго благосостоянія и успѣха. (Fields, Factories and Workshops)

Чѣмъ больше анархизмъ развиваетъ свою науку т. е. чѣмъ больше углубляется въ тайны «солидарности», этого священнаго начала и абсолютнаго блага въ природѣ и человѣчествѣ, тѣмъ больше и легче цивилизованное общество, эта тюрьма для рабовъ всѣхъ вѣковъ выступаетъ передъ нимъ какъ проявленіе сотрудничества. Съ этимъ обществомъ, съ его судьбою онъ соединяетъ всѣ свои мысли, въ заботы этого общества онъ вкладываетъ всю свою анархистскую душу.

Онъ болѣетъ его болями, болѣетъ о томъ, что оно, —эта организація господства, — «зашла» «по ложному пути» «въ тупикъ», болѣетъ за всѣхъ членовъ общества, даже за ошибки тѣхъ, кто копитъ деньги. (Кроп. выше стр. 19)

Анархистскій теоретикъ, даже въ ту минуту, когда строитъ свои разрушительные планы, не въ состояніи разорвать своего единенія съ современнымъ обществомъ, не въ состояніи ни на минуту стать внѣ рядовъ строителей и опекуновъ его.

«И *если буржуазное общество гибнетъ*, если мы находимся въ настоящую минуту въ тупикѣ, изъ котораго мы не можемъ выйти иначе, какъ разрушая топоромъ и огнемъ учрежденія прошлаго, то это происходитъ именно отъ того, что **мы** *слишкомъ много счисчитали*; отъ того, что **мы** *приучили себя давать только съ цѣлью получить*, отъ того, что **мы** *захотѣли сдѣлать изъ общества коммерческую компанію*; основанную на приходѣ и расходѣ. »*) (Кроп. Хлѣбъ и Воля, стр 225, курсивъ нашъ.)

---

*) Въ послѣднихъ строкахъ языкъ главы современнаго анархизма становится почти однозвучнымъ съ проповѣдью русскихъ легальныхъ народниковъ. «Мы не только не воспрепятствовали развитію капиталистическихъ формъ производства не смотря на то, что они основаны на экспропріаціи крестьянства, но напротивъ всѣми силами постарались содѣйствовать коренной ломкѣ всей нашей хозяйственной жизни,

Между тѣмъ такая психика сво...
наго анархизма, Кропоткину, но и вс...
хизма. Изъ этой ихъ психики т. е. изъ ихъ лю...
современнымъ обществамъ, націямъ — государствамъ, какъ к...
развитія общечеловѣческаго сотрудничества, общежитія, какъ къ фор-
мѣ проявленія человѣческой солидарности, — вытекаетъ также и вся
анархистская философія, тотъ утопизмъ, который пытались, но не су-
мѣли вскрыть марксисты.

Утопизмъ этотъ получаетъ свое завершеніе въ нижеслѣдующихъ
парадоксальныхъ сентенціяхъ «научнаго анархизма» . О современ-
номъ законѣ, о современной «политикѣ», основанной на представитель-
номъ правленіи, анархистская доктрина, въ своихъ научныхъ поту-
гахъ, выражается нерѣдко такимъ образомъ:

... «Чуждая разума, она не можетъ дать разумныхъ результатовъ.
Политика, нелогичный методъ, не можетъ служить для установленія
логичныхъ регулъ поведенія». (Paraf—Javal, «Libre Examen» стр. 7
«Законъ ... формула произвольная, антинаучная»... (стр. 8)
« ... Современная общественная организація противна всякой
логикѣ, всякому здравому смыслу... (Ж. Гравъ, Умир. общ. ст. 1)

Прекраснодушная мораль объявляетъ всѣхъ грабителей и все ихъ
историческое творенiе лишенными не только «благороднаго разума»,
но даже логики и всякаго здраваго смысла. Моралистъ, обѣщающій
своими правоученіями передѣлать природу человѣка, совершенно отрѣ-
зываетъ всякій путь къ реальному пониманію неприкрашенной дѣй-
ствительности, уничтожаетъ возможность посмотрѣть съ открытыми
глазами на всю истекшую исторію, высказать правду о ея неумо-
лимой, страшной логикѣ.

«Цивилизованное общество лишено всякой логики», «всякаго
здраваго смысла»! Между тѣмъ съ неумолимой, непреклонной логи-
кой оно строитъ въ настоящій моментъ повсюду ту же тюрьму для ра-
бовъ, какъ и сто, тысячу, двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, оно обре-
каетъ, какъ и тогда, большинство человѣческихъ существъ, еще до
рожденія, на пожизненную неволю, на рабскій ручной трудъ.

И сколько уже разъ тюрьма эта подъ ударами угнетаемыхъ. каза-
лось, безслѣдно разбивается въ дребезги! *Съ желѣзной логикой* «на-
родное творчество» вновь возстановляло ее, *съ безошибочнымъ здра-
вымъ смысломъ*, среди побѣдныхъ ликованій надъ старыми господами
новые грабители, въ братскихъ объятіяхъ съ народомъ, въ чаду пѣ-
сенъ о завоеванной свободѣ, воздвигали ее еще болѣе прочной.

Современная общественная организація лишена здраваго смысла!
Съ дьявольскимъ смысломъ, на безчисленныхъ своихъ пунктахъ,
во всѣхъ своихъ органахъ, она ежечасно, ежеминутно работаетъ на
протяженіи вѣковъ все съ тою же цѣлью — вырвать изъ рукъ раба
плоды его трудовъ.

А наука анархистовъ разсказываетъ свои красивыя басни о безпо-
мощности, вѣчныхъ ошибкахъ и отсутствіи логики у господствующихъ!
На борьбу съ желѣзной логикой вѣковой неволи, съ безошибоч-
нымъ здравымъ смысломъ грабителей, она пріодѣваетъ рабовъ въ пан-
цырь изъ фантазій и иллюзій, наивности, дѣтскаго довѣрія и мечтаній.
...ука анархистовъ учитъ рабовъ не цѣпи свои рвать, а усыплять себя.

...этомъ анархистъ принужденъ дѣйствовать для того, чтообъ возвратить цивилизованному обществу его обычное здоровье. Клевета, будто общество въ основѣ своей — «коммерческая компанія» и общество паразитовъ. Самъ страшный анархистъ клянется, что каторга рабочихъ, въ этомъ цивилизованномъ обществѣ — лишь временный моментъ, результатъ лишь временнаго вырожденія, лишь случайнаго заблужденія правящихъ классовъ

Глава современнаго анархизма на каждой своей страницѣ претендуетъ на званіе прямого совѣтчика современнаго общества. Онъ старается быть въ этомъ отношеніи гораздо радикальнѣе соц.-дем.-іи, но онъ становится этимъ лишь болѣе комичнымъ.

...«Во всякомъ случаѣ, не будемъ же терять изъ виду цѣли всякаго производства — удовлетвореніе потребностей. (††) Если самыя существенныя потребности человѣка остаются неудовлетворенными... то посмотримъ... не происходитъ ли это, между прочимъ, оттого, что *производство совершенно потеряло изъ виду потребности, приняло ложное направленіе?* (†) И если мы увидимъ, что именно въ этомъ лежитъ причина нашихъ недостачъ, то поищемъ же средства преобразовать производство такъ, чтобы оно на самомъ дѣлѣ удовлетворяло потребностямъ.» (Хл. и Вол. ст. 233).

Это мѣсто какъ будто цѣликомъ выхвачено изъ сочиненія любого русскаго народника, призывавшаго общество устыдиться и не превращать своей счастливой до тѣхъ поръ родины въ капиталистическую коммерческую компанію.

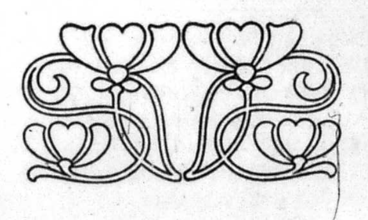
Глава анархизма, какъ и русскіе народники, наивенъ до комизма, когда «неудовлетвореніе существенныхъ потребностей человѣка» онъ считаетъ простымъ промахомъ, вредной ошибкой со стороны существующаго общества, со стороны организаціи, имѣющей цѣлью это неудовлетвореніе, имѣющей цѣлью грабежъ рабочихъ массъ. Только наивность или лицемѣріе проповѣдника моралиста можетъ разсказывать сказки о томъ, какъ цѣлью всякаго производства является удовлетвореніе потребностей въ томъ цивилизованномъ обществѣ, въ которомъ на протяженіи вѣковъ производство имѣетъ цѣлью лишь паразитное потребленіе господствующихъ классовъ и лишь самый необходимый кормъ для рабовъ.

Въ самыхъ рѣзкихъ нападкахъ на современное офиціальное общество Кропоткинъ не перестаетъ себя чувствовать частицей этого общества, несущей отвѣтственность за всѣ его акты, за дѣйствія всѣхъ членовъ его, даже правителей и плутократовъ. «Мы», — восклицаетъ онъ — «превратили общество въ коммерческую компанію», мы «возлюбили власть, принужденіе и насиліе». Съ наивнымъ довѣріемъ онъ убѣждаетъ современныхъ руководителей производства и ихъ ученыхъ слугъ — экономистовъ — «не упускать изъ виду цѣли всякаго производства», — благосостоянія всѣхъ членовъ общества. Каждая страница его сочиненій свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ, несмотря на свои якобы всеразрушительные планы, въ глубинѣ души не умѣлъ обособить себя, своихъ мечтаній отъ заботъ и задачъ правящихъ имущихъ классовъ. Его психологія, его душа, это душа проповѣдника, который несмотря на всѣ анаѳемы, бросаемыя обществу, любитъ это общество, — это душа моралиста, который караетъ пороки любимаго имъ общества. Эта психологія ни въ малѣйшей степени не похожа на психологію бунтующагося раба — пролетарія.

ломкѣ приведшей къ голоду 1891 г.» (Ник — онъ «Очерки пор. хоз.)

(†) Курсивъ нашъ. (††) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

Банкротство соціализма XIX столѣтія.

1905.

Банкротство соціализма XIX столѣтія.

I.

Рабочій классъ цивилизованнаго міра стоитъ передъ новой эпохой борьбы за свое освобожденіе.

Разразившіеся въ послѣдніе годы великіе взрывы рабочихъ массъ —всеобщія стачки въ Барцелонѣ, на югѣ Россіи, въ Италіи—обнаруживаютъ полное банкротство соціализма XIX ст., въ его притязаніи быть знаменемъ рабочей революціи.

Дѣло идетъ не только о банкротствѣ соц-д-тіи, которая въ моменты рабочихъ возстаній теряетъ остатки своей революціонной репутаціи и особенно рѣзко проявляетъ свою благонадежность. Послѣднее вовсе не новость.

Всякому извѣстно, что эта «чисто-пролетарская» партія употребила послѣднія десятилѣтія своего существованія на то, чтобы сдѣлаться легальной «партіей порядка» и ожидаетъ нынѣ отъ правительствъ лишь болѣе или менѣе крупныхъ демократическихъ уступокъ буржуазному образованному обществу Европы, чтобы сдѣлаться партіей прямой защиты современнаго строя.

Въ нѣкоторыхъ странахъ, въ Италіи, Франціи, въ особенности въ лицѣ ревизіонистскаго крыла, она ужъ фактически являлась и является прямой помощницей буржуазіи въ управленіи государствомъ и господствѣ надъ пролетаріатомъ. Ортодоксы же, какъ извѣстно, не отвергаютъ этой дѣятельности, а лишь отсрачиваютъ ее и удерживаютъ черезъ чуръ нетерпѣливое рвеніе реформистовъ, готовыхъ продать оппозицію соц-д-іи безъ всякихъ демократическихъ пріобрѣтеній. Ортодоксы лишь торгуются съ правительствами насчетъ размѣра той уступки, послѣ которой—это давно рѣшено—они становятся вѣрнѣйшими защитниками демократическаго государства.

И никто не удивляется, что соц.-д-ія, эта міровая партія, столь необходимая буржуазному обществу для умиротворенія пролетаріата, обуздываетъ рабочее возстаніе въ Барцелонѣ, обуздываетъ въ Италіи, обуздываетъ въ Россіи, превращая здѣсь нагло и откровенно возстаніе за рабочія требованія въ политическія демонстраціи, въ буржуазную революцію.

Дѣло идетъ о банкротствѣ всѣхъ теченій современнаго соціализма, въ томъ числѣ и анархизма.

Современный анархизмъ, въ той же мѣрѣ, какъ и ортодоксальный марксизмъ, рѣшилъ остаться окаменѣлой утопической формулой, за-

стывшей фразой. За все время своего обособленнаго отъ соц.-д-іи существованія, онъ не сдѣлалъ ни въ практикѣ, ни въ своемъ ученіи ни малѣйшаго шага по направленію къ рабочей революціи. Напротивъ, за это время онъ потерялъ даже ту готовность къ революціоннымъ массовымъ движеніямъ, къ рабочему возстанію, которою могъ еще гордиться во времена Бакунина.

Анархизмъ, правда, проявилъ нѣкоторое развитіе за послѣднее время, но фатально изъ этого развитія получается движеніе въ томъ же направленіи, что и у соц.д-іи—движеніе къ легализаціи. Возникаютъ—или теченія «научнаго анархизма», «проникающаго», какъ гордятся сами его творцы, «во всѣ классы общества», или—въ рабочей средѣ—анархистскій тредюніонизмъ. Дѣло всеобщей стачки въ рукахъ французскихъ анархистскихъ синдикатовъ превращается въ легальную пропаганду идеи всеобщей стачки, изъ чего можетъ получиться лишь новаго рода «демонстрація въ пользу» какого либо требованія, но никоимъ образомъ рабочее возстаніе.

Анархисты смотрѣли безпомощно,какъ соц.-д.-ія, обуздывая всеобщую итальянскую стачку, цѣликомъ использовала ее для своего «полититескаго прогресса». И не удивительно: окаменѣвшее анархистское ученіе не въ состояніи выдумать ничего другого, кромѣ претерпѣвшей столько разъ фіаско утопіи о томъ, какъ съ наступленіемъ революціи отдѣльные города провозгласятъ особыя «коммуны» и приступятъ къ «попыткамъ соціалистическаго производства». Эта «программа» — игрушки Луи Блана въ 48 г. и прудонистскихъ коммунаровъ въ 71 г. Она направляетъ возбужденную мысль стачечниковъ къ мирной утопіи, умиротворяетъ ихъ умъ перспективой предстоящей якобы немедленно «честной трудовой соціалистической жизни». Она не только не освобождаетъ ихъ отъ опеки оппортюнистическихъ представителей Миланской биржи труда, а напротивъ, указывая послѣднимъ на необходимость немедленнаго «соціалистическаго строительства», даетъ въ руки этимъ дипломатамъ лучшее средство успокоенія массъ. Эта утопія наконецъ—и это самое важное—оставляетъ въ сторонѣ сосредоточенную силу, объединенное могущество всѣхъ имущихъ—ихъ центральную государственную власть. Отворачиваясь отъ нея, она освобождаетъ законъ отъ прямого на него нападенія рабочихъ массъ съ ихъ собственными требованіями, съ ихъ приказаніями, въ то время, когда разливающееся по всей странѣ возстаніе таитъ въ своей глубинѣ именно стремленіе къ непреклонному, неумолимому, всемогущему ихъ господству надъ государственной властью, надъ закономъ. Анархистская доктрина съ ея застывшими утопіями и фикціями, можетъ лишь парализовать рабочую революцію.

Итакъ подъ руководствомъ современныхъ соціалистовъ рабочія массы выходятъ изъ крупнѣйшихъ своихъ движеній ни съ чѣмъ.

Современные соціалисты, какъ соціалдемократы, такъ и «безгосударственники» ведутъ рабочій классъ куда то въ сторону отъ рабочей революціи.

Настанетъ время, когда рабочія массы, поднимающія свои всеобщія стачки—возстанія, подведутъ итогъ всей дѣятельности соціалистовъ и своему у нихъ воспитанію. И результатъ окажется слѣдующій:

Рабочій классъ, впродолженіе десятилѣтій выращиваетъ въ своей средѣ тысячи пропагандистовъ, агитаторовъ, ораторовъ, журналистовъ, литераторовъ, ученыхъ, и всѣ эти соціалистическіе мудрецы, берущіе на себя обязанность подготовить и организовать пролетаріатъ для окончательной его борьбы, въ минуту рабочихъ возстаній ничего, совершенно ничего не въ состояніи предпринять для превращенія взрыва массъ въ рабочее возстаніе, въ рабочую революцію.

И передъ лицомъ рабочихъ возстаній къ отчету привлеченъ будетъ весь современный соціализмъ, суду подвергнутся всѣ основы его ученія.

II.

«Обобществленіе орудій труда» — вотъ основной символъ соціалистической вѣры истекшаго столѣтія, панацея всеобщаго спасенія въ соціалистическомъ раѣ.*)

Эта утопическая формула освобожденія рабочихъ, въ такомъ видѣ какъ возникла въ умѣ первыхъ утопистовъ, живетъ весь вѣкъ, не смотря на многочисленныя фіаско, которыя она постоянно терпѣла.

Никакія крушенія и бѣдствія уязвить ее не въ состояніи именно съ тѣхъ поръ, какъ ей удалось объявить себя не прямымъ дѣломъ настоящаго момента, а ... идеаломъ. Извѣстно, что злоключенія исповѣдующихъ какой либо идеалъ не только не колеблютъ ихъ кумира, а напротивъ еще болѣе его возвышаютъ.

Такое именно счастіе и постигло соціалистическую формулу «обобществленія производства». Получивъ неизлечимые удары, она заявила, что не она сама не годна, а виноватъ низменный міръ, еще не доросшій до нея.

Для соціалистическаго идеала всѣ прошлыя и всѣ будущія неудачи вѣрующихъ въ него, вовсе не неожиданность. Идеалъ съ каждымъ разомъ все увереннѣе повторяетъ: пытающіеся сорвать еще не созрѣвшій плодъ не достигаютъ, понятно, своей цѣли.

Развѣ-жъ это дѣло идеала пытаться осуществить полное счастіе въ современномъ мірѣ? Да этотъ низменный міръ, не понявшій еще идеала, даже и не достоинъ этого.

Дѣло идеала воспитывать человѣчество для будущаго счастія, доступнаго лишь нашимъ потомкамъ; вселять въ сердца современниковъ «непоколебимую увѣренность въ наступленіе» соціалистическаго рая, наступленіе неизбѣжное, какъ наступленіе дня послѣ ночи; вселять эту увѣренность даже тогда, когда будничная жизнь идетъ куда-то совсѣмъ не въ сторону идеала.

Соціалистическая панацея — «обобществленія» обезпечила себѣ долговѣчность на правахъ идеала, на правахъ религіи.

---

*) Женевскій делегатъ русской соц.-д.-іи, въ своемъ отчетѣ объ Амстердамскомъ конгрессѣ разсказывалъ, что отъ всякаго участника вселенскихъ соціалистическихъ соборовъ требуется при вступленіи въ нихъ, такъ сказать, осѣнить себя крестомъ соціализма. Вѣришь въ бога? вѣришь въ «обобществленіе»? спрашиваютъ каждаго, и въ случаѣ утвердительнаго отвѣта открываютъ передъ нимъ двери собранія.

Но родился соціализмъ вовсе не въ видѣ религіи. Даже попытки
соединенія его съ христіанствомъ, которыя дѣлались нѣкоторыми изъ
первыхъ соціалистовъ, хотя и являлись самымъ яркимъ свидѣтель-
ствомъ ихъ утопичности, все же удерживали еще характеръ к о н-
к р е т н а г о д ѣ л а, подлежащаго осуществленію в ъ с о в р е м е н-
н ы й имъ историческій моментъ, а не религіозной проповѣди о сча-
стіи будущихъ поколѣній.

Соціалистическое преобразованіе лишь послѣ ряда неудачъ, лишь
постепенно становилось «конечною цѣлью», осуществленіе которой
превышаетъ силы и средства оовременниковъ. Но по скольку вы-
ростало такое убѣжденіе, соціализмъ неизбѣжно становится идеаломъ,
принужденнымъ предварительно перевоспитать умъ и чувства порабо-
щенныхъ массъ, маякомъ, долженствующимъ освѣщать трудный и
долгій путь, системой вѣрованій, утѣшающихъ и укрѣпляющихъ массы
въ ихъ жизненной борьбѣ среди ихъ страданій и рабства.

Сто лѣтъ такого развитія успѣли однако придать современному
соціализму уже всѣ существенныя черты религіи.

Соціализмъ XIX ст., какъ въ своемъ цѣломъ, такъ и въ отдѣль-
ныхъ теченіяхъ, выступающихъ въ различныя времена или въ раз-
личныхъ странахъ цивилизованнаго міра, начинаетъ обыкновенно свою
исторію фазой такъ называемаго нынѣ «экономическаго доктринерст-
ва». Онъ принужденъ это дѣлать, поскольку онъ разсчитываетъ и по
скольку онъ оказывается въ состояніи завладѣть хоть на время рабо-
чимъ движеніемъ.

Въ этотъ именно періодъ соціализму удается установить за собой
репутацію ученія, которое впервые въ исторіи человѣчества хочетъ
накормить ограбленныхъ и голодныхъ не «словомъ божьимъ», не про-
повѣдью «царства небеснаго», и счастья будущихъ поколѣній, не нра-
воученіями и наставленіями на путь идеаловъ, хорошихъ дѣлъ, и чест-
ной жизни, а настоящимъ хлѣбомъ. Только лицемѣріе и обманъ берег-
ся устроить счастье и благосостояніе порабощенныхъ, не измѣняя
ихъ положенія рабовъ и ограбленныхъ. Только господствующая бур-
жуазія имѣетъ наглость пѣть лживыя пѣсни о доступной для всѣхъ
«политической свободѣ», о ея цѣнности даже для голоднаго, о свободѣ
въ самомъ рабствѣ, о свободѣ рабовъ, которыя молъ могутъ сдѣлать-
ся «свободными гражданами» свободнаго отечества, не переставая
быть его рабами. Этимъ обманомъ буржуазія увлекла пролетаріатъ
въ свою п о л и т и ч е с к у ю революцію и заставила его проливать
кровь за чужое ему дѣло, за освобожденіе своихъ эксплуататоровъ,
за дѣло преобразованія и укрѣпленія неволи. Соціализмъ впервые ор-
ганизуетъ борьбу рабовъ за ихъ собственное дѣло, подъ его знаменемъ
рабочіе будутъ бороться только за себя. Онъ готовитъ не политиче-
скую, а э к о н о м и ч е с к у ю революцію, которая накормитъ всѣхъ
голодныхъ, всѣмъ порабощеннымъ и ограбленнымъ обеспечитъ рав-
ное владѣніе наслѣдіемъ вѣковъ — богатствами земного шара, обеспе-
читъ всякому полный продуктъ его труда.

Кто же изъ современныхъ соціалистовъ не знаетъ, что все это
лишь незрѣлыя мысли «еще не развившагося пролетарскаго сознанія»,

давнымъ давно и безповоротно пройденная стадія «экономической узо-
сти», стадія утопизма, не считающагося съ дѣйствительной жизнью
и обреченнаго на безплодіе? Практика современныхъ соціалистовъ
прямо противоположна дѣтскимъ затѣямъ первоначальныхъ утопи-
стовъ.

Значитъ ли это, что измѣнились такимъ кореннымъ образомъ са-
ми ж е л а н і я соціалистовъ? Ни въ коемъ случаѣ. Идеалъ не измѣнил-
ся и стоитъ непоколебимо. Это жизнь съ ея суровыми уроками вну-
шила соціалистамъ глубокое, безошибочное познаніе, по которому со-
ціалистическія желанія возможно осуществить лишь на пути прямо
противоположномъ соціализму. Вся мудрость современной «пролетар-
ской науки» состоитъ въ знаніи, что такой ходъ вещей не только
неизбѣженъ, но и вполнѣ естественъ, даже желателенъ.

Для того, чтобы разрушить тотъ міръ лжи, который, ограбивъ
большинство человѣчества, и приговоривъ его этимъ грабежомъ къ
рабству и невѣжеству, призываетъ его потомъ къ самопомощи, само-
совершенствованію, совѣтуетъ смягчать страданія молитвами и пѣс-
нями о величіи міра и царящаго въ немъ всеблагаго провидѣнія; для
того, чтобы положить конецъ этому издѣвательству надъ порабощен-
нымъ человѣкомъ,—соціалисты сами несутъ и не одному еще поколѣ-
нію рабовъ понесутъ не менѣе величественную проповѣдь о новомъ
ихъ счастьѣ въ будущемъ, о доступномъ ихъ потомкамъ соціалисти-
ческомъ раѣ; они сами принялись на это время точно также, съ по-
мощью возвышенныхъ идей, съ помощью пѣсенъ о величіи идеала
смягчать и каторжный трудъ, и муки голода, и рабскую приниженность;
они сами взялись учить, воспитывать и призывать къ саморазвитію и
самосовершенствованію тѣ массы, которыя законами грабежа обрече-
ны на невозможность развитія.

Лишь непоправимый утопистъ, лишь прямолинейный, заоблачный
доктринеръ можетъ находить страннымъ этотъ естественный и един-
ственный путь человѣчества къ достиженію всеобщей свободы.

Для того, чтобы вырвать пролетаріатъ изъ сѣтей тѣхъ лжеученій,
благодаря которымъ рабочіе въ буржуазныхъ революціяхъ служили
лишь пушечнымъ мясомъ, для того, чтобы впервые въ исторіи чело-
вѣчества рабы смогли бороться только за себя, соціалисты сами бе-
рутся довершить покинутое буржуазіей дѣло политической свободы и
буржуазнаго демократическаго прогресса, и тамъ, гдѣ буржуазная
революція еще не наступила, она будетъ совершена с а м и м ъ проле-
таріатомъ при свѣтѣ соціализма. Освобождая буржуазію, пролета-
ріатъ однако не послужитъ уже больше ея орудіемъ. Напротивъ, ко-
варный врагъ пролетаріата не только будетъ освобожденъ и удовлетво-
ренъ, но еще одновременно и обманутъ; пролетаріатъ и укрѣпляетъ
буржуазное господство и одновременно его ослабляетъ.

Этой испытанной, безошибочной политики, этой столь ясной,
столь безпрекословной логики можетъ не понимать въ настоящее вре-
мя только круглый невѣжа, ничему не учившійся.

Всѣ великіе геніи соціалистической науки, всѣ сильные и гибкіе
умы испытанныхъ пролетарскихъ политиковъ сто лѣтъ тру-
дились, пока впервые на земномъ шарѣ не осуществилась у нихъ
басня о томъ... какъ и волки сыты, и овцы цѣлы.

И столѣтнее соціалистическое воспитаніе рабочихъ массъ приноситъ по истинѣ неоцѣнимые плоды.

Оздоровленіе современныхъ государствъ и современнаго строя путемъ его демократизаціи соціалистическіе рабочіе всего міра сдѣлали своимъ собственнымъ, своимъ кровнымъ дѣломъ.

Вдохновленные возвышенной соціалистической проповѣдью, рабочіе уже умѣютъ повсюду въ Европѣ выходить на улицу и проливать свою кровь за то, чтобы завоеваніемъ всеобщаго избирательнаго права передать управленіе страной изъ рукъ негодныхъ консерваторовъ въ руки либеральныхъ своихъ господъ.

При свѣтѣ своей «соціалистической» правды польскіе рабочіе не могутъ больше стерпѣть той несправедливости, которой подвержено ихъ привиллегированое общество подъ царскимъ гнетомъ. Они идутъ въ тюрьму и ссылку, идутъ подъ штыки и пули за то, чтобы взымаемая съ нихъ прибыль доставалась не чужеземному узурпатору, а настоящему ея владѣтелю—польскому буржуазному обществу, польской интеллигенціи.

И подъ пролетарскимъ знаменемъ польскій народъ завоюетъ наконецъ то, что не удалось шляхтѣ—возвратитъ привиллегированному обществу его потерянное государство.

Наконецъ и въ Россіи соціализмъ, какъ идеалъ настоящей справедливости, благодѣтельствуетъ всѣ классы населенія. Столѣтніе поиски либеральной интеллигенціи за народной революціонной силой, которая бы вырвала несмѣтныя и несмѣтно ростушія богатства громаднѣйшей имперіи изъ рукъ кучки царскихъ генераловъ, бюрократовъ, вельможъ и кулаковъ и выростила на эти средства столь же свободно и самолично, какъ и на Западѣ, правящее образованное общество, эти столь трагическіе поиски увѣнчались наконецъ, въ теченіи послѣдняго десятилѣтія полнымъ успѣхомъ.

Соціализмъ въ его совершенномъ видѣ, въ видѣ научнаго соціализма, открылъ и превосходнѣйшимъ образомъ воспиталъ и дисциплинировалъ русскій пролетаріатъ въ *самостоятельную* партію, какъ лучшее *орудіе* европеизаціи Россіи. И въ хорѣ недавнихъ веселыхъ «весеннихъ» напѣвовъ побѣдоносно ликовало русское подполье какъ въ ультрапролетарской «Искрѣ», такъ и въ ультрасоціалистической «Революціонной Россіи» по поводу того, что въ ихъ родномъ обширномъ отечествѣ всюду, даже буржуазные недоросли знаютъ, что организованный въ самостоятельную партію пролетаріатъ и революціонный соціализмъ есть сила либеральной буржуазіи и лучшее ея пріобрѣтеніе послѣдняго времени, которое доставилъ ей русскій революціонеръ, и за которое она въ ближайшемъ будущемъ щедро вознаградитъ его, какъ своего вѣрнѣйшаго слугу.

И даже не съ чувствомъ прискорбной «необходимости», а, напротивъ, съ энтузіазмомъ соціалистическій пролетаріатъ осуществляетъ повсюду въ цивилизованномъ мірѣ планы, мечты и идеалы радикальной буржуазіи. Съ гордымъ сознаніемъ собственнаго великодушія и «безкорыстія», онъ умѣетъ оказывать услуги врагу и господину безъ малѣйшаго разсчета на его взаимную уступку—всякое «торгашество» въ этомъ дѣлѣ онъ считаетъ ниже собственнаго достоинства.

На протяженіи тысячелѣтій жрецами, попами, всевозможными проповѣдниками и учеными слугами господъ изобрѣталась одна ложь, сплошной обманъ, какъ обычная «духовная пища» для порабощенныхъ массъ.

И лишь въ XIX столѣтіи для нихъ засіяла наконецъ настоящая правда. При свѣтѣ соціалистической науки, подъ руководствомъ самоотверженныхъ ея апостоловъ рабы цивилизованнаго міра вступили наконецъ на несомнѣннѣйшій путь своего прямого освобожденія, пріобрѣли свое истинное пролетарское классовое сознаніе.

Въ чемъ же наконецъ сущность этого соціалистическаго сознанія?

Пролетаріатъ, какъ «самый безкорыстный борецъ за свободу», какъ «самый прогрессивный и самый революціонный классъ современнаго общества», въ предстоящей ему, еще очень долгой и кровавой борьбѣ, совершая всѣ необходимыя отсталому міру буржуазныя революціи, освободитъ всѣ по очереди слои собственниковъ, уже существующихъ и вновь возникающихъ, тѣ слои, которымъ остатки феодализма и абсолютизма мѣшаютъ сдѣлаться полноправными участниками буржуазнаго грабежа.

Рабы цивилизованнаго міра, раньше чѣмъ низвергнуть строй эксплуатаціи, усилятъ его и усовершенствуютъ: собственными руками умножатъ количество участниковъ грабежа и ту тюрьму, въ которой они рождаются, для скорѣйшаго ея разрушенія, они предварительно укрѣпятъ и украсятъ.

Вотъ къ какому «пролетарскому сознанію» свелась сущность той правды, которая засіяла передъ взорами рабовъ міра впервые въ XIX столѣтіи.

Соціализмъ сдѣлался такою же самою идеологическою системою освященія современнаго строя, его заботъ, задачъ и плановъ, такою же санкціей всего буржуазнаго прогресса, какою являлась всякая религія для взростившей ее формы неволи.

Современному соціалисту безусловно желательно развитіе буржуазнаго строя и несомнѣнно дорогъ самъ этотъ строй*) уже потому, что онъ «предпосылка соціалистическаго общества», что онъ «скрываетъ въ себѣ» такія «тенденціи», которыя властно «требуютъ коммунизма».

Религія умѣла освятить всякій гнетъ и всякое насиліе, въ самыхъ ужасныхъ кровопролитіяхъ открывать высшія общественныя цѣли.

Точно также современный соціализмъ въ разнузданной эксплуатаціи и открытомъ грабежѣ нашего времени съумѣлъ найти тайный смыслъ и объективную цѣлесообразность: развитіе буржуазнаго общества давно направляется къ коммунизму, независимо отъ того, каковы дѣйствительныя цѣли и сознательныя усилія участниковъ этого процесса.

---

*) Въ эпоху нарожденія русской соц-демократіи, въ видѣ легальнаго марксизма, защита капиталистическаго развитія считалась тождественной пролетарскимъ коммунистическимъ стремленіямъ.

Общую всѣмъ религіямъ функцію освященія существующаго строя соціализмъ XIX столѣтія исполняетъ въ роли н а у к и.

Современный соціализмъ, рѣшивъ сдѣлаться «общественной наукой XIX вѣка, долженъ былъ тѣмъ самымъ стать настоящимъ опекуномъ историческаго развитія, опекуномъ, истолкователемъ и совѣтникомъ современнаго историческаго момента и его «н у ж д ъ».

Такъ какъ образованное общество есть организація неволи большинства человѣчества, такъ какъ нельзя быть одновременно и опекуномъ этой организаціи, и выразителемъ возмущенія рабовъ противъ нея, то соціалистической наукѣ неизбѣжно пришлось сдѣлаться успокоителемъ, усмирителемъ этого возмущенія. И «а т е и с т и ч е с к а я», «п о з и т и в н а я» наука соціалистовъ XIX вѣка создала при помощи своихъ «строго научныхъ средствъ», не что иное, какъ новую, соціалистическую р е л и г і ю.

Однимъ признаніемъ цивилизованнаго общества — г о с у д а р с т в а н а у ч н ы м ъ о б ъ е к т о м ъ с о ц і о л о г і и, соціалистическая наука становится опекуномъ современности, гасителемъ мятежа рабовъ, обычною ученою ложью.

Цивилизованное общество т. е. организацію н е в о л и и ея развитіе современный соціализмъ, становясь наукой, долженъ былъ признать и призналъ з а к о н о с о о б р а з н ы м и формами о б щ е ж и т і я, которыя, въ конечномъ счетѣ, у д о в л е т в о р я ю т ъ, каждая въ свое время, о б щ е ч е л о в ѣ ч е с к и м ъ п о т р е б н о с т я м ъ и возникаютъ естественно на основаніи опредѣленной общественной общечеловѣческой необходимости.

Передъ лицомъ рабовладѣльцевъ и рабовъ всѣхъ вѣковъ,—этихъ двухъ рассъ въ человѣческомъ родѣ, двухъ рассъ, въ силу законовъ грабежа, несоединимыхъ, на подобіе двухъ животныхъ видовъ и вырастающихъ неизбѣжно въ каждомъ человѣческомъ поколѣніи, въ каждомъ человѣческомъ обществѣ, — *соціалистическая наука изобрѣтаетъ свою религіозную фикцію е д и н а г о человѣчества съ е д и н о й н е о б х о д и м о с т ь ю.* Возвеличивъ послѣднюю въ рангъ и с т о р и ч е с к о й н е и з б ѣ ж н о с т и, современный соціализмъ пріучаетъ массы и ихъ мятежныя чувства суевѣрно преклоняться передъ измышленной фикціей, какъ передъ сверхъестественной, неподлежащей человѣческому воздѣйствію инстанціей.

Для скорѣйшаго воспріятія массами идеи всевластной сверхъестественной сущности, научная религія соціалистовъ, какъ всякая другая религія, обставляетъ дѣло очень соблазнительно и заставляетъ эту сущность быть, прежде всего, въ высшей степени милостивой. «Съ естественной необходимостью» какъ день послѣ ночи, «независимо отъ воли людей» «въ силу экономическихъ законовъ», наступаетъ коммунистическій строй. «Экономическіе законы», «экономическая необходимость», «внѣ человѣка» живущіе,—это лишь укрывшееся за научными фразами, старое благодѣтельное божественное провидѣніе.

Не важно, что предсказанія приходится съ каждымъ годомъ, съ каждымъ днемъ все больше и больше отсрачивать. Вѣдь вся суть въ томъ, чтобы внушить современнымъ рабамъ ту самую увѣренность въ наступленіи соціалистическаго рая, какою жили христіане въ ожиданіи царства небеснаго; вскормить въ массахъ вѣру въ содѣйствіе исто-

рическихъ законовъ отъ воли людей независимыхъ, ту самую вѣру, создать которую для усыпленія рабовъ является задачею всякой религіи; укрѣпить то идолопоклонство передъ грозными и вмѣстѣ съ тѣмъ милостивыми силами природы, которымъ попы не хуже тюрьмы укрощаютъ бунтовской духъ рабовъ.

Злорадство «Коммунистическаго Манифеста» по поводу того, что буржуазія разрушила всякую религію, всякія идиллическія иллюзіи среднихъ вѣковъ, и нечѣмъ ей болѣе прикрыть свою голую эксплуатацію, оказалось совершенно преждевременнымъ. Мало того: его приходится считать въ настоящее время лишь необходимымъ и очень полезнымъ для буржуазнаго міра той эпохи предостереженіемъ объ опасности. Изъ коммунизма авторовъ «Манифеста» выросло нѣчто для нихъ неожиданное: марксизмъ въ большей степени, чѣмъ какое либо другое соціалистическое ученіе, выработалъ именно систему усыпительныхъ иллюзій для рабовъ буржуазнаго строя, явился религіознымъ ученіемъ о законности, цѣлесообразности, благодѣтельности буржуазнаго прогресса, о его исторической миссіи подготовленія соціалистическаго рая.

На Гаагскомъ конгрессѣ Интернаціонала (въ 72 г.) Марксъ предостерегалъ бакунистовъ о томъ какъ бы ихъ «чистая» проповѣдь одной «конечной цѣли», не желающая заниматься будничными дѣлами настоящаго момента, какъ бы эта проповѣдь не уготовила рабочимъ судьбы первыхъ христіанъ. Но не долго пришлось ждать, пока обнаружилось совершенно ясно, что и марксистская проповѣдь, призывающая «самостоятельныя рабочія партіи» къ «участію въ политической жизни» каждой страны, для завоеванія якобы пролетаріатомъ власти, гарантируетъ рабамъ современнаго общества ничуть не болѣе того, что получили отъ христіанства рабы того времени.

По прошествіи почти четверти вѣка со времени Интернаціонала, когда марксистская теорія и практика, выяснивъ вполнѣ свою историческую роль, окончательно легализировались, Энгельсъ (въ извѣстномъ предисловіи къ Марксовой «Классовой борьбѣ во Франціи») не только принужденъ констатировать фактъ, но даже прямо ликуетъ по тому поводу, что побѣда соціалистовъ XIX вѣка складывается совершенно такъ же, какъ и побѣда христіанства. Соціалистовъ точно такъ же, какъ и первыхъ христіанъ, государственная власть пытается истребить, преслѣдуетъ всевозможными исключительными законами, но въ концѣ концовъ она принуждена согласиться на ихъ оффиціальное существованіе. И современныхъ соціалистовъ, въ лицѣ соц. д.-ихъ партій, столь быстро повсюду растущихъ, ждетъ столь же полная побѣда, какую одержали нѣкогда въ римскомъ государствѣ христіане, возведя, наконецъ, на императорскій престолъ сторонника евангелія. *)

---

*) Это та самая статья, гдѣ объявлено міру, что время уличныхъ возстаній прошло, та самая статья, въ которой Зомбартъ съ полнымъ основаніемъ увидѣлъ «искреннюю» предсмертную исповѣдь бывшаго коммуниста - заговорщика, раскаивающагося въ своихъ бланкистскихъ прегрѣ-

Каковъ дѣйствительный смыслъ этого заявленія, сдѣланнаго самимъ основателемъ научнаго соціализма?

Подобно христіанамъ, соціалисты дождутся окончательной побѣды въ существующемъ классовомъ строѣ. Рабамъ міра соціалистическая проповѣдь XIX столѣтія, подобно евангелію Христа, несетъ лишь смягченіе формы ихъ неволи.

Быстрый и безостановочный ростъ соціалистическихъ партій второй половины истекшаго столѣтія — это вовсе не ростъ боевой арміи, приближающей ее неуклонно къ низверженію строя неволи. Это — распространеніе *соціалистическаго вѣроисповѣданія*.

Съ умноженіемъ числа соціалистовъ вовсе не приближается возможность непосредственной экспропріаціи имущихъ, но напротивъ, нападеніе на грабителей завѣщается и передается все больше и больше въ руки будущихъ поколѣній, и соціалисты, вмѣстѣ съ пріобрѣтеніемъ новыхъ силъ, ощущаютъ все сильнѣе лишь потребность подготовленія, исцѣленія, развитія современнаго строя.

Въ настоящее время лишь самыя ретроградныя правительства имѣютъ наглость клеветать на соціалистовъ, будто они враги существующаго порядка, заговорщики, строящіе въ своихъ обществахъ злонамѣренные планы ниспроверженія устоевъ современной общественной жизни.

Нѣтъ! Милліоны, ставшіе «подъ краснымъ знаменемъ соціализма» — это благонамѣренные и мирные граждане буржуазнаго общества. *) Если въ болѣе отсталыхъ странахъ они еще примѣняютъ насиліе и прибѣгаютъ къ оружію, то ни коимъ образомъ не противъ устоевъ буржуазной жизни, а противъ помѣхъ, стоящихъ на пути свободному буржуазному развитію.

Милліонныя соціалистическія партіи — это арміи лучшихъ бойцовъ за прогрессъ буржуазнаго общества и единственная сила способная исцѣлить современную общественную жизнь отъ ея недуговъ и противорѣчій. Только тѣ народныя массы, которыя глубоко проникнуты соціалистическимъ идеаломъ и непоколебимо увѣрены въ безпрерывномъ своемъ движеніи къ соціалистическому раю, способны проявить достаточную энергію и энтузіазмъ для подавленія ретроградныхъ, выродившихся элементовъ общества, для освобожденія новыхъ, полныхъ жизни буржуазныхъ силъ, для устраненія существующихъ

шеніяхъ молодости, и изъ которой Бернштейнъ, по его собственному признанію, черпалъ вдохновеніе, одобреніе и поощреніе для своихъ ревизіонистскихъ подвиговъ.

*) Не составляютъ исключенія въ этомъ отношеніи и анархистскіе соціалисты. Рѣшивъ завладѣть всецѣло синдикальнымъ движеніемъ, они столь же чужды и враждебны, какъ и соц-д-ты, всякой мысли о тайной рабочей организаціи, о всемірномъ заговорѣ рабочихъ. Несмотря на грозные всеразрушительные планы, которые размалеваны въ ихъ брошюркахъ и которымъ суждено остаться на бумагѣ, они въ своей мирной пропагандѣ идеи всеобщей стачки, влекутъ рабочихъ къ той же утопіи, что и соц-д-ія, къ подготовленію революціи, рабочаго возстанія путемъ дозволенныхъ закономъ средствъ, на глазахъ полиціи, при полной откровенности по отношенію къ демократическимъ правительствамъ.

еще въ мірѣ и мѣшающихъ буржуазному развитію старыхъ деспотій.

Соціалистическая религія, и только она, можетъ увлечь массы въ буржуазную революцію, въ борьбу на жизнь и смерть за достиженіе полнаго господства буржуазіи.

Итакъ, современныя соціалистическія партіи достигли своего безостановочнаго и безпредѣльнаго роста, роста на глазахъ закона, тѣмъ, что сдѣлали своей основной задачей объединеніе всѣхъ прогрессивныхъ элементовъ буржуазнаго общества.

Только «подъ краснымъ знаменемъ соціализма» находятъ свое выраженіе и удовлетвореніе всѣ «здоровые», способные къ жизни и развитію, къ движенію впередъ элементы современнаго строя. Внѣ соціалистическаго движенія одинъ застой, одно вырожденіе.

Такимъ именно способомъ водружалось соціалистическое знамя всѣми теченіями соціализма истекшаго столѣтія. Въ такомъ именно видѣ утверждено оно особенно въ настоящее время, какъ у «государственниковъ», такъ и у анархистовъ. *) Въ рядахъ соц-д-іи о роли соціализма, какъ спасителѣ и выразителѣ прогресса буржуазнаго общества ортодоксы поютъ не хуже конечно, а напротивъ, гораздо красивѣе, чѣмъ ревизіонисты. **)

Соціализмъ XIX столѣтія — это религія, исцѣляющая и укрѣпляющая современный строй, строй грабежа и рабства.

Соц-д-ія, та самая, которая такъ громко возвѣстила о своемъ рожденіи, какъ объ окончательномъ разрывѣ со всякими идеалистическими и религіозными теченіями исторіи, именно соц-д-ія и, прежде всего, ея первообразъ — германская соц-д-ая партія, выразила религіозную роль соціализма наиболѣе полнымъ всестороннимъ образомъ.

Изобрѣтя въ своей «пролетарской» наукѣ соціалистическое провидѣніе, соц-дем-ія, въ своей практикѣ научила рабочія массы терпѣливо выжидать наступленія соціалистическаго рая и въ коммунистическихъ молитвахъ благословлять буржуазный прогрессъ.

Въ строгомъ соотвѣтствіи съ тѣмъ, какъ росла соц-д-ія, какъ число ея приверженцевъ поднималось съ сотенъ на тысячи, съ тысячъ на милліоны, въ той же самой мѣрѣ, въ сознаніи всѣхъ соц-д-овъ «конечная цѣль» все болѣе и болѣе уходила въ даль вѣковъ и наконецъ стала въ мракѣ будущаго совершенно исчезать и расплываться.

Никакой ростъ соц-д-іи не въ состояніи удержать марксистской «конечной цѣли» благополучно странствующей въ сферѣ мечтаній о загробной жизни.

Апокрифической, «объективной», «отъ воли людей независимой» «катастрофѣ промышленности» такъ и суждено, при буржуазномъ прогрессѣ удаляться съ каждымъ днемъ въ безконечность.

И хотя бы силы и численность міровой соц-д-іи востократъ возросли, единственнымъ результатомъ этого развитія будетъ прогрессъ

---

*) Кропоткинъ «Распаденіе совр. строя» и др.

**) «Въ настоящее время интересы пролетаріата совпадаютъ съ интересами націи». — Каутскій.

классового строя, нѣкоторыя завоеванія въ области политическихъ формъ и полная буржуазная благонадежность соц-д-іи.

Тогда то наступитъ тотъ желанный моментъ, который грезился въ предсмертныхъ мечтаніяхъ основателю научнаго социализма, тотъ моментъ, когда соц-д-ія изъ «партіи порядка» становится партіей правительственной, — партіей изучившей въ совершенствѣ искусство управлять строемъ грабежа и неволи рабочихъ массъ.

Ревизіонизмъ не представляетъ собою какого либо искаженія или вырожденія соц-д-ой мысли. Напротивъ, онъ естественный шагъ въ ея развитіи, необходимая ступень въ выработкѣ соц-д-аго самосознанія.

Но ревизіонистская «ересь» формулировала итоги и перспективы соц-д-аго движенія слишкомъ откровенно, слишкомъ поспѣшно, а потому и легкомысленно, и обнаружила этимъ самымъ непониманіе сложности соц-д-ихъ задачъ и ихъ осуществленія. Только за эту излишнюю откровенность и несдержанность, ревизіонисты подверглись столь жестокимъ нападкамъ со стороны марксистской ортодоксіи.

Ибо, что касается основныхъ програмныхъ выводовъ ревизіонизма, то какой же ортодоксъ посмѣетъ отвергать ихъ?

— Насильственный способъ борьбы, вооруженная революція допустима лишь противъ силъ, мѣшающихъ учрежденію и развитію современной демократической свободы...

— Заговоръ, насиліе, революціонное нападеніе на свободный демократическій народъ — безуміе...

— Насильственное преобразованіе общества въ духѣ экономическаго равенства, насильственная соціалистическая экспропріація — абсурдъ....

— Соц-д-ія осуществитъ свои цѣли путемъ реформы, какъ выраженіе свободной народной воли въ демократическомъ государствѣ....

Какой же ортодоксъ, хоть бы онъ соединялъ въ себѣ всю пролетарскую пылкость Бебеля, весь непреклонный революціонизмъ стараго Либкнехта, всю марксистскую чистоту Каутскаго, Плеханова и Геда, какой же ортодоксъ можетъ отвергнуть хоть одно изъ вышеприведенныхъ ревизіонистскихъ положеній, послѣ того, какъ цѣлыми годами всѣ «ученики» вырабатывали эти соц-д-ія аксіомы въ безпрестанной геройской борьбѣ со всякими «истериками насильственнаго переворота», со всевозможными анархистами?

Хотя для нападенія на реформистскую «ересь» объединились въ дѣйствительности всѣ вышеназванныя соц-д-кія добродѣтели, однако же отъ этого союза благочестивыхъ не суждено было пострадать, какъ извѣстно, ни одному еретику.

Нападеніе правовѣрныхъ соц-д-овъ на «ересь» имѣло цѣлью лишь научить бернштейніанцевъ сдержанности и прекратить ихъ до скандальности откровенную болтовню о томъ, что выработанная пролетарская практика представляетъ собой лишь формулу буржуазнаго прогресса.

Естественно, что въ результатѣ побѣдоносной борьбы ортодоксовъ съ ревизіонистами, планы послѣднихъ нисколько не пострадали, а создалось лишь такое положеніе, при которомъ ревизіонисты пріобрѣли возможность всѣ свои планы проводить подъ флагомъ марксистской ортодоксіи.

При помощи одной «красной» резолюціи Дрезденскаго съѣзда германская соц-д-ія, заключавшая только что, по крайней мѣрѣ, столько же приверженцевъ ереси, сколько и правовѣрныхъ, моментально очищается, становится вновь вся сплошь самой ортодоксальной, самой революціонной. Не исключивъ ни одного изъ оппортюнистовъ, она тѣмъ не менѣе съ тѣхъ поръ не заключаетъ больше ни малѣйшей доли «реформистскаго оппортюнизма». Этотъ замѣчательный способъ удаленія изъ партіи всякихъ бернштейніанскихъ элементовъ, такъ простъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ радикаленъ, что подъ нимъ съ такимъ же удовольствіемъ подписывается Бернштейнъ, какъ и Бебель.

Счастливо удавшійся въ Германіи способъ возрожденія и очищенія соц-д-ой партіи, послужилъ послѣднему соціалистическому международному конгрессу превосходнымъ средствомъ облачить всю грязь, наросшую за послѣдніе годы на «красномъ соціалистическомъ знамени», въ бѣлую, чистую одежду вѣчно безпорочной пролетарской партіи Германіи.

Амстердамскій конгрессъ, кромѣ того, постарался наглядно показать, что для «торжества соціализма», одинаково дороги и марксистская ортодоксія и ревизіонизмъ. Это два необходимыхъ элемента соціалистической церкви, дополняющіе другъ друга. Еще разъ обнаружилось, что всякая горячая ссора между этими двумя якобы непримиримыми полюсами соц-д-аго движенія, предвѣщаетъ, какъ во всякомъ счастливомъ супружествѣ, лишь болѣе горячее и скоро предстоящее примиреніе. Чѣмъ съ большимъ жаромъ Бебель и Жоресъ отлучали наканунѣ другъ друга отъ соціалистической церкви, тѣмъ съ большей любовью, въ слѣдующемъ засѣданіи конгресса, они призывали другъ друга къ единенію ad maiorem gloriam соціалистическаго знамени.

Что означаетъ вся эта комедія, разыгрываемая на глазахъ вѣрующихъ всего міра, все наглое бахвальство ортодоксовъ, всѣ ихъ лживыя увѣренія въ своей непримиримости по отношенію къ измѣнникамъ ревизіонистамъ?

Это та самая атмосфера безстыдной фразы, ханжества и усыпляющаго обмана, въ которой создавались всѣ церкви, всѣ религіи.

Демократическій буржуазный строй ортодоксы возлюбили не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ жоресисты и дальнѣйшее его развитіе они, наравнѣ съ послѣдними, считаютъ уже осуществленіемъ «царства свободы и справедливости». Но имъ дано большее, чѣмъ ревизіонистамъ пониманіе того, съ какими трудностями связанъ этотъ буржуазный прогрессъ, а главное, его распространеніе на весь земной шаръ. Они понимаютъ сколь сильное давленіе должны произвести для этого на консервативныя силы современнаго строя пролетарскія массы. Если рабочія массы лишить соціалистической религіи, если въ нихъ поколеблется увѣренность въ томъ, что ихъ участіе въ развитіи «политической и промышленной демократіи» есть единственный и несомнѣнный путь въ соціалистическій рай, то, одинаково дорогія и ортодоксамъ и ревизіонистамъ цѣли соц-д-іи, т. е. буржуазный прогрессъ, не осуществятся.

Поскольку выступленіе Бернштейна было покушеніемъ на самое соціалистическую религію, на безошибочное марксистское евангеліе

лишь постольку ортодоксамъ предстояло обуздать бернштейніанство и привести его въ самосознаніе.

Соц-д-атъ долженъ, конечно, понимать, что, какъ это показалъ Бернштейнъ, въ системѣ марксизма сдѣлалось фразой многое — «горсть магнатовъ капитала», всемірная всеисцѣляющая «катастрофа промышленности», «насильственная диктатура прлетаріата» и т. п. Но горе ему, если онъ забудетъ, что въ эти фразы должны вѣрить непоколебимо тѣ массы, которымъ въ борьбѣ за буржуазный прогрессъ, въ буржуазныхъ революціяхъ предстоитъ быть пушечнымъ мясомъ.

Соц-д-тъ долженъ, подобно Жоресамъ, вкладывать всю свою душу въ буржуазный прогрессъ и его нужды, но онъ обязанъ также поучиться у ортодоксальнаго архиучителя — Каутскаго жонглерскому искусству превращать эти нужды въ «чисто пролетарскія» въ «соціалистическія».

Соц-д-тъ можетъ развивать и истолковывать свое марксистское ученіе даже до полнаго его согласія со всѣмм современными учеными мыслителями; но онъ не имѣетъ права заикнуться о «кризисѣ марксизма» и забыть о томъ что марксизмъ есть откровеніе, въ которомъ не можетъ чего либо не быть, которое не можетъ заключать что либо въ основѣ невѣрное.

Естественно, что эту сущность соц-д-ихъ стремленій и слѣдующую изъ нея сложность программы, соціалисты хуже понимаютъ во французской республикѣ, нежели въ германской имперіи. Но лучше всего и скорѣе всего соц-д-ая программа понята тамъ, гдѣ учрежденію буржуазнаго рая съ вкусными плодами его прогресса мѣшаетъ такая громадная сила, какъ русское самодержавіе, гдѣ соц-дамъ приходится не только «довершать» «покинутое буржуазіей дѣло свободы», но и самимъ собственноручно продѣлатьбуржуазную революцію съ самаго ея начала.

Не смотря на молодость Р. С. Р. П., въ Россіи раньше, чѣмъ гдѣ либо въ Европѣ, возникло бернштейніанство (раньше появленія Бернштейна - реформиста) и раньше чѣмъ вездѣ оно «совершенно» исчезло, превращаясь благополучно въ сплошную ортодоксію.

Русскій соц-д-измъ, какъ массовое явленіе, родился какъ бернштейніанство. Революціонеръ въ Россіи согласился стать соц-д-омъ лишь тогда, когда даже для нѣмецкихъ министровъ и прокуроровъ стало несомнѣннымъ, что соц-д-ія — противникъ насильственной рабочей революціи, что она, какъ партія буржуазнаго прогресса, является во всякомъ конституціонномъ государствѣ «партіей порядка».

Русскій соц-д-измъ родился какъ легальный марксизмъ. Учителями нынѣшнихъ ортодоксовъ были извѣстные теперь вожаки русской либеральной буржуазіи, предвосхитившіе всѣ пункты ревизіонистской программы. Главнымъ и первымъ пунктомъ этого пролетарскаго ученія была цѣлесообразность, желательность и законность капиталистическаго прогресса и вѣра въ тредюніонистскаго рабочаго, какъ его носителя.

Воспринявъ такимъ образомъ соц-д-измъ, какъ формулу буржуазнаго прогресса, русскій революціонеръ формулировалъ одновременно съ этимъ соціализмъ, какъ идеалъ, какъ религію, вдохновляющую на этотъ прогрессъ и освящающую его.

Для превращенія русскихъ бернштейніанцевъ въ орсодоксовъ не понадобилось потомъ вовсе никакого перевоспитанія, понадобилось лишь ощущеніе возможности и близости столь желанной буржуазной революціи и вытекающее отсюда сознаніе необходимости внести въ русскія рабочія массы революціонную непримиримость по отношенію къ самодержавной власти и непоколебимую ортодоксальную вѣру въ соціалистическое провидѣніе, предначертанія котораго указываютъ, что единственный и несомнѣнный путь въ соціалистическій рай скрытъ во всероссійской конституціи.»

III

Однимъ изъ первыхъ крушеній соціалистической утопіи было слѣдующее:

Приведенныя въ отчаяніе ужасными кризисами англійской промышленности, поднимавшіе уже не одинъ бунтъ рабочія массы, въ началѣ 30-хъ г. г. дружно и поспѣшно собираются подъ знаменемъ ученія Овена. Въ каждой отрасли производства, на каждой фабрикѣ рабочіе, устранивъ совершенно излишнихъ паразитовъ капиталистовъ, возьмутъ все производство страны въ свои руки и, обмѣнивая свои произведенія въ центральномъ бюро, учредятъ общество равныхъ работниковъ...

Извѣстно, что лишь только движеніе приняло болѣе широкіе размѣры, при первомъ, болѣе крупномъ столкновеніи съ капиталистами, англійское правительство посылаетъ войска, свирѣпымъ разгромомъ наводитъ панику на всѣ рабочія массы, и полумилліонная организація овенистовъ еще быстрѣе исчезла, нежели возникла.

Этотъ историческій фактъ представляетъ собою характерное явленіе въ исторіи соціалистическаго движенія.

Наслѣдники овенистовъ — чартисты нашли, что утопическая формула Овена, не предвидѣвшая столь естественнаго удара, открывала лишь долю того господства, которое тяготѣетъ надъ рабочимъ классомъ. Заключить изъ этого фіаско, что формула эта не вѣрна, что она не открываетъ еще основы вѣковой неволи, — такого заключенія не позволили бы сдѣлать ни чартисты, ни какіе-либо другіе соціалисты XIX ст. Послѣдующее соціалистическое движеніе допускало лишь тотъ выводъ, что формула первыхъ утопистовъ не полна.

Кто приходитъ на помощь капиталистамъ, въ видѣ государственной власти? — на этотъ вопросъ должны были отвѣтить чартисты послѣ овенистскаго крушенія.

Развѣ не вся *совокупность имущихъ* классовъ, въ которой владѣльцы фабрикъ и земли составляютъ лишь часть? Развѣ не все стоящее надъ рабами ручнаго труда общество — *потребитель* взъимаемой капиталистами *національной прибыли*? Развѣ не все буржуазное общество, для котораго капиталисты лишь уполномоченные, которому капиталистическая эксплуатація рабочихъ создаетъ фондъ для паразитнаго существованія? Развѣ не вся выстроенная вѣками *организація владѣльцевъ богатствъ* страны?

Такой мысли не могли ни на минуту допустить ни чартисты, ни другіе соціалисты XIX столѣтія. Ибо первою обязанностью соціали-

стической науки было убѣдить рабовъ современнаго міра, будто единственными эксплуататорами въ обществѣ являются капиталисты — владѣльцы фабрикъ и земли, будто въ буржуазномъ обществѣ нѣтъ никакихъ другихъ имущихъ классовъ, никакихъ другихъ паразитовъ, и будто всѣми богатствами міра завладѣла «горсть магнатовъ капитала».

Итакъ, какой же отвѣтъ на явившійся вопросъ дала соціалистическая наука?

На помощь капиталистамъ, говорили чартисты и всѣ слѣдующіе за ними соціалисты, явился «другой врагъ» рабочаго класса, врагъ новый, экономистамъ изъ школы Овена вовсе неизвѣстный, врагъ особый, совершенно другого происхожденія, изъ совершенно другой области, «изъ области политической». Классъ капиталистовъ «присвоилъ себѣ политическое господство», государственную власть «превратилъ» ее въ коммиссію для своихъ эксплуататорскихъ дѣлъ. Рабочій классъ, завоевавъ хартію, всеобщее избирательное право, выступленіемъ своимъ въ политической жизни, лишитъ капиталистовъ ихъ «временнаго» господства, и только тогда, въ настоящей демократіи найдетъ условія и возможность осуществленія своихъ первоначальныхъ соціалистическихъ плановъ.

«Коммунистическій Манифестъ», легшій въ основаніе послѣдующаго соц.-д.-аго движенія, являясь синтезомъ предшествовавшихъ соціалистическихъ теченій, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе твердымъ обоснованіемъ чартистской программы. Его болѣе глубокія мысли, нѣкоторые, болѣе смѣлые порывы къ новому, послѣ признанія основной формулы первыхъ утопистовъ, обречены были на то, чтобы въ дальнѣйшемъ марксистскомъ движеніи почти безслѣдно затеряться.

Послѣ установленія описаннымъ способомъ «двухъ враговъ» рабочаго класса, для соціалиста безповоротно весь міръ распался на двѣ совершенно отличныя области — политики и экономики, двѣ области, слиться которымъ опять въ одно цѣлое не представляется больше никакой возможности. Соотвѣтственно съ этимъ получилась двоякаго рода неволя, слѣдующая изъ двойного—политическаго и экономическаго господства буржуазіи, и двоякаго рода будущее освобожденіе рабочаго класса для завоеванія «какъ экономической, такъ и политической свободы».

Распаденіе всей жизни на экономику и политику положено въ основу ученія обоихъ теченій современнаго соціализма, какъ соц.-демократическаго, такъ и анархистскаго. И въ настоящее время нѣтъ болѣе соціалиста, у котораго было бы о д н о дѣло. Для всѣхъ безъ исключенія современныхъ соціалистовъ освобожденіе рабочихъ не есть единое соціалистическое дѣло, а два дѣла,-до такой степени, что объ этомъ заявляетъ всякій соціалистъ, всякое соціалистическое произведеніе съ перваго же своего слова, при одномъ произнесеніи собственной клички: «соціалъ-демократъ», «соціалистъ-анархистъ». Всѣ вмѣстѣ и каждый порознь—не только соціалисты, но еще обязательно —или демократы, или анархисты; не только стремятся осуществить соціализмъ, но еще вдобавокъ—или выстраиваютъ, кромѣ соціализма, идеальное государство, идеальную демократію, или, кромѣ освобожде-

нія рабочихъ путемъ соціализма, освобождаютъ ихъ еще путемъ упраздненія государства.

При этомъ замѣчательно, что анархисты, тѣ самые, которые будто бы интересуются только экономикой и презираютъ строй демократической, политической свободы, своимъ специфическимъ способомъ раздвоенія соціалистическаго дѣла, отстаиваютъ существованіе особой —отъ экономической—области политики, а тѣмъ самымъ и необходимость особаго, политическаго освобожденія рабочаго класса, еще болѣе твердымъ, еще болѣе грубымъ способомъ, чѣмъ соц.-демократы, умѣющіе еще иногда, въ случаѣ нужды сводить все къ экономикѣ и выставлять политику «только средствомъ».

Для полнаго освобожденія надо, по программѣ анархизма упразднить «не только капиталъ, но и государство», «не только частную собственность, но и власть». И не мыслимо иначе, твердитъ анархистъ: вѣдь «капиталъ» и «частная собственность» живутъ себѣ въ своемъ царствѣ экономики, а «власть» и «государство» имѣютъ свое, совершенно особое, царство политики.

Итакъ, всѣ современные соціалисты непоколебимо увѣрены въ томъ, что осуществить предстоитъ не одну, а двѣ человѣческихъ свободы—экономическую и политическую.

«Двѣ свободы»! »Экономическое и политическое освобожденіе человѣка»!

Соціалистическая наука пріобрѣла наконецъ ясность талмуда.

Соціализмъ XIX ст., даже въ самые революціонные свои моменты, даже въ лучшихъ своихъ теченіяхъ, не открывалъ никогда сущности вѣковой неволи рабовъ, организованнаго цивилизаціей грабежа. Съ своимъ развитіемъ онъ теряетъ даже объ ощущеніе вѣковой неволи ограбленныхъ, которое у него было въ его лучшіе моменты. Конечно, всѣ соціалистическія теченія стараются «раскрывать эксплуатацію» и представляютъ «полное освобожденіе» рабочаго класса, какъ освобожденіе э к о н о м и ч е с к о е, «но послѣднее все болѣе начинаютъ истолковывать не какъ уничтоженіе грабежа,—источника неволи,—не какъ захватъ рабочими имущества владѣющаго меньшинства, а какъ экономическое п р е о б р а з о в а н і е о б щ е с т в а, какъ освобожденіе, по выраженію марксизма, человѣка вообще изъ подъ власти независимо отъ его воли дѣйствующихъ экономическихъ законовъ, какъ соціалистическое строительство свободнаго народа, достигшаго, повидимому, этихъ свободныхъ условій своего творчества, уже предварительно на другомъ пути.

—Существующее общество— организація грабежа и эксплуатаціи. Свобода для рабочихъ наступаетъ лишь съ экспропріаціей грабителей.

Эти лозунги, въ устахъ соціализма прошлаго вѣка, даже въ моменты наиболѣе революціоннаго его настроенія, являются не твердымъ убѣжденіемъ, не конкретнымъ, непоколебимымъ стремленіемъ, а агитаціонной фразой, которая лишь кокетничаетъ съ рабочими возстаніями.

Этимъ искусствомъ въ наибольшей степени владѣетъ марксизмъ. Онъ объявляетъ единственной своей заботой успѣхъ классовой борьбы

пролетаріата, для того, чтобы въ дѣйствительности ввести классовую борьбу рабочихъ въ русло буржуазнаго прогресса. Іезуитская наука марксистовъ стремится вызвать у своихъ пролетарскихъ послѣдователей довѣрчивое къ себѣ отношеніе и глубокую иллюзію, будто она ни на минуту не сходитъ съ классовой точки зрѣнія пролетаріата, будто, считая сущностью, «базисомъ» цивилизованнаго общества только классовую борьбу, только эту «экономику», она никогда не забудетъ и не въ состояніи забыть о томъ, что общество есть организація эксплуатаціи, что оно состоитъ лишь изъ ограбленныхъ и ихъ грабителей?

Между тѣмъ, въ дѣйствительности, марксистское обученіе пролетаріата преслѣдуетъ съ перваго своего шага, съ непоколебимою твердостью прямо противоположную цѣль, цѣль установленія основного, всеобъемлющаго единенія всѣхъ классовъ общества, грабителей и ограбленныхъ. «Экономическій базисъ» классового общества заложенъ въ марксистской философіи, какъ всеопредѣляющій фундаментъ для объединенія господъ и порабощенныхъ въ единый природный хозяйственный организмъ. Воспитанники марксистской школы, вмѣсто обѣщаннаго пониманія общества, какъ организаціи грабежа, пріобрѣтаютъ въ концѣ своего обученія, твердое познаніе классового общества, какъ единаго цѣлаго, какъ сотрудничества рабовъ и рабовладѣльцевъ, сотрудничества безсознательнаго, но тѣмъ не менѣе безпрекословнаго передъ лицомъ законовъ природы и исторической необходимости. Словно воспитанники любой церковной или государственной школы, они научились объединять грабителей и ограбленныхъ въ единой, «имманентной» общественной цѣли, въ прогрессѣ промышленности и цивилизаціи, ведущемъ къ соціалистическому раю; въ единыхъ, общихъ какъ господамъ, такъ и порабощеннымъ, экономическихъ нуждахъ національной промышленности.

Вмѣстѣ съ легализаціей соціализма въ «эксплуатаціи» уличается лишь «горсть» плутократовъ, «магнатовъ капитала», «капиталистическихъ феодаловъ» и соціалистическое пониманіе эксплуатаціи уподобляется пониманію гуманитарныхъ демократовъ осуждающихъ гнетъ богачей надъ бѣдными гражданами, эксплуатацію кучкою капиталистовъ *всего общества*. Въ лагерѣ соціалистовъ исчезаетъ совершенно ощущеніе того грабежа, который положенъ въ основу самого существованія цивилизованнаго общества, ощущеніе неволи рабовъ, ограбленныхъ рабочихъ массъ. Соціалисты этой неволи больше не чувствуютъ, не знаютъ, какъ и всякій мирный обыватель.

На почвѣ этой *неволи* рабовъ, большинства обреченнаго на пожизненный ручной трудъ, соціалисты завоюютъ вполнѣ доступное рабамъ гражданское *равноправіе* съ ихъ господами, вполнѣ доступную имъ *настоящую свободу*, неподдѣльную политическую свободу.

Но современные соціалисты, какъ извѣстно, не только «единственные» искренніе либералы но и «единственные послѣдовательные» демократы. Ограбленныхъ они умѣютъ сдѣлать, не уничтожая неволи, не только свободными и полноправными гражданами, но даже господами и самостоятельными хозяевами въ общественной жизни. Въ Польшѣ они устранятъ грабительскій режимъ чужеземныхъ завоевателей, достигнутъ самостоятельности либо автономіи страны, и

польскій пролетаріатъ вмѣстѣ со всей польской націей, сдѣлается самостоятельнымъ хозяиномъ въ своемъ собственномъ домѣ.

Въ Россіи соціалистическіе рабочіе свергнутъ иго самодержавія этотъ «единственный источникъ всѣхъ нашихъ бѣдъ» и въ видѣ свободнаго россійскаго народа станутъ полными господами своей судьбы.

Для современнаго соціализма, который такимъ образомъ является лишь средствомъ удержанія всей лжи либерализма и демократическихъ утопій, оказывается совершенно недоступнымъ пониманіе дѣйствительнаго положенія рабочихъ массъ въ цивилизованномъ обществѣ, пониманіе всего размѣра ихъ вѣкового рабства.

Для уясненія смысла и сущности цивилизованнаго общества и его историческаго развитія, для опредѣленія, чѣмъ для людей является это общество и его устои, соціализмъ не думалъ справляться съ ощущеніями тѣхъ милліоновъ, которые этимъ обществомъ порабощены. Онъ старался понять лишь взгляды и ощущенія строителей этого общества, хозяевъ и господъ порабощенныхъ массъ.

Возстанія рабовъ древнихъ, среднихъ и новыхъ вѣковъ говорятъ ему, что цивилизованное общество есть тюрьма, организація неволи, какъ въ древнихъ и новыхъ деспотіяхъ, такъ въ древнихъ и новыхъ демократическихъ республикахъ, что родилось оно и существуетъ до сихъ поръ для порабощенія людей, что историческій ходъ есть выраженіе воли господствующаго меньшинства, организующаго путемъ грабежа силу и средства порабощенія въ цивилизованномъ обществѣ. Но соціалистической *наукѣ* не подобаетъ внимать голосу невѣжественныхъ рабовъ. Она съ неудовольствіемъ отворачивается отъ этой нагой правды, отъ этаго ужаснаго смысла цивилизаціи. Она ищетъ разъясненій у ученыхъ людей, у ученыхъ истолкователей и строителей этого общества, желая быть ихъ достойной наслѣдницей, она ищетъ ихъ у философовъ всѣхъ временъ, которые по ея мнѣнію (марксизмъ) всегда высказывали доступную ихъ вѣку истину. Извлеченная такимъ образомъ соціалистическая правда, какъ правда *объективная* стоящая выше мелкихъ классовыхъ ссоръ и раздоровъ, безконечно ближе и пріятнѣе сердцу соціалистической науки, и прямопротивоположна *субъективнымъ* ощущеніямъ и настроеніямъ бунтующихся массъ.

И среди безпрерывно развивающагося озлобленія рабовъ XIX вѣка, среди кровавыхъ усмиреній рабочихъ мятежей и разгромовъ, въ соціалистической церкви раздается тихая пѣснь вѣры, съ которою по силѣ и характеру вліянія можетъ сравниться развѣ проповѣдь Христа.

— Общество, по законамъ котораго усмиряются теперь рабочіе бунты, находится въ состояніи кризиса, который однако самъ является гарантіей его оздоровленія, который обѣщаетъ близкое возрожденіе этого общества, ибо оно возникло для совмѣстной борьбы людей съ природой, ради общихъ всѣмъ классамъ нуждъ и всегда въ своемъ развитіи подчинялось нуждамъ производства, общимъ потребностямъ, этимъ законамъ исторической необходимости. Законы развитія цивилизованнаго общества суть законы сотрудничества. Въ

древніе времена, при скудости средствъ, при грубости нравовъ это сотрудничество не могло выразиться иначе, какъ въ видѣ «принудительнаго» *сотрудничества* рабовъ и рабовладѣльцевъ. По тѣмъ же историческимъ законамъ человѣческаго сотрудничества классовое расчлененіе общества и классовое господство существовало и развивалось на протяженіи вѣковъ, вплоть до настоящаго времени. Но въ нашъ счастливый вѣкъ, сами кризисы общества, само вырожденіе и безсиліе правящихъ классовъ, даетъ неопровержимый доводъ ихъ негодности, сами законы историческаго развитія этого общества обрекаютъ ихъ на смерть. Не только нужды рабочихъ, но само дальнѣйшее существованіе общества требуетъ коммунистическаго строя.

Такія сказки въ одинаковой мѣрѣ, хоть и на разные лады, сочиняетъ наука всѣхъ соціалистическихъ теченій. Болѣе наивная «индуктивно-дедуктивная» наука анархистовъ историческій ростъ всякой «общественности», хотя бы общественности греческихъ рабовладѣльцевъ и современныхъ капиталистовъ, подводитъ подъ категорію развитія въ человѣчествѣ принциповъ солидарности, по которымъ воздвигается соціалистическій рай. Болѣе умная и выдержанная «объективная» наука соц.-дем.-овъ, понявшая глубже «соціальные антагонизмы», указываетъ предпосылки соціализма за предѣлами сознанія, за предѣлами сознательныхъ усилій людей, и поэтому принуждена увеличить дозу провиденціализма, по которому даже капиталисты работаютъ безсознательно въ пользу соціалистическаго рая и изъ капиталистическаго зла рождаютъ соціалистическое благо, изъ капиталистическихъ противорѣчій — коммунистическую гармонію.

Но не смотря на различія и даже оффиціальную вражду, и одна и другая соціалистическая наука дѣйствуетъ на психологію возстающихъ рабовъ совершенно одинаковымъ образомъ: усыпляя ихъ, какъ всякая религіозная проповѣдь, соціалистическая наука обуздываетъ ихъ революціонную энергію, ихъ переворотные планы. Она вскармливаетъ у нихъ вѣру въ помощь силъ существующихъ *внѣ ихъ собственныхъ усилій*, въ помощь такъ или иначе сочиненной фикціи, вскармливаетъ надежду на содѣйствіе этой фикціи, надежду влекущую за собой ослабленіе непосредственной, конкретной борьбы.

Если марксистская наука пріобрѣтаетъ тождественность со всѣми религіозными системами своимъ установленіемъ «имманентной цѣлесообразности» въ прошломъ и настоящемъ человѣческаго общества, изобрѣтеніемъ соціалистическаго провидѣнія, то наука анархистовъ, въ своей проповѣди солидарности и вѣры въ эту солидарность какъ залогъ возможнаго и близкаго осуществленія соціалистическаго рая, совершенно сближается съ проповѣдью Христа о любви, какъ залогѣ «царствія божія» на землѣ. *)

Соціалистическая наука распространяется по всему міру и всюду производитъ надлежащее дѣйствіе. При ея помощи бурныя стачки, мятежи и волненія рабочихъ преобразуются въ узаконенную профес-

---

*) Не даромъ Толстой избралъ для возрожденія христіанства анархистское ученіе, легализацію котораго онъ констатируетъ. Но анархистское *протестантство* привлекаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, по старой памяти и въ виду отсутствія другого боевого знамени, — нѣко-

сіональную борьбу тредъ-юніоновъ, а ощущеніе неволи служитъ лишь пищей для соціалистическихъ демонстрацій, праздниковъ и молитвъ.

То обстоятельство, что реальнымъ, «положительнымъ» плодомъ соціалистической науки оказывается буржуазный прогрессъ, является совершенно естественнымъ слѣдствіемъ основныхъ положеній «революціоннаго» ученія соціализма.

Соціалисты не объявляли никогда войны цивилизованному обществу, какъ организаціи грабежа, а возстали *лишь противъ вырожденія этого общества*, вызваннаго господствомъ плутократовъ. Залогомъ ихъ революціи было безсиліе правящихъ классовъ, безпомощность, безвыходность и кризисъ капитализма, неумѣнье капиталистовъ господствовать и управлять дальше промышленностью, «переросшею узкія рамки» современнаго строя.

Какъ ни строго научны аппеляціи соціалистовъ къ экономическимъ законамъ, которые живутъ якобы внѣ воли людей и несутъ смерть капиталистамъ, а соціалистамъ рай, какъ ни объективны ихъ заклинанія вызывающія, соціалистическое провидѣніе, послѣднее ни за что не хочетъ родиться на грѣшной землѣ.

Наоборотъ, вѣрующимъ соціалистамъ съ каждымъ годомъ приходится убѣждаться въ томъ, что столь милостивые, казалось, законы экономическаго развитія чрезвычайно строги. Существующій строй «оказывается жизнеспособнымъ», правящіе классы помолодѣли, капиталистическій способъ производства «оказался способнымъ къ развитію». Очевидно соціалистическая революція далеко еще не созрѣла и затѣвать ее — преступно.

Соціалисты провозгласили ниспроверженіе капиталистическаго строя лишь постольку и лишь потому, что они были увѣрены, что паденіе капиталистическаго хозяйства, является очередной фазой въ развитіи тѣхъ же самыхъ «экономическихъ законовъ», «экономической необходимости», которые господствовали на протяженіи всѣхъ истекшихъ вѣковъ.

Хотя въ этомъ разсчетѣ оказалась неожиданно основная и очень крупная ошибка, соціалисты тѣмъ не менѣе, желая остаться вѣрными своей первоначальной позиціи, *желая удержать въ чистотѣ первоначальное соціалистическое ученіе*, должны попрежнему подчиняться тому же историческому ходу, не смотря на то, что онъ обнаруживаетъ теперь не безсиліе, а прогрессъ буржуазнаго строя. Соціалисты не могутъ объявить вдругъ бунтъ противъ исторической необходимости и естественнаго историческаго хода, противъ инстанціи, которую они сами объявили безапеляціонной.

торые наиболѣе возмущенные современнымъ гнетомъ элементы. Отъ этого не мѣняется конечно характеръ доктрины, и наиболѣе революціонные элементы находятъ въ призрачно-непримиримой анархистской доктринѣ лишь наиболѣе сильную для своего революціонизма отраву.

Но соціалисты по прежнему подчиняются новому историческому ходу, т. е. буржуазному прогрессу, даже не въ ущербъ своимъ интересамъ, а напротивъ съ очень значительнымъ, почти полнымъ удовлетвореніемъ. Вѣдь они объявляли войну капитализму по поводу отсутствія перспективы его развитія. Стало быть, совершенно неожиданно наступившее развитіе буржуазнаго строя должно нести и несомнѣнно несетъ соціалистамъ удовлетвореніе.

Въ самомъ дѣлѣ, буржуазный строй былъ достоинъ низверженія, пока грозилъ передать всѣ богатства уменьшающейся горсти плутократовъ, экспропріировать самихъ имущихъ, уничтожить средніе классы и все общество превратить въ поденщиковъ-пауперовъ. Но вѣдь современный капитализмъ ничуть не похожъ на такого тирана.

Онъ не только не уничтожаетъ среднихъ классовъ, но создаетъ цѣлую новую систему приличныхъ доходовъ для среднихъ имущихъ слоевъ общества, создаетъ для нихъ въ своихъ городахъ невиданный при предшествующихъ способахъ производства комфортъ. У бѣдняка онъ вовсе не отнимаетъ надежды «выйти въ люди», войти когда нибудь въ среду благополучно ростущаго привиллегированнаго общества. Такъ за что же низвергать буржуазный строй? За то, что онъ строй грабежа и эксплуатаціи? Но вѣдь соціалистическая наука никогда, даже въ періодъ своей первоначальной, революціонной чистоты, не считала такого мотива достаточнымъ основаніемъ для провозглашенія революціи.

Вотъ въ какомъ видѣ окончательно опредѣлилась помощь науки, оказанная рабамъ XIX столѣтія, вотъ къ чему привело стремленіе къ «научному обоснованію» рабочей программы, стремленіе опереть рабочее дѣло не только на «субъективныя» ощущенія и пожеланія класса, но на «объективныхъ» нуждахъ всего общества, на объективной правдѣ, общеобязательной для всѣхъ людей, для всего человѣчества.

Въ видѣ соціализма истекшаго столѣтія исторія дала еще одинъ примѣръ, какъ стремленіе благодѣтельствовать все человѣчество, чтобы быть послѣдовательнымъ, благодѣтельствуетъ и ограбленныхъ и ихъ грабителей, даетъ въ результатѣ грабителямъ укрѣпленіе господства, а ограбленнымъ ... слово божье и вѣру въ наступленіе рая для будущихъ счастливыхъ поколѣній.

IV

Соціализмъ XIX вѣка не сознаетъ, не ощущаетъ того грабежа, который положенъ въ основу цивилизованнаго общества. Естественно, что онъ не знаетъ и средства упраздненія этого грабежа, освобожденія порабощенныхъ рабочихъ массъ.

Что касается его соціалистической панацеи обобществленія средствъ производства, то какъ указано выше, современный соціализмъ, въ лицѣ всѣхъ своихъ теченій, самъ въ ней не увѣренъ, онъ самъ считаетъ ее недостаточной, требующей пополненія анархистской или демократической утопіей.

Обобществленіе средствъ производства, говоритъ научный соціализмъ, если вздумать произвести такое преобразованіе немедленно, не только не освободило бы рабочаго класса, но въ большинствѣ случаевъ, въ большей части современныхъ государствъ, послужило бы средствомъ укрѣпленія гнета и эксплуатаціи. (Кауцкій) Лишь послѣ достиженія «полной демократической свободы» и послѣ достаточнаго подготовленія рабочаго класса обобществленіе средствъ производства можетъ принести полное освобожденіе.

Съ другой стороны, анархисты точно также доказываютъ недостаточность соціалистической панацеи. Если «обобществленіе», говорятъ они, произведетъ соц.-дем.-ія, т. е. государственные соціалисты, то вѣковая неволя отъ этого ничуть еще не исчезнетъ. Только послѣ уничтоженія государства, послѣ освобожденія отъ государства и его гнета, освобожденія достигнутаго въ результатѣ еще и другой, неэкономической, а спеціально антигосударственной борьбы, наступаетъ прекращеніе вѣковой неволи.

Итакъ, если подъ «обобществленіемъ» понимать прекращеніе эксплуатаціи посредствомъ экспропріаціи грабителей,—а на это вѣдь формула претендуетъ,—то самъ соціализмъ всѣми своими современными программами доказываетъ, что въ этомъ отношеніи соціалистическая панацея недостаточна. Отсюда вытекаетъ неотклонимый выводъ, что «обобществленіе» можетъ экспропріировать лишь часть эксплуататоровъ, а не всѣхъ, можетъ упразднить лишь одну изъ формъ эксплуатаціи, но не эксплуатацію вообще. Соціализмъ нападалъ лишь на одинъ видъ эксплуатаціи и грабежа, а не на саму ихъ вѣковую основу. Соціализмъ нападаетъ на грабежъ капиталистовъ, частныхъ предпринимателей, собственниковъ средствъ производства. Формула «обобществленія» гарантируетъ исчезновеніе этого класса. Если теперь, какъ признаютъ сами вѣрующіе въ эту формулу, она сама по себѣ не гарантируетъ освобожденія рабочихъ, прекращенія ихъ эксплуатаціи, стало быть исчезновеніе капиталистовъ не есть еще исчезновеніе грабителей и грабежа вообще. Слѣдовательно не только капиталисты — эксплуататоры, слѣдовательно грабежъ существуетъ еще внѣ класса частныхъ предпринимателей, самостоятельныхъ собственниковъ фабрикъ и земли, существуетъ слѣдовательно, кромѣ капиталистическаго владѣнія средствами производства, еще какая то собственность, пользованіе которой есть результатъ грабежа.

На этотъ неумолимый выводъ соціализмъ истекшаго столѣтія наталкивался безконечное число разъ. При критикѣ утопистовъ, искренне стремившихся путемъ обобществленія примирить классы и исцѣлить общество, при критикѣ королевскихъ коммунистическихъ совѣтниковъ, при собственныхъ неудачахъ въ массовыхъ возстаніяхъ, при сѣрыхъ перспективахъ безконечно медленнаго движенія къ идеалу, когда рядомъ, поднимаются крупнѣйшіе мятежи рабочихъ массъ противъ строя неволи, при ростѣ грязи и оппортунизма въ соціалистической церкви,—во всѣ эти моменты соціализмъ стоялъ передъ вышеприведеннымъ выводомъ и съ непоколебимымъ, рѣшеннымъ разъ навсегда упорствомъ, отварачивается отъ него.

Что значитъ это упорство?

Свою формулу обобщесвтленія соціализмъ рѣшилъ сдѣлать откровеніемъ, не подлежащемъ критикѣ. Каждое фіаско лишь побуждало его напрягать всѣ силы, чтобы спасти эту формулу.

Чѣмъ больше онъ убѣждался въ ея недостаточности, тѣмъ больше научныхъ, объективныхъ доводовъ ея непогрѣшимости изобрѣтали его ученые. И все это имѣло цѣлью, на изношенной формулѣ, которую самимъ имъ приходится безпрестанно штопать, сосредоточить всѣ помыслы, всю вѣру массъ. Этимъ грубымъ пріемомъ жрецовъ и поповъ атеистическая, позитивная наука постаралась обезпечить за безпрестанно банкротирующей формулой обобществленія ея всеспасительность, создать такимъ образомъ тотъ соціалистическій крестъ, которымъ любой политическій шарлатанъ можетъ осѣнить себя, чтобы подъ щитомъ соціалистическаго исповѣдыванія скрыть свои настоящія цѣли и стремленія.

Выше мы старались показать на примѣрѣ чартистовъ, что соціалисты, уже въ этотъ періодъ, принуждены были прибѣгнуть къ самому грубому штопанію своей панацеи.
Если формула обобществленія сама по себѣ не даетъ еще освобожденія пролетаріату и полнаго упраздненія эксплуатаціи, то ее слѣдуетъ дополнить старыми идеалами, идеалами демократизма и анархизма.

Идеалы тѣхъ направленій, которыя съ самого своего возникновенія не обнаруживаютъ ни малѣйшаго желанія знать что либо объ эксплуатаціи рабочаго класса, которыя строятъ свои планы свободы именно на почвѣ непризнанія этой эксплуатаціи, — эти то идеалы должны были обезпечить полное освобожденіе рабочаго класса. И такимъ образомъ, путемъ простого сложенія двухъ завѣдомо недостаточныхъ и негодныхъ истинъ, современный соціализмъ стремится обезпечить за собой свою абсолютную безошибочность.

Въ такомъ грубо заплатанномъ видѣ всеспасительная формула поставлена и въ «Коммунистическомъ Манифестѣ». — «Первый шагъ въ рабочей революціи есть завоеваніе демократіи», — «возвышеніе пролетаріата въ классъ господствующій», — «завоеваніе диктатуры пролетаріата».

Пришлось подождать всего нѣсколько мѣсяцевъ и реальная борьба рабовъ общества ниспровергаетъ вновь, казалось, такъ прочно установленную панацею. Идеальная демократія, «соціальная республика» со всѣми абсолютными свободами была дѣйствительно завоевана, но она оказалась не диктатурой пролетаріата, какъ обѣщала формула Манифеста, а... диктатурой буржуазіи. Послѣдняя постаралась немедленно показать очень внушительно, что демократическая свобода, — это якобы «возвышеніе пролетаріата въ классъ господствующій»— есть свобода буржуазнаго общества, ничуть не ослабляющая неволи для своихъ рабовъ — рабочихъ, съ которыми она умѣетъ расправляться, если они вздумаютъ относить свободу на свой счетъ и не подчиняться законамъ своего рабства.

Еслибы соціализмъ XIX вѣка былъ дѣйствительно тѣмъ, на что онъ претендуетъ и что въ немъ видятъ вѣрующіе, еслибы онъ былъ настоящимъ стремленіемъ къ упраздненію вѣковой неволи рабочихъ массъ, онъ по крайней мѣрѣ послѣ такого крупнѣйшаго и краснорѣчиваго факта, какъ іюньскіе дни признала бы свою ошибочность, призналъ бы, что даже наиболѣе дальнозоркая его программа, указан-

ная въ Коммунистическомъ Манифестѣ, разбита въ пухъ и прахъ. Онъ призналъ бы цѣлый рядъ слѣдующихъ фактовъ, въ корнѣ подрывающихъ его основы.

Современное цивилизованное общество, съ тѣхъ поръ какъ низвергло абсолютныхъ деспотовъ и королей не можетъ жаловаться, что у него «руки связаны». Республиканское общество, самолично выражающее свою собственную волю, желающее чтобы весь народъ самъ безпрепятственно опредѣлялъ свою судьбу, чтобы правительство было его слугою, то демократическое общество, которое не прочь перевести нѣсколько милліоновъ изъ кармановъ богачей въ «общее достояніе націи», ограничить произволъ плутократовъ кое-какимъ фабричнымъ законодательствомъ, — это республиканское, демократическое общество является по отношенію къ современнымъ рабамъ, рабочимъ, тѣмъ же самымъ неумолимымъ господиномъ, какимъ являлись римскіе рабовладѣльцы по отношенію къ своимъ невольникамъ. Когда возникъ вопросъ, можно ли этихъ рабовъ, обреченныхъ на пожизненный ручной трудъ, признать участниками необходимыхъ средствъ жизни хоть въ той мѣрѣ, чтобы во время безработицы выдавать имъ въ «національныхъ мастерскихъ» ихъ рабскій паекъ, можно ли уничтожить голодовки современныхъ рабовъ, этотъ бичъ, гонящій ихъ въ ихъ каторжную работу, — демократія, этотъ самодержавный народъ, дала непоколебимый отвѣтъ въ іюньской рѣзнѣ. Отвѣтъ дали не плутократы, не грубые, городскіе кулаки и лавочники, а образованное общество, «цвѣтъ» французской націи, аристократія духа. Усмирителями явились недавніе конспираторы, вызвавшіе рабочихъ на борьбу за «торжество свободы». «Горе іюню!» кричала вмѣстѣ съ Кавеньякомъ, революціонная соціалистическая интеллигенція, учащаяся молодежь.

И общество ничуть не заблуждалось во всей этой исторіи, а обнаружило лишь свою сущность. Рабство большинства, обреченнаго до рожденія, на пожизненую каторгу ручного труда нужно самому этому обществу: не кучкѣ лишь плутократовъ, не горсти капиталистовъ, а всѣмъ привиллегированнымъ классамъ, и не только собственникамъ земли, фабрикъ и мастерскихъ, но и владѣльцамъ культуры и цивилизаціи, образованному обществу, арміи умственныхъ рабочихъ. Все паразитное существованіе современнаго привиллегированнаго образованнаго общества, какъ правителей, хозяевъ и владѣльцевъ растущихъ богатствъ природы и цивилизаціи, обусловлено рабствомъ большинства, приговореннаго къ пожизненному ручному труду, которому полагается получать лишь рабскій паекъ, а всѣ растущія богатства передавать въ руки капиталистовъ и капиталистическаго государства, этихъ уполномоченныхъ собирателей національной прибыли, на счетъ которой живетъ все буржуазное общество весь господствующій міръ бѣлоручекъ.

Чартистская интеллигенція въ Англіи, теряющая моментально, съ наступленіемъ массовыхъ стачекъ, всю свою революціонность, интеллигенція всевозможныхъ французскихъ коммунистическихъ сектъ, предоставившая впослѣдствіи рабочихъ Кавеньяку, германская соціалистическая интеллигенція, отвергающая въ 40-хъ годахъ «западно-

европейскій капитализмъ»—подъ социалистическимъ строительствомъ, для котораго она требовала свободы, понимала собственную свободу быть непосредственнымъ учителемъ, руководителемъ народа и національной жизни, которую, при помощи науки, она обѣщала моментально превратить въ строй равенства и братства. Социализмъ послужилъ ей простымъ средствомъ вовлеченія рабочихъ массъ въ борьбу за тотъ конституціонный и демократическій рай, въ которомъ нынѣ она полноправный хозяинъ. Впрочемъ она была искренне социалистична въ томъ смыслѣ, что негодовала по поводу собственнаго своего превращенія въ наемника кулаковъ и жаждала скорѣйщаго участія въ пользованіи богатствами, присвоенными горстью плутократовъ.

Коммунистическій Манифестъ былъ наиболѣе глубокой и жизнеспособной формулой этого «демократическаго» социализма новѣйшей европейской интеллигенціи.

Онъ доставилъ этой формулѣ долговѣчность своимъ болѣе глубокимъ пониманіемъ «соціальныхъ антагонизмовъ», своимъ умѣніемъ завладѣть до нѣкоторой степени классовой борьбой рабочихъ и ввести ее въ нужныя ему рамки. Исторія февральской революціи не побудила марксизмъ ни въ малѣйшей мѣрѣ признать какія-либо свои ошибки. Напротивъ, придя послѣ 48 года лишь въ болѣе пессимистическое настроеніе онъ объявилъ себя безошибочнымъ откровеніемъ. Этимъ онъ, конечно, не только не предохранилъ рабочій классъ отъ политической эксплуатаціи демократическимъ обществомъ, а напротивъ гарантировалъ радикальной буржуазіи эту эксплуатацію гораздо прочнѣе, чѣмъ другія социалистическія направленія. И въ настоящее время, въ Россіи марксистская партія открыто и съ гордостью сама заявляетъ объ этомъ, ручаясь за благополучное проведеніе либеральной революціи съ помощью воспитанныхъ ею рабочихъ.

Провозглашеніе откровенія, въ исторіи всегда имѣло цѣлью ограниченіе, обузданіе борьбы порабощенныхъ. Такую же самую цѣль преслѣдуетъ и социалистическое, и въ частности, марксистское откровеніе. Борьба противъ грабителей никоимъ образомъ не должна идти дальше того предѣла, который назначенъ ей первоначальной формулой социализма. Грабители — только капиталисты, только владѣльцы средствъ производства.

Социалистическая наука не только не раскрываетъ основы вѣковой неволи. Ея откровеніе, съ которымъ соединено грубое суевѣріе массъ, прикрываетъ непроницаемымъ щитомъ всѣ остальные способы паразитнаго существованія, всю новую развивающуюся форму грабежа. Все большая и большая часть буржуазнаго общества получаетъ фондъ для своего паразитнаго существованія, какъ интеллигенція, какъ армія умственныхъ рабочихъ, невладѣющая лично средствами производства, но безпрерывно увеличивающая и умножающая свои доходы, которые достаются ей, какъ наслѣдственному владѣльцу всѣхъ знаній, культуры и цивилизаціи. Все это паразитное существованіе современнаго образованнаго общества, результатъ вѣкового грабежа, специальная новѣйшая форма присвоенія меньшинствомъ всего на-

слѣдія вѣковъ, грабежъ обрекающій большинство человѣчества на положеніе низшей необразованной расы рабовъ, этотъ грабежъ старательно заслоненъ щитомъ социалистическаго ученія, по которому единственные эксплуататоры — владѣльцы фабрикъ и земли, а интеллигенція живетъ собственнымъ трудомъ. Подъ щитомъ социалистической науки произростаетъ безпрепятственно новѣйшая форма грабежа.

V

Если, какъ показао выше социализмъ XIX ст. никогда не рѣшался низвергать вѣковой неволи, т. е. грабежа, положеннаго въ основу самого существованія цивилизованнаго общества, если онъ не сознаетъ и не ощущаетъ той специфической его формы, до которой онъ развился въ новѣйшее время, то неизбѣжна утопичность всѣхъ создававшихся и возникающихъ его плановъ освобожденія рабочаго класса. Послѣднее для него немыслимо представить, какъ *единое* дѣло, ибо ему недоступно пониманіе *единаго* источника неволи, изъ котораго проистекаетъ одинъ и тотъ же вѣковой гнетъ господствующихъ надъ порабощенными. Социализму непремѣнно нужно распредѣлить господство по меньшей мѣрѣ на два его главныхъ вида (политическій и экономическій) и для каждаго изъ нихъ устанавливать особый источникъ. Современный социализмъ безпрестанно удаляется, — и въ видѣ анархизма онъ удалился болѣе всего и безповоротно, — отъ [illegible]нія того, что грабежъ, — служащій исходнымъ пунктомъ и осно[illegible]лизованнаго общества, вручая грабителямъ *владѣніе* ма[illegible]ми богатствами и культурой, — даетъ имъ тѣмъ же самымъ [illegible] надъ ограбленными, власть, организующую *государство*. [illegible]ничтоженіе государства есть уничтоженіе вѣкового грабежа.

Современный социализмъ наровитъ прежде всего выдѣлить упраздненіе грабежа, экспропріацію въ особое специальное «экономическое освобожденіе» и главнымъ образомъ превратить его изъ акта захвата имущества порабощенными, захвата, производимаго заговоромъ, силою и возстаніемъ, въ актъ социалистическаго строительства свободныхъ членовъ общества, освободившихся уже предварительно въ «политической революціи». Примѣненіе насилія для освобожденія рабочаго класса относится такимъ образомъ преимущественно къ политической революціи (къ захвату власти у соц.-д.-овъ, къ низверженію государства у анархистовъ), *экономическое* же освобожденіе социализмъ все болѣе старается представить какъ добровольное и свободное социалистическое строительство.

И здѣсь всѣ теченія современнаго социализма строятъ одну и ту же утопію. Она заключается въ ихъ представленіи, будто *раньше* социалистическаго — по ихъ выраженію — преобразованія общества предстоитъ достигнуть полной свободы дѣйствія, путемъ или соц.-д.-аго преобразованія демократіи въ идеальное выраженіе народной воли или анархическаго упраздненія государства. Этимъ современные социалисты заставляютъ думать, что ограбленные сдѣлаются свобод-

ными раньше упраздненія грабежа, которому они подвергнуты, раньше, чѣмъ сдѣлаются владѣльцами богатствъ и цивилизаціи, имущественно равными людьми. Но это и значилъ проповѣдывать величайшую утопію, которая притомъ еще, съ прогрессомъ цивилизаціи, самими соціалистами, все больше удаляется въ безконечность.

Анархизмъ и соц.-дем.-измъ въ одинаковой мѣрѣ исповѣдуютъ эту утопію. И одинъ, и другой гоняются за фикціей обезпечить ограбленнымъ рабамъ свободу раньше завоеванія равнаго со всѣми имущественнаго обезпеченія, лишь путемъ одного революціоннаго воздѣйствія на государство въ отграниченной ими чисто политической области. Соц.-д.-измъ обѣщаетъ поймать эту фикцію предварительнымъ усовершенствованіемъ народнаго представительства, анархизмъ упраздненіемъ централизованнаго государства и раздробленіемъ его на мелкія общины для наиболѣе полнаго самоуправленія и «прямого народнаго законодательства». Анархизмъ, какъ видно изъ сказаннаго есть лишь крайній пунктъ въ развитіи все того же идеала свободы демократіи. Оба направленія стараются выставить другъ друга противоположностями, но въ дѣйствительности сходятся на одной и той же демократической утопіи, стремленіи къ «свободному союзу свободныхъ общинъ», гдѣ правительство является слугою народа, гдѣ народъ правитъ самъ и потому вводитъ для общаго счастья соціалистическую ассоціацію. Подъ програмкой Парижской коммуны, «желающей упразднить государство» и не желающей внушать своей воли остальнымъ общинамъ Франціи, подъ этой программой, полной безпомощности передъ силой буржуазіи, подписались одинаково, какъ извѣстно, и Бакунинъ и Марксъ, и Энгельсъ и Кропоткинъ.

Демократическій идеалъ для достиженія всеобщей свободы ... мываетъ всевозможныя свои изобрѣтенія, какъ подъ видомъ с... изма, такъ и подъ видомъ анархизма. Но преподноситъ ли ... альное демократическое государство, или идеальную, самостоятель... мелкую общину, все равно — ни въ одномъ, ни въ другой никакая свобода не наступаетъ еще для того, кто рождается неимущимъ, обреченнымъ на ручной трудъ, кто ничего не знаетъ кромѣ своей рабской ручной работы, которой онъ съ дѣтства занятъ, въ то время, какъ другіе, счастливые рождаются владѣльцами цивилизаціи, воспитываются въ образованныхъ, въ правителей. И когда въ такомъ идеальномъ обществѣ «средства производства переходятъ въ руки общества» вѣковой грабежъ оказывается совсѣмъ ненарушеннымъ, ибо *управленіе* производствомъ, вся культура и ея плоды остаются въ рукахъ бѣлоручекъ, а у рабочихъ остается все то же старое счастіе быть исполнителями—рабами ученыхъ господъ.

Демократическая свобода все равно—является ли она въ видѣ с.-д.-аго государства, или въ видѣ анархистской коммуны,—даетъ лишь свободу образованному обществу, владѣльцу цивилизаціи и знаній.

Свобода для рабочихъ завоевывается совсѣмъ на другомъ пути,—на пути всеобщихъ стачекъ—возстаній, поднятыхъ за участь людей, обреченныхъ на каторгу ручного труда.
